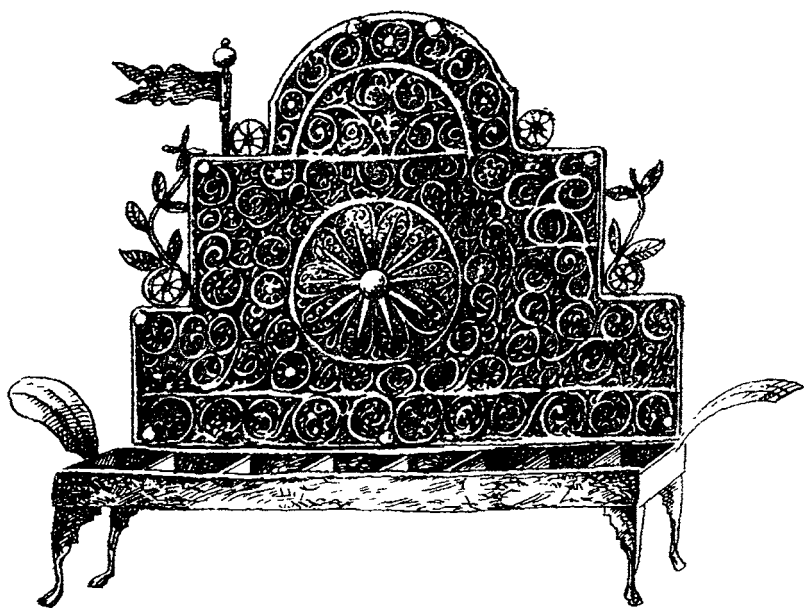

МУДРЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

МУДРЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

МИНСК
"УРАДЖАЙ"
1999

УДК 830-088+398.2(=924)
ББК 84(5 Изр)6—4
М 90

Составители: *Э. Г. Иоффе, Г. Л. Релес*

**Мудрые еврейские сказки / Сост. Э. Г. Иоффе,
М 90 Г. Л. Релес; Авт. предисл. Э. Г. Иоффе; худож. Ю. В.
Волынец. — Мн.: Ураджай, 1999. — 272 с.: ил.
ISBN 985-04-0424-8**

В сборнике собраны еврейские сказки, сказания, пословицы, поговорки, изречения.

Для детей старшего школьного возраста.

УДК 830—088+398.2(=924)
ББК 84(5 Изр)6—4+82.3(5 Изр)

© Э. Г. Иоффе, Г. Л. Релес,
составление, 1999

© Ю. В. Волынец, художественное
оформление, 1999

ISBN 985-04-0424-8

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗОЧНЫЙ МИР

Можно без преувеличения сказать, что еврейская народная сказка — это душа еврейского народа.

История еврейского народа — одного из древнейших народов мира — насчитывает четыре тысячелетия. История эта необычна: мы не знаем другого такого примера, когда бы народ, утративший свою государственность, рассеянный по всему миру, два тысячелетия проживший вне исторической родины, тем не менее смог оставаться единым народом и после двухтысячелетнего рассеяния вновь создал государство на своей древней земле.

Отсутствие почвы, отсутствие нормальной национальной жизни привело к укоренению галутного сознания. Уже стало казаться, что это и есть предназначение еврейского народа: быть в рассеянии, что это — не бедствие, не наказание Божье, а, наоборот, служение. Конечно, мысль о возвращении в Сион никогда не оставляла евреев, но сделалась отдаленной мечтой. Не было того трагизма, даже отчаяния, которые владели евреями во время вавилонского изгнания, того плача о потерянной родине и поисков возврата. Изгнание стало бытом и жизнью, возвращение — мечтой. Вот придет Мессия, Он и возвратит нас — так в конце концов стали думать. Но когда еще Он придет...

В силу особых политических условий часть еврейского народа оказалась оторванной от своих исторических корней и культурного наследия. Превратив евреев из народа на своей земле в духовную общину, тогдашние вожди еврейского народа, сами того не заметив, вывели этот народ из живой истории. Бог евреев — Бог истории, святое писание прежде всего веще-

ственно, полно земными историческими реалиями, и эта реальная история богоизбранного народа и есть развернутое во времени Божественное Откровение.

Как и у всех других народов в древности, в талмудическую эпоху у евреев сказки и сказания заполняли собой весь духовный мир человека. Только незначительная часть их сохранилась в древнейшем литературном памятнике евреев — Библии. Читая еврейские народные сказки, можно видеть некоторое влияние других культурных народов древности, с которыми еврей-кочевники приходили в соприкосновение. Но и заимствованные сказочные мотивы подверглись творческой переработке и приняли определенную национальную окраску. При этом необходимо иметь в виду, что большинство библейских сказок сохранилось не в своем первобытном виде, в каком они жили в памяти и на устах народа.

Сводным памятником древнееврейской культуры стал Танах — канонизированное Священное Писание иудаизма. Без знакомства с Танахом трудно понять смысл ряда еврейских сказок.

Среди еврейских сказок весьма видное место занимает обширный цикл сказок, которые не являются продуктом народного творчества в подлинном смысле этого слова, а скорее относятся к типу дидактических сказок, к которым творцы Талмуда прибегали для проведения в жизнь национальных или религиозно-этических тенденций. Можно смело сказать, что эти сказки весьма родственны притчам, к которым законоучители часто прибегали в своих религиозно-нравственных наставлениях.

Интересно, что в этих еврейских сказках фигурируют преимущественно библейские лица: патриархи, цари, пророки, военачальники и другие, причем лица одной эпохи приводятся в соприкосновение с фактами и лицами другой эпохи. За четыре тысячелетия еврейской истории героями еврейских народных сказок и сказаний стали такие цари Израиля, как воинственный Саул, гордый Давид, мудрый Соломон; мудрецы Гилель, Акива, Иегуда-Анаси. Героем многих еврейских сказок является основатель хасидизма и великий свя-

той нового времени Баал-Шем-Тов, который давно уже стал другом еврейской детворы во всем мире.

Средние века, когда рассеянное по всему миру еврейство пришло в соприкосновение со всеми культурными народами, являются расцветом еврейского фольклора. Многие из сказочных мотивов, встречающихся уже в Талмуде, послужили в средние века неиссякаемым источником для весьма богатых по своему содержанию сказок, сказаний и легенд. Таковы, например, сказки и сказания о Мессии, о десяти коленах, о реке Санбаттоне, о пророке Илии. Последний стал самой популярной фигурой еврейского фольклора. Илия-пророк являлся всюду, где была необходима помощь. Народная фантазия превратила его в гения-хранителя всех невинно страждущих, всегда готового защитить слабых, помочь бедным, укротить жестоких и злых.

Зародившееся во второй половине XVIII века хасидское движение обогатило цикл еврейских народных сказок, сказаний и легенд. Вожди этого движения очень часто облекали свои поучения в форму сказок. У некоторых из этих вождей, особенно у правнука основателя хасидизма Бешта — р. Нахмана Брацлавского, дидактические сказки принимали весьма поэтические образы, не теряя при этом своего символического характера. Наиболее излюбленными персонажами этих сказок стали царь и царевич, мудрец и простак, нищий и корчмарь.

Древнейшим памятником мировой духовной цивилизации, устная традиция которого восходит ко временам до нашей эры, является "Агада". Это повествовательная часть Талмуда, содержащая фольклорные предания и этические притчи. В нашей книге приводятся наиболее интересные еврейские сказания из этой сокровищницы мировой культуры, изданные впервые на русском языке в 1910-м году.

Одним из величайших, может быть самым великим еврейским философом считается Моше бен Маймон (аббревиатура его имени — Рамбам, из латинских источников известен как Маймонид). Жизни и деятельности этого человека посвящено

сказание "Рамбам и слепец".

Мудрость еврейского народа как нельзя лучше воплощена в еврейских пословицах и поговорках. Составителями книги проделана большая работа по сбору этих пословиц и поговорок, переводу их с идиша и иврита.

Хочется надеяться, что читателям нашей книги передастся тот огромный заряд мудрости и добра, стремления к знаниям, справедливости, готовности неустанной борьбы с глупостью и злом, постоянного оптимизма, веры в будущее и лучшую жизнь, который заложен в еврейских народных сказках, сказаниях, пословицах и поговорках. Прочитав данное издание, читатели лучше поймут душу еврейского народа — народа Книги, который всегда выступал и выступает за идеалы мира, добра и справедливости.

ЭММАНУИЛ ИОФФЕ,
доктор исторических наук,
профессор, академик Международной академии
изучения национальных меньшинств

СКАЗКИ

КАК МОШЕ-РАБЕЙНУ* СТАЛ ЗАЙКОЙ

Известно, что за Моше часто говорил его брат Агарон, потому что Моше сильно заикался. Вот как он стал зайкой.

Найдя Моше на Ниле в зарослях камыша, дочь фараона поцеловала очаровательного младенца и сразу полюбила как родного сына. Когда она принесла его во дворец, все столпились поглядеть на необыкновенного ребенка и только диву давались, какой он красивый.

Положила дочь фараона маленького Моше на колени своему отцу, и тот стал его забавлять. Вдруг Моше выпростал руку, схватил фараонову корону и надел себе на голову. Все так и замерли: не означает ли это, что когда-нибудь младенец станет могущественнее самого фараона? И обратились к владыке приближенные:

— Всемогущий фараон! Опасаемся мы, как бы не отнял он у тебя в будущем власть. Лучше нам убить его, закопать живьем на том месте, где убивают еврейских младенцев.

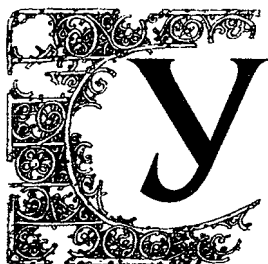
Но один из приближенных сказал:

— Нет, давайте лучше испытаем его. Пусть поставят перед ним блюдо с золотом и с горячими углями. Если ребенок потянется к золоту, значит, на уме у него злые замыслы против фараона, и тогда мы его казним. Если же он протянет руку к углям, значит, нет у него дурных замыслов против нашего великого владыки.

Так они и сделали. Увидев блестящее золото, ребенок протянул к нему руку, но посланный Богом ангел Габриэль подтолкнул ее к горячим углям. Маленький Моше схватил уголек, взял его в рот и обжег язык. С тех пор он и стал зайкой.

* Моше-рабейну — пророк и вождь еврейского народа. Вывел евреев из египетского рабства и во время их скитаний по пустыне получил на горе Синай Тору от Всевышнего.

ПУТИ ГОСПОДА ПРАВЕДНЫ

Моше болело сердце за униженных и оскорбленных. Неправедливость так огорчала его, что он сказал Богу:

— О, Всемогущий, Судья над всем миром! Не могу я стоять в стороне и смотреть, как унижают праведника, притесняют вдову и обижают сироту. Не могу видеть зло и мириться с ним. Прошу Тебя, поведай мне тайны путей Твоих, покажи, как вершишь Ты суд справедливый и праведный. Хочу постичь пути Твои, чтобы растолковать всему роду людскому, что награждаешь Ты человека за заслуги и наказываешь его за грехи.

И сказал Бог:

— Слышу молитву твою, мой верный слуга Моше. Подними глаза свои к небу, и открою Я тебе тайны судов Моих праведных, как не открывал еще ни одному смертному. Внимательно следи за тем, что Я тебе покажу.

И увидел Моше: бежит ручеек тихо, мирно у подножья холма. Воды его чисты, как кристалл, и волны искрятся на солнце. Вдруг откуда ни возьмись подъезжает статный и сильный воин, одетый в стальную кольчугу. И, словно предвещая недоброе, небо становится хмурым, а над зеленым холмом нависают черные тучи. Спешился воин, наклонился к ручью и напился воды. Когда он, становясь на колени, наспех отстегивал доспехи, из кармана у него выскользнул кошелек. Обтер воин губы, сел на коня и ускакал, не заметив, что все его состояние осталось лежать у ручья.

Через несколько минут красивый юноша-пастух привел к ручью стадо на дневной водопой. Удивился он, найдя кошелек, взял его дрожащими руками, посмотрел, что внутри, и радостно закричал:

— Сегодня счастье вновь ко мне вернулось! Спа-

сибо, Господи! Не буду я больше в кабале у жестокого хозяина. Возвращусь, наконец, в родные края, куплю любимой матери дом, и станет она в нем спокойно доживать свой век. Не будет больше тяжкий труд сводить ее в могилу. Спасибо тебе, Боже, большое спасибо! — и он быстро погнал овец назад к хозяину, от которого ему уже не придется терпеть унижений и оскорблений.

Потом Моше увидел, как к ручью подходит старик. Усталый и измученный долгими скитаниями, опустился бродяга на дрожащие колени, раскрыл суму, вынул кусочек черствого хлеба и присел на берегу спокойного ручья. Закончив есть, он вытянул свои старые косточки и уснул.

Меж тем воин, который не успел еще далеко ускакать, заметил, что потерял свое богатство. Пришпорил он коня и вернулся к ручью, вспомнив, что наклонялся попить из него. Не найдя своих денег, он поднял старика, схватил его за горло и закричал:

— Отдавай мои деньги, старый негодяй, или я всажу в тебя этот меч и сдеру твою поганую шкуру! Где мои деньги?

Испуганный старик в ужасе отпрянул назад.

— Не знаю я, где твои деньги, не видел я их!

— И часу не прошло, как я потерял здесь кошелек, — закричал воин, — никого тут не было, кроме тебя! Отдавай кошелек или я тебя убью!

— Потерял — пеняй на себя! Зачем других оскорблять?! Как говорится, пострадавший остается в накладе, — рассердился старик и отвернулся от разъяренного воина.

А тот, потеряв голову, выхватил меч и убил старика. Затем, обыскав его одежду, сумку, все его жалкое имущество и ничего не найдя, пнул ногой мертвое тело, сел на коня и ускакал.

Увидев эти картины, Моше воззвал к Богу:

— Бог мой. Ты обещал показать мне, как в Твоем мире торжествует справедливость, а я здесь увидел унижение за унижением, несправедливость за несправедливостью, злодеяние за злодеянием. Невинный человек погиб от руки хладнокровного убийцы, а

скромный на вид юноша, лицемеривший пред Богом, оказался просто вором.

— Поспешен ты в своих суждениях,— сказал Бог.— Посмотри на другую картину, и все станет ясно.

И перед Моше развернулась иная панорама.

— Что видишь ты теперь, мой верный слуга Моше?

— Вижу хромого крестьянина,— ответил Моше.— Он ведет за руку мальчика. А теперь вижу — крадется какой-то старик и прячется за кустом. Вот он вдруг выскакивает из-за куста с ножом в руках и убивает крестьянина. Выхватывает из мертвой руки кошелек, набитый золотыми монетами. А вот показался солдат на коне. Он слышит крики мальчика. С вершины холма он видел все: убийство, кражу, слезы мальчика, но сердце его не дрогнуло от злодеяния, совершенного у него на глазах, и он поскакал дальше, заливаясь смехом.

Ошеломленный Моше задохнулся от ужаса, а Бог сказал ему:

— Не удивляйся, слушай внимательно. Я открою тебе пути правосудия. Старик, убитый у ручья, и есть тот бродяга, который убил крестьянина. Всадник, который не вмешался, видя, как у него на глазах убивают человека, и есть тот воин, что потерял кошелек. Где же он взял деньги на дорогие доспехи, хорошую лошадь и оружие? Выследил убийцу и украл у него кошелек, который тот отнял у хромого крестьянина. Прошло десять лет, и злой солдат не узнал бродягу.

— А пастух,— сказал Моше,— как я понимаю...

— ... и есть сын того крестьянина. Теперь ты прав, добрый Моше,— ласково сказал Бог.— Оставшись без отца, он десять лет тяжело трудился, чтобы прокормить себя и мать, и жизнь его была нелегкой. И вот теперь у тихого ручья встретились добро со злом. Пролилась кровь того, кто проливал чужую кровь, украденный кошелек вернулся к полноправному хозяину — наследнику крестьянина. Ни один человек не может нажиться на насилии и грабеже!

Услышав эти слова, сказал Моше:

— Мой Бог, Ты праведный Судья. Ты точно от-

меряешь наказание тому, кто его заслужил, сдерживая Свой гнев во имя победы добра. Благословенно Имя Твое. Амен!

РАЗГОВОР С ФАРАОНОМ

Бог послал Моше и Агарона во дворец к фараону передать Свое повеление: "Отпусти Мой народ, и он будет служить Мне!" А в этот день фараон устраивал торжественный прием для царей соседних земель. Все великие владыки принесли ему дары и просили: "О, фараон! Назначь себя царем над царями, и станешь ты еще более великим и могущественным, чем боги!"

Как раз в этот момент Моше и Агарон подошли к дворцовым воротам, которые охранялись дикими зверьми: леопардами, львами, медведями. Ни одного человека не пропускали они во дворец. Но когда приблизились Моше и Агарон, звери бросились лизать им ноги, и братья целехонькими вошли в тронный зал.

Сиянием Божьей славы светились их лица. Царей охватил ужас. Они снимали короны и, дрожа от страха, пали ниц перед этими старцами.

Только жестокосердного фараона не тронула Божья слава.

— Вы кто такие? — спросил он. — Вас что, приглашали? Дары вы мне принесли? Хвалебное послание от вашего царя при вас?

— Мы принесли повеление всемогущего Бога, — сказал Агарон. — Вот оно: "Отпусти Мой народ, и он будет служить Мне!"

Разгневался фараон и сказал:

— Всемогущий бог? Кто он такой? Я никогда не слышал о нем. Какое право он имеет указывать мне, что делать с моими рабами? Что он за бог, если даров не прислал! Не знаю я вашего бога и ни за что не

отпущу рабов моих, сынов Израиля. Мне они служат, а не ему! — и фараон рассмеялся своей шутке.

— Ты узнаешь, кто такой всемогущий Бог,— сказал Агарон. — По делам Его узнаешь. Он — Бог Израиля и всех гонимых.

— Так-так,— сказал фараон,— придется поискать вашего всемогущего бога в моей книге, где значатся все признанные боги. Подать мне книгу! — приказал он и, посмотрев в нее, сказал:

— Здесь есть бог мидиан, жителей Сидона, моавитян, но нет бога Израиля. Он старый или молодой? Сколько земель он покорил? Скольких соперников убил? Давно ли стал богом?

И ответил Агарон:

— Его слава не в твоей книжице, а во всей вселенной. Он не покоряет и не убивает. Он исполнен жалости, сострадания и любви к поработанному народу. Еще земли не было, а Он уже был, и если рухнут небеса, Он все равно будет. Он создал человека и вдохнул в него жизнь.

— Все это прекрасно,— по-прежнему насмешливо сказал фараон,— но что же он все-таки сделал?

И Агарон ответил:

— Он отделил небеса от тверди земной, Он создал горы и долины, Он повелевает ветру дуть и дождю — литься. Он создает младенца во чреве матери и выводит оттуда на свет, чтобы тот возрадовался Ему. Вот что делает Бог. Он создает, а не разрушает!

— Не разрушитель — не бог! — сказал жестокосердный фараон.— Кто он такой, чтобы я его слушался?

— О, безжалостный фараон,— сказал Агарон. — Наступит день, когда тебе придется прислушаться к Его голосу и исполнить Его повеление — "Отпусти Мой народ..".

И Моше с Агароном в сиянии Божьей любви удалились от фараона. Дрожащие цари и царедворцы расступились, давая им дорогу, и братья вернулись к воротам, через которые вошли, а свирепые звери преданно виляли перед ними хвостами.

ПОЧЕМУ МОШЕ БРОСИЛ СКРИЖАЛИ*

Моше радостно спускался с горы Синай со скрижалями на руках. Он был счастлив, что Бог дал Десять Заповедей, что именно ему повелел передать их сынам Израиля.

Нести скрижали не составляло труда, потому что слова, написанные на них, были святы. И хотя каждая из каменных плит весила много пудов, он не чувствовал усталости: радость помогала ему их нести.

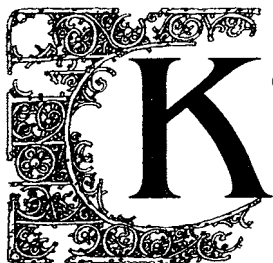
Спустившись с горы и услышав шум плясок, дикий хохот и громкое пение, Моше почувствовал, что его ожидает какое-то страшное зрелище. Приблизившись, он понял, что делали сыны Израиля, которых он вывел из египетского рабства: они поклонялись золотому тельцу! Скрижали, казавшиеся до сих пор такими легкими, вдруг стали тяжелыми, слова, несомые на крыльях ангелов, окаменели, груз оказался для него непосильным. Отяжелевшие скрижали упали и разбились.

Есть еще одно толкование этого события.

Увидев, что сыны Израиля поклоняются золотому тельцу, Моше подумал: "Бог непременно накажет их за такой грех. О, мой народ! Ради тебя отказался я от высокого положения при египетском дворе, ради тебя стал изгнанником! Как же мне спасти тебя от Божьего гнева?" Вдруг ему в голову пришла такая мысль: "Справедливый и всемогущий Бог не накажет моих собратьев: ведь они не ведают, что творят. Они еще не получили скрижалей, которые повелевают никому не поклоняться, кроме Единого Бога". И Моше выронил скрижали, и они разбились.

*Скрижали — каменные плиты, на которых сам Всевышний начертал текст десяти основополагающих заповедей Торы.

ТОРА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

огда Моше поднялся на небеса получать Закон, который Бог, благословенно Имя Его, дал народу Израиля, ангелы сказали:

— Творец вселенной, что делает здесь смертный, среди нас,

обитателей небес?

— Он пришел получить Тору,— ответил Бог.

Тогда ангелы сказали:

— Неужели Ты дашь человеку сокровище, которое берег с тех давних пор, когда еще и мир-то не был сотворен? Кто такой человек, чтобы Ты давал ему священное Учение? Даруй Свое сокровище жителям небес, оставь Тору здесь и не давай человеку.

Тогда Бог обратился к Моше:

— Ответь ангелам. Услышав слова Бога, Моше сказал:

— Владыка мира, что написано в Учении, которое Ты готов мне дать? Разве не говорится в нем:

"Я, Господь,— Бог ваш, который вывел вас из страны египетской"? А вы, ангелы, разве были в Египте, служили фараону трудом своим тяжким? Зачем же Господу, благословенно Имя Его, давать вам Тору? И еще написано в Учении: "Не будет у вас других богов, кроме Меня". Но ведь вы не живете среди других народов мира, откуда же у вас появится соблазн служить другим богам? И дальше написано: "Не произноси Имени Господа, Бога твоего, попусту". Разве вы ведете дела и можете принести ложную присягу? И еще сказано: "Чти отца своего и мать свою". Но у вас нет ни отцов, ни матерей, зачем же повелевать вам чтить их? "Не убивайте, не прелюбодействуйте, не крадите",— говорит Тора. Разве существуют среди вас зависть и ненависть? Зачем же повелевать вам не делать того, к чему вы не склонны? Учение предназначено для тех, кто живет на Зем-

ле, постоянно подвергаясь соблазну, для тех, кто уповает на опору и присутствие Бога, для тех, кто страдает сам и сочувствует другим. Нет, Тора не предназначена для ангелов. Она нужна людям.

ДВА СВИДЕТЕЛЯ

В времена царя Саула жила в городе Ашкелоне одна вдова. Умирая, муж оставил ей богатое наследство: множество золотых и серебряных монет и слитков. Вдова все боялась, что ее обкрадут, и не могла придумать, куда спрятать свои сокровища. Наконец, она сложила их в глиняные кувшины, залила сверху медом и поставила в кладовку.

Однажды вдове пришлось надолго отправиться в дальние края. Перед отъездом она занесла кувшины с сокровищами к соседу и попросила сохранить их до ее приезда. Что в этих кувшинах, она ему, конечно, не сказала и понадеялась, что сам он в них заглядывать не будет. Но очень скоро у соседа в доме был большой пир, и к концу трапезы гостям за столом не хватило меда. Сосед решил налить меду из кувшина вдовы. Едва он оттуда зачерпнул, как увидел, что там золото, а вовсе не мед. Он заглянул в другие кувшины вдовы и увидел, что они полны сокровищ, как и первый. Тогда сосед, недолго думая, переложил все богатства в свою посуду, вышел из кладовки и никому ничего не сказал.

Через много дней вернулась вдова в Ашкелон, забрала у соседа свои кувшины, принесла их домой и... Ах! Кувшины оказались пусты. Заплакала вдова, побежала к царю Саулу и рассказала ему, что сосед обобрал ее. А по закону обижать вдов не полагалось.

— Свидетели у тебя есть? — спросил царь. — Кто-

нибудь видел, как ты деньги клала в мед?

— Кто же мог видеть? — плакала вдова. — Я ведь это втайне делала.

— Раз свидетелей нет — ничем не могу тебе помочь, — сказал царь. — Теперь тебе разве что Всевышний поможет.

Заплакала вдова, вышла из царского дворца и побрела по дороге. А около дороги играли ребята. Один из них, рыжий, с золотыми прекрасными глазами, заметил вдову, подбежал к ней и спросил с сочувствием:

— Что с тобой? Отчего ты так плачешь?

Рассказала ему вдова, как обобрал ее сосед, как рассудил царь, и раз нет у нее свидетелей, то и осталась она нищая и одна-одинешенька на свете.

— Не плачь, добрая женщина. Есть еще надежда, — сказал мальчик. — Быстро иди к царю и проси его, чтобы он меня позвал в судьи. И правда выйдет на свет.

Поспешила вдова к царю Саулу и сказала ему все, как мальчик велел.

— Пусть приходит и рассудит, — согласился царь.

Пришел мальчик во дворец. Царь увидел его и засмеялся:

— Такой маленький, а уже судить берешься?

— Сужу не я, а Господь, — гордо ответил мальчик, — я лишь сделаю то, что смогу. Разреши мне, и я рассужу этих людей. Правда сама на свет выйдет.

— Ну, суди, — кивнул царь.

Мальчик велел привести соседа, а вдове велел принести кувшины, которые она ему оставляла. Когда вдова принесла кувшины, мальчик указал на них соседу:

— Эти кувшины оставляла тебе женщина?

— Эти, — ответил сосед.

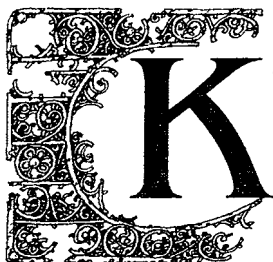
Тогда мальчик стал брать кувшины один за другим и разбивать их на мелкие осколки. Никто не понимал, зачем он это делает. Вдруг на одном из осколков ярко блеснули две золотые монеты. Они приклеились ко дну кувшина и не попали в руки вора.

— Вот — два свидетеля! — указал мальчик на монеты. — А это — вор! — указал он на соседа. — И свидетели рассказали правду.

Вор понял, что правда вышла на свет, и вернул вдове все деньги, которые он у нее украл.

Скоро весь еврейский народ знал историю о том, как мальчик рассудил вдову с соседом и вывел на свет правду. И все говорили о том, что он умница и с ним Бог. Имя этого мальчика было Давид, и пришло время, когда он стал царем Израиля.

ВОЛШЕБНЫЙ ШАМИР

кто знает, где водится шамир? А кто знает, что такое шамир? Никто не знает? Не беда! Даже царь Соломон, мудрейший из мудрых, ни о каком шамире и слыхом не слыхивал.

Когда царь Соломон задумал возвести в Иерусалиме Храм, он приказал доставить на строительство огромные камни. Камни доставили, но вот задача: чем их обработать? Как разрезать на части? Ведь эти священные камни нельзя было резать ножом, пилить пилой, рубить топором. Что делать? Один советник подсказал царю:

— Слыхал я, люди говорили, что есть на свете штука такая, камень — не камень, зверек — не зверек, величиной всего с ячменное зернышко. Шамир называется. Очень он сильный — этот шамир. Легко разгрызает на части камни, стекло и даже железо.

— Разыскать этот шамир и доставить на строительство Храма,— приказал царь Соломон.

Множество царских слуг пустились на поиски. Искали, искали, да так и не нашли, потому что никто не знал, где водится волшебный шамир.

Тогда советник вновь обратился к царю:

— Слыхал я, люди говорили, есть пещера, около города Ашкелона, а в пещере той живут восемьдесят колдуний. Может быть, они знают, где найти шамир.

Снарядил царь Соломон своего главного воево-

ду богатыря Бнаягу, сына Игояда, и с ним восемьдесят богатырей в поход за волшебным шамиром. Выступили богатыри в путь. Каждый взял с собой большое темное покрывало и кувшин. Покрывала сложили в кувшины, а кувшины несли на головах и укрывались ими от дождя, потому что день был пасмурный и дождливый. Пришли богатыри в Ашкелон, остановились напротив входа в пещеру колдуний и Бнаягу-богатырь сказал:

— Слушайте меня внимательно: когда я свистну один раз — накидывайте на себя покрывала. Свистну второй раз — заходите все в пещеру и приглашайте колдуний на танец. Во время танца колдуний надо приподнять и оторвать от земли, потому что каждому известно, что сильны они только, пока ногами земли касаются. И когда они злой силы лишатся, спросите их про шамир.

Так сказал Бнаягу своим богатырям, потом заглянул в пещеру и громко прокричал:

— Оим! Оим! — в точности так, как зовут Друг друга колдуны и колдуньи.

— Кто там? — раздалось из глубины пещеры.

— Я колдун, как и вы! — ответил Бнаягу, — я сын Бритхена. Позвольте мне войти!

Выглянула из пещеры одна колдунья, осмотрела Бнаягу с головы до ног и спросила:

— Откуда это ты сюда явился такой сухой и чистый, когда на улице дождь?

— Между дождинками пробежал, — ответил Бнаягу.

— А зачем ты сюда пришел? — спросила колдунья.

— Учиться и учить. Учиться у вас всякому колдовству и вас научить кое-каким новым штукам.

Открыла ему колдунья дверь, зашел Бнаягу-богатырь в пещеру, а там тьма кромешная и восемьдесят колдуний притаились. Но Бнаягу не испугался, потому что был богатырь и герой и очень хотел добыть шамир.

— Теперь посмотрим, что вы умеете, — сказал колдуньям Бнаягу. Колдуньи оживились, стали показывать свое искусство. Пещера тотчас наполнилась красиво накрытыми столами, а на столах — яства вся-

кие и напитки в роскошных сосудах. Волшебный аромат распространился вокруг.

— Ну, а ты? Что ты умеешь? — волновались колдуньи.

— Я? Ну вот вы наготовили тут всяких яств и напитков. А я свистну два раза, и появятся восемьдесят добрых молодцев, станут с вами петь-танцевать, и будет у нас пир горой.

Обрадовались колдуньи и давай просить Бнягу, чтобы он поскорее пригласил своих молодцев. Свистнул Бнягу один раз — молодцы услышали и накинули на себя покрывала. Свистнул второй раз — зашли молодцы в пещеру. Откуда ни возьмись, грянула музыка, каждый молодец пригласил колдунью, и все пустились в бешеный пляс. И когда колдуньи расплясались вовсю, подняли их молодцы сильными руками и спросили:

— Где шамир? Скажите нам, где найти шамир?

А колдуньи не могли им в этот миг ничего плохого сделать и сказали:

— У нас его нет. Но Асмодей — царь чертей, он про это знает. Далеко-далеко отсюда среди темных гор выкопал он себе колодец и каждый вечер приходит туда пить.

Услышали это молодцы, поблагодарили колдуний и пошли искать Асмодея. Долго они шли. Путь их был труден. Молодцы очень устали и не могли продолжить поход. Тогда Бнягу-богатырь один отправился к заветному месту. С собой он взял кувшины с вином, цепь железную да кольцо с именем Божьим.

Долго ли, коротко ли шел Бнягу-богатырь, спустился в долину среди темных гор и нашел там колодец Асмодея. И что же сделал Бнягу? Налил в колодец вино из кувшинов, накрыл колодец камнем, залез на дерево и стал ждать. Вечером пришел Асмодей. Он очень хотел пить, откинул камень и залпом выдул все содержимое колодца до дна. Вино ударило ему в голову, он свалился на землю и тут же уснул. Тогда Бнягу слез с дерева и связал Асмодея толстой железной цепью. Асмодей проснулся, давай ногами пинать, когтями скрести, а сделать ничего не может, потому что у Бнягу волшебное кольцо.

— Дай мне шамир для строительства Храма, и я освобожу тебя, — сказал он.

— Шамир не у меня. Он у Царя Морского, — ответил Асмодей.

Снял Бнаягу цепи с Асмодея и отправился в дорогу, искать Царя Морского.

Долгий путь пришлось пройти Бнаягу-богатырю, пока достиг он берега моря. Обвязался Бнаягу-богатырь толстой веревкой и начал помаленьку спускаться к жилищу Царя Морского. Долго спускался он, и вдруг услышал крик:

— Куда?! Остановись сейчас же!

Набежали огромные волны, порвали веревку и выбросили Бнаягу на берег, потому что нельзя нарушать покой Царя Морского.

Что же сделал Бнаягу-богатырь? Он построил стеклянную камеру, залез в нее, закрылся и стал погружаться в пучину морскую. Погружался он все глубже и глубже, пока не достиг, в конце концов, Царя Морского — владыки волн и рыб морских.

Разволновался-разбушевался Царь Морской, спросил грозно:

— Чего тебе тут надо? Ты разве не знаешь, что нельзя сыну человеческому спускаться в пучину морскую?

— Я пришел сюда, потому что должен найти шамир. Без него не построить Храм Божий, — храбро ответил Бнаягу-богатырь.

— Нет у меня шамира, — смягчился Царь Морской. — Большой Орел, что живет на вершине самой высокой горы, караулит шамир.

Поблагодарил Бнаягу Царя Морского и стал всплывать. Всплывал он до тех пор, пока не выбрался на сушу, и пошел к высокой горе.

Вот и гора высокая, крутая, точно стена. Далеко уходит за самые тучи. Начал на нее Бнаягу-богатырь взбираться. До самых туч залез, а дальше не может. Тогда запряг он в колесницу из туч тридцать могучих орлов, сам в колесницу сел и доставили его орлы на такую высоту, что Земля внизу как мячик была, а море как блюдце с водой. Огляделся Бнаягу-богатырь на вершине, увидел гнездо Большого Орла и

стал к нему подбираться.

— Кто нарушает покой моих птенцов? — грозно спросил Большой Орел. — Разве ты не знаешь, что человек, который забрался сюда, никогда не спустится обратно?

Ответил ему Бнягу-богатырь:

— Я послан сюда добыть шамир для постройки Божьего Храма. Со мной уже много случилось чудес. Я уверен, что и в этот раз Всевышний меня не оставит.

— Ну, раз так — шамир у меня, — сказал Большой Орел, — но я не могу тебе его дать. Я поклялся, что не отдам его человеку.

— А что ты делаешь с этим шамиром? — спросил Бнягу.

— Я беру маленький шамир и кладу его на голую скалу, где не растут ни трава, ни деревья. Через мгновение в скале образуется трещина. Тогда я приношу сюда семена деревьев, трав и цветов, засеваю их в эти трещины, и скоро скала расцветает зеленью и цветами, — объяснил Большой Орел и отказался отдать шамир Бнягу-богатырю.

Что же Бнягу-богатырь тогда сделал? Когда Большой Орел улетел за пищей для своих птенцов, Бнягу закрыл вход в гнездо листом белого стекла. Потом залез на дерево и стал ждать. Прилетел Большой Орел, хотел покормить своих птенцов, да не тут-то было — вход в гнездо стеклом закрыт. Большой Орел тотчас полетел и принес в клюве шамир. Посмотрел Бнягу-богатырь на шамир и увидел создание малюсенькое, величиной не больше ячменного зернышка и серое на вид. Большой Орел положил шамир на поверхность стекла, а Бнягу взял и бросил на стекло маленький камешек. Шамир подпрыгнул и упал у подножия дерева, на котором сидел Бнягу-богатырь. Хотел Большой Орел схватить шамир, но Бнягу-богатырь опередил его. Он спрыгнул с дерева и выхватил шамир из когтей Орла. И Большой Орел ничего не мог с ним поделать, потому что на пальце его было кольцо с именем Божьим.

Когда Бнягу-богатырь спускался с гор, началось

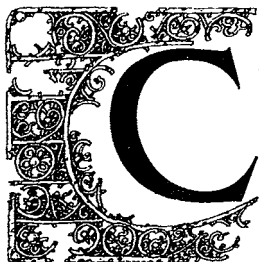
сильное землетрясение, и Бнягу-богатырь очутился в ущелье, со всех сторон окруженном глухими скалами. Бнягу-богатырь не растерялся, положил на скалу волшебный шамир, скала раскололась надвое. Бнягу пролез в расщелину и спустился в долину, неся с собой шамир.

Долгий путь пришлось пройти Бнягу-богатырю, пока дошел он до Иерусалима и предстал пред царем Соломоном. Положили строители маленький шамир на большие камни, и шамир вмиг разгрыз их так, как было нужно по замыслу.

Прошло время, и вырос в Иерусалиме Храм, прекрасный в своем совершенстве и великолепии. Стены его были из камней больших и красивых, покрытых зеленовато-голубым мрамором. Врата его были из чистого золота. Дворы и залы в Храме просторные. Светильники золотые, украшенные цветами и листьями, коваными из золота. Был этот Храм прекрасен каждым уголком и каждой святыней.

И благодаря кому возвели Храм? Благодаря царю Соломону, который задумал его. Благодаря мастерам, что воздвигли и украсили его. И благодаря Бнягу-герою, что добыл волшебный шамир, величиной всего с ячменное зернышко, но с помощью которого и построили Храм.

ТЕРПЕНИЕ — ЗОЛОТО

Старец Гилель — старейшина Израиля — был большой мудрец и славился своим долготерпением, всегда был спокойным и доброжелательным. Никогда никому не удавалось разозлить или рассердить его.

— Человек, который никогда не злится? Как это так? Быть того не может! — сказал один мужик своему приятелю. — Что ты мне

дашь, если мне удастся разозлить Гилеля?

— Да не удастся! Никому это дело еще не удавалось. Гилель никогда не разозлится.

Но тот человек настаивал:

— Пошли! Посмотришь — у меня получится! Что ты мне дашь, если я его разозлю?

— Если тебе удастся разозлить Гилеля, я дам тебе много мер серебра.

Услышал это тот человек и очень обрадовался: много мер серебра — это огромная куча денег. И он сказал:

— Сейчас ты увидишь, как я выведу Гилеля из себя. А ты помни, что ты мне обещал.

Было это в канун субботы. Гилель как раз мыл голову. Пришел этот человек, прошел около дома Гилеля и начал громко кричать:

— Кто здесь Гилель? Кто здесь Гилель?

Обернул Гилель влажную голову полотенцем, вышел и спросил:

— Сын мой, что тебе надо? И получил ответ:

— Я хочу спросить.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай.

— Почему у жителей Вавилона головы овальные и продолговатые, как яйцо?

— Трудный вопрос ты мне задал, сын мой,— ответил Гилель.— Это потому происходит, что нет у них хороших повивальных бабок, и младенцы у них рождаются с яйцевидными головами, — так сказал Гилель и пошел домывать голову.

А тот человек пошел, подождал несколько минут, снова вернулся к дому Гилеля и стал кричать громким голосом:

— Кто здесь Гилель? Кто здесь Гилель?

Гилель вновь обернул голову полотенцем и вышел на его крик:

— Сын мой, что тебе надо?

— Хочу вопрос задать.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай,— сказал Гилель.

— Почему у жителей Гадмора красные глаза?

— Трудный вопрос ты мне задал, сын мой,— ответил Гилель.— Это происходит потому, что живут они вблизи песков пустыни. Песок заходит им в глаза, и от этого глаза краснеют,— и Гилель вернулся в

дом мыться.

Ушел этот человек, но через короткое время вернулся, а Гилель к тому времени даже не успел одеться после мытья. И опять человек этот стал громко кричать:

— Кто здесь Гилель? Кто здесь Гилель?

Закутался Гилель, вышел на его крик и спросил:

— Сын мой, чего тебе надо?

— Спросить хочу.

— Спрашивай, сын мой, спрашивай!

И тот человек спросил:

— Почему у жителей Африки ноги длинные?

— Трудный вопрос ты мне задал, сын мой, — ответил Гилель. — Это потому происходит, что живут они посреди болот и озер, и им надобны длинные ноги, чтобы не увязнуть в болоте.

А суббота быстро приближалась. Но хотя Гилель не закончил субботних приготовлений, он не спешил и не торопил этого человека. Наоборот, он пригласил его сесть, сам присел с ним и терпеливо ждал, не скажет ли тот еще чего-либо. И человек сказал:

— Вопросов у меня еще много, но я опасаясь, что ты рассердишься на меня.

— Почему я на тебя рассержусь, сын мой?

— Ну, потому, что канун субботы, и ты наверняка занят, и тебе не до того, да и вопросы мои не такие уж важные.

Ответил ему Гилель дружелюбно:

— Все, что ты хочешь спросить, спрашивай, сын мой, у меня есть время.

Услышав эти слова, человек этот очень рассердился, и лицо его покраснело от злости:

— Ты тот Гилель, которого зовут старейшина Израиля? — закричал он нагло.

— Я, — ответил Гилель спокойно.

Человек этот вскочил с места и злобно закричал:

— Если это ты, пусть таких как ты не будет больше в Израиле!

— Почему так, сын мой? — спросил Гилель спокойно.

— Потому что из-за тебя я потерял несколько мер серебра!

Посмотрел на него Гилель и добродушно улыбнулся:

— Сын мой,— сказал он,— злись поосторожней. Стоит тебе потерять из-за меня много сотен мер серебра и еще много сотен мер ради того только, чтобы не знать в сердце своем злобы.

НЕДОСТАЮЩАЯ ПРИПРАВА

ил когда-то большой мудрец в Земле Израильской по имени раби Иегуда Анаси. Раби Иегуда Анаси был большим знатоком Торы, и слава о его мудрости распространилась по всей стране и даже пе-

решагнула через море далеко за ее пределы.

Услышал о ней и Антоний — царь римский — и решил навестить его дом и послушать умные речи. Отправились царь и его многочисленная свита — министры, советники и слуги — в путь и прибыли в дом Иегуды Анаси в субботу к полудню. Обрадовался раби Иегуда высокому гостю и пригласил его и членов его свиты за стол к субботней трапезе. Стол был накрыт белой скатертью. Посуда на нем красивая, а кушанья изысканные и вкусные, да только холодные, потому что приготовлены они были накануне субботы, а в доме Иегуды Анаси по субботам огонь не разводили.

Раби Иегуда Анаси опасался, что гостям не понравятся холодные кушанья. Но царь уплетал за обе щеки и даже попросил вторую порцию. Его министры и советники тоже быстро расправились со своей едой и попросили добавки. Но еда кончилась, и нечего было больше положить им на тарелки.

— Господин царь, — сказал раби Иегуда Анаси, — жаль мне, что кончилась еда у меня в доме. Я не знал, что ты придешь ко мне в гости. Но я обещаю тебе, что если ты еще раз окажешь мне честь своим посещением, я устрою в честь тебя королевское угощение.

— Я буду очень рад побывать у тебя еще,— сказал царь,— если я приеду в воскресенье, ты устроишь для нас это угощение?

— Конечно! И еды будет вдоволь. Даже в три раза больше чем надо,— пообещал Иегуда Анаси.

Распрощались царь и его свита с Иегудой Анаси и отбыли своей дорогой.

Прошла суббота, и в доме раби Иегуды Анаси начали готовиться к предстоящему обеду. Закупали самое лучшее мясо, больших рыб, самые спелые и красивые овощи и фрукты. Все эти дни в доме раби Иегуды Анаси жарили и парили, пекли и варили. И когда наступило воскресенье, в кухне стояли горшки, полные всевозможными вкусными блюдами: жареным, печеным и вареным мясом; фаршированной и заливной рыбой, овощами, полными приправ, пирогами и хлебами, разными фруктами и прочими вкусными вещами. И все это свежее, горячее и готовое к употреблению. Стол был накрыт, разноцветная скатерть постелена. Все ждали прибытия высоких гостей.

И вот прибыл царь со свитой. Их пригласили отведать блюда и приправы, что во множестве стояли на столе. Царь отведал немного мяса, немного овощей, немного рыбы, но ничего не попросил добавить. И так же вся царская свита.

— Разве сегодня еда не такая вкусная, как ты ожидал, господин царь? — спросил раби Иегуда Анаси, увидев, что царь не доел даже того, что было у него в тарелке.

— Еда вкусная, — ответил царь,— но нет у нее того особого привкуса, что был в прошлую субботу, когда мы у тебя обедали.

— Конечно, сегодняшняя еда отличается от той по вкусу, — сказал раби Иегуда Анаси, — у сегодняшних блюд недостает одной приправы.

— Недостает одной приправы?! Почему недостает?! — рассердился царь. — Ты ведь знал, что я собираюсь к тебе приехать, почему же ты не позаботился, чтобы за обедом было все, что нужно.

— То, чего недостает за сегодняшним обедом, у меня не было никакой возможности достать, — отве-

тил ему раби Иегуда Анаси.

— Не может быть! — вскричал царь. — Наверное, эта приправа такая дорогая, что ты пожалел на нее денег, — злился царь.

— Эту приправу невозможно купить, — возразил Иегуда Анаси, — ни за какие деньги в мире!

— Нет в мире вещей, которые невозможно купить, — сердился царь, — в моих кладовых можно отыскать самые редкие и дорогие приправы. Ты бы сказал мне, и я доставил бы тебе любую недостающую пряность.

— Уверю тебя, что даже в царских кладовых невозможно найти ту приправу, которой недостает сегодняшнему обеду, — рассмеялся раби Иегуда Анаси.

— Ты издеваешься надо мной! — вскипел царь.

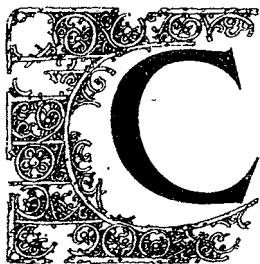
— Упаси Бог, — возразил раби Иегуда Анаси, — но приправа, которой недостает сегодняшнему обеду, — это привкус субботы, который был у того обеда, когда ты приезжал первый раз. Правда, блюда были приготовлены накануне и они остыли, но у них был тот особый привкус субботней трапезы, который ни с чем не сравнить. Так можно найти в твоих кладовых, господин царь, привкус субботы?

— Нет, — ответил царь, — всякие приправы есть в моих кладовых, даже самые редкие и дорогие, но привкуса субботы там нет.

— Теперь ты понял, когда надо приезжать к моему столу всякий раз, когда тебе захочется вкусить несравненный вкус этой приправы — вкус субботы, — сказал раби Иегуда Анаси царю.

Распрощался царь с Иегудой Анаси, подарил ему множество подарков и отбыл с миром своей дорогой. С тех пор стали Антоний — царь римский и раби Иегуда Анаси добрыми друзьями. Много раз бывал царь в доме Анаси, чтобы послушать ученых речей и отведать субботних угощений, подобных которым не подают и во дворце великого цезаря.

ПОДАРОК С НЕБА

лучилась эта история много лет назад. Жил тогда в Земле Израильской один человек. Был этот человек мудрец и праведник, но только бедняк, и звали его раби Ханина. Жил он в маленькой покосившейся избушке, а в избушке этой ничего не было: ни мебели никакой, ни посуды хорошей, ни занавесок на окнах, ни ковров на полу. И даже еды досыта не было у них в доме. Немного зерна ели в доме раби Ханины всю неделю и запивали водой. А в субботу И в субботу трапеза состояла из зерна и холодной воды.

Однажды в пятницу, после полудня, из дверей всех домов вокруг распространялись приятные запахи субботних приготовлений и только в доме раби Ханины не было ничего.

Жена Ханины была очень грустна оттого, что даже в субботу у них не будет приличной трапезы.

— Муж мой,— сказала она супругу со слезами на глазах,— что с нами будет? До каких пор мы будем так голодать, что даже в субботу у нас будет нечего поесть и попить, нечем поддержать душу?

Ответил ей раби Ханина:

— Что же делать? Нет у меня денег. Ни единой пруты нет, чтобы купить на субботу еды и немного вина.

Выслушала его жена и сказала:

— Мне рассказывали, муж мой, что на небе праведники сидят в раю вокруг стола из чистого золота. А на столе, так мне рассказывали, серебряные блюда, полные всяких вкусностей, и хрустальные бокалы, а в бокалах красное вино. Это правда?

— Да, так говорят,— сказал раби Ханина.

— Может быть, ты помолишься, — предложила жена,— и попросишь, чтобы нам дали что-нибудь от стола праведников? У них всего так много, а у нас

нет ничего. Наверное, чего-нибудь из того, что у них остается, хватило бы нам, чтобы наесться досыта,— так просила жена раби Ханину, и слезы текли у нее из глаз.

Не мог раби Ханина смотреть спокойно на слезы своей жены. Что же он сделал? Вышел из дому, стал во дворе под зеленое дерево и стал молиться, прося хоть что-нибудь от стола праведников. И вдруг, как он и просил, с небес протянулась белая рука и раздался голос:

— Вы просили чего-нибудь от стола праведников? Вот вам! Держи, Ханина бен-Роса!

Раби Ханина взял, рассмотрел хорошенько и увидел, что получил в подарок с неба ножку от стола праведников, что в небесах. Очень красивую ножку, украшенную цветами и стеблями из чистого золота, сверкающую чудесным сиянием.

Удивилась жена и сказала:

— Ножка от стола. Что мы с ней будем делать? Мы ведь просили еды и немного вина на субботу, кусок хлеба, а...

— Это то, что нам дали,— сказал раби Ханина строго, — подарок с неба. — Но и он был удивлен таким подарком.

— Может быть, можно отрезать кусочек от золотой ножки и купить немного чего-нибудь на субботу? — предложила жена.

— Отрезать? От ножки золотого райского стола? — об этом раби Ханина не хотел даже слышать. Он взял подарок, что получил с небес, и занес в свою маленькую покосившуюся избушку. Не успел раби Ханина переступить порог, как дом вдруг наполнился светом и превратился во дворец. Неожиданно там оказалась красивая мебель, на окнах вышитые занавески, на полу много ковров, а посреди комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью, а на нем субботняя трапеза в золотых, серебряных и хрустальных сосудах. И новые одежды оказались вдруг на раби Ханине и его жене. И все это благодаря золотой ножке от стола праведников, что дали им в подарок с небес!

Счастливыми, веселыми и сытыми были раби Ха-

нина и его жена всю ту субботу. И вот, когда суббота кончилась и раби Ханина взошел на ложе свое и уснул, приснился ему странный сон. Приснилось ему, будто все праведники сидят в раю за золотым столом. На каждом из них надето по восемь разных одежд, сделанных из белоснежных облаков; на голове у всех по два венца — один из жемчуга и драгоценных камней, второй — из чистого золота. Около каждого праведника стоит ангел и подает ему кушанья и напитки. Только что это? Едва наполнит ангел серебряную тарелку, похожую на чашу, и ах! — тарелка скользит и падает наземь. Вино из бокалов выплескивается и попадает на белые одежды праведников. Потому что стоит стол, стол праведников из чистого золота, всего на трех ногах. Одной ноги нет, и праведники не могут ни есть, ни пить как следует.

Проснулся раби Ханина и весь трясется. Рассказал он жене свой сон и говорит:

— Праведники услышали мои мольбы и отдали мне часть от своего золотого стола — одну из его ножек. А теперь сели они на небесах есть, а стол у них перекосился, и они не могут насытить свои сердца.

— Ой-ой-ой! — возопила жена, — надо, чтобы праведники сидели за хорошим столом, как этот.

— И я так думаю, — сказал раби Ханина.

— Что же мы сделаем? — спросила жена.

Ответил раби Ханина:

— Я думаю, другого пути нет. Придется помолиться и попросить, чтобы они забрали обратно ножку золотого стола. А жена сказала:

— Я знаю, как тяжело получать подарок с неба, но отдавать его обратно в семь раз труднее.

Сказал раби Ханина:

— Я буду молиться и просить изо всех сил. Может быть, они услышат мою молитву и на сей раз.

Вышел раби Ханина на улицу, стал под зеленым деревом, долго молился и просил:

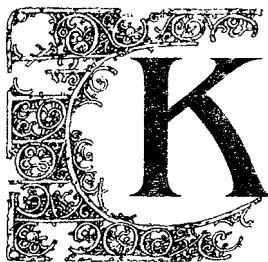
Господи, Боже Ты наш, благодарю Тебя за чудесный подарок, что Ты дал нам. Все хорошее есть теперь у нас в доме. Но на небе, как я видел во сне,

праведники сидят за столом о трех ножках и у такого стола они не могут как следует ни есть, ни пить. Горе и беспокойство завелись среди праведников в раю. Очень я Тебя прошу, Рабейну шэл Олам, верни золотую ногу на место, к столу праведников.

Просил раби Ханина да просил, пока молитва его не была услышана: с небес вдруг протянулась белая рука. Раби Ханина вложил в нее золотую ножку от стола праведников. Вмиг исчезла рука. Но из дома раби Ханины исчезли еда и удобная мебель, посуда и красивые одежды. И опять не было пищи всю неделю, и даже еды и вина для субботней трапезы не было тоже...

Но раби Ханина и его жена не грустили и не печалились. Они радовались, что там, высоко в небесах, сидят праведники вокруг золотого стола, и все четыре ноги у этого стола на месте.

ЦАРЬ ДАВИД И ЛЯГУШКИ

Каждую ночь ровно в двенадцать часов Давида будили нежные звуки его золотой арфы, висевшей в спальне возле окна. Полночный свежий ветер, касаясь ее струн, извлекал из них чудесную музыку. Освежившись легким сном, великий псалмопевец усаживался за стол и сочинял прекрасные псалмы во славу Бога.

Под царским окном лежал тихий пруд, и лишь кваканье лягушек нарушало ночной покой.

В своих псалмах Давид изливал душу, прославляя великое Имя Творца:

Благословлять буду Господа во все времена, Хвала Ему постоянно будет на устах моих.

Иногда, опасаясь, что разгневал Бога неправым деянием, Давид рассказывал в псалмах о том, как

скорбит его сердце:

Почему, Господь, стоишь в отдалении,

Скрываешься во время бедствия?

Иногда выражал он в стихах надежду, что Бог защитит Свой народ:

Господь — пастырь мой; ни в чем не будет у меня недостатка.

На роскошных лугах даст мне отдохнуть,

Будет приводить меня к спокойным водам. Душу мою успокоит Он;

Поведет меня прямыми путями ради Имени Своего.

Иногда Давид негодовал на нечестивцев, замысливших разрушить Израиль, и предвещал им неминуемый праведный суд:

Господь — Бог возмездия, Бог возмездия, яви Себя!

Восстань, Судья земли, и воздай гордцам по заслугам!

До каких пор будут злодеи — о, Господь! — до каких пор будут злодеи торжествовать?!

Речи их самоуверенны; возвеличиваются все, творящие беззакония.

Угнетают они народ Твой, Господь, притесняют удел Твой.

Убивают они вдов и пришельцев, губят сирот.

И говорят они: "Не увидит Бог, не узнает Бог Якова".

Одумайтесь, неразумнейшие из людей!

Когда вы образумитесь, глупцы?

Тот, Кто наделил человека способностью слышать, неужели не услышит?

Тот, Кто дал человеку зрение, неужели не увидит?

Так просиживал он ночи напролет, до самой зари, по многу раз переписывая псалмы и доводя их до совершенства. Однажды царь Давид был особенно доволен собой. Он только что закончил псалом, в котором страстно молил Бога о помощи в трудные времена.

Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей.

Утопаю я в трясине глубокой, и не на чем стоять;

Попал я в глубины вод, и поток увлекает меня.

Устал я, взывая, высохло горло мое,

Угасли глаза мои в ожидании Бога.

Давид знал, что это одна из лучших его поэм, идущая из самой глубины души. Он шагнул к окну и, ликуя, выкрикнул в ночь:

— Великий Бог, горжусь я собой. Кто в мире лучше меня поет Тебе славу? Чьи песни лучше моих воспевают Тебя?

Не успел гордый царь вымолвить эти слова, как в тихом пруду под окном послышался плеск воды: маленькая лягушка, вся в бородавках, покрытая илом и водорослями, выпрыгнула оттуда и проквакала:

— Не нужно так бахвалиться, гордый человек. За тысячи лет до тебя мои предки громко славили Создателя и Его дела, как и теперь это делают все мои родичи и я. Мы не ждем полуночи, чтобы начать Его воспевать,— мы квакаем непрерывно. Вот послушай сердцем своим, как мы Ему поем!

И началось кваканье на все лады и голоса — это лягушки славили Бога.

А Бог принял сторону маленькой лягушки и сказал самодовольному царю:

— Все Мои создания поют Мне славу — каждое на свой лад. Я же от них не требую ничего, кроме благодарности за то, что Я дал им жизнь. В моих глазах лягушки и поэты равны в своих хвалебных гимнах!

Понурил голову Давид, долго молчал и все думал, думал... Потом медленно подошел к столу и начал писать:

...Восхвалите Господа с земли, морские твари и все обитатели бездн;

Огонь и град, снег и туман; буйный ветер, послушный воле Его;

Горы и все холмы, плодовые деревья и все кедры;

Дикие животные и весь домашний скот,

Гады и крылатые птицы;

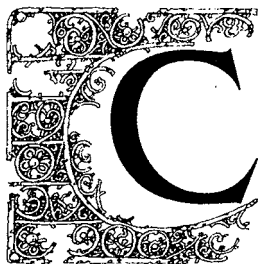
Земные владыки и все племена...

Да восхвалят они Имя Господа,

Ибо лишь Его Имя превознесено над всем,

И слава Его — на земле и на небе.

ЗАГАДКИ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Состарился Давид, царь Израильский, и умер. Стал вместо него царем его сын Соломон. Соблюдал Соломон законы Торы и старался править мудро и справедливо, но увидел, что нелегко подчас отличить правду от лжи и узнать, кто свидетельствует истинно, а кто лукавит и притворяется. Всякий раз, когда нужно вынести приговор, делался Соломон задумчив и мрачен — страшно ему было ошибиться и обвинить невиновного, страшно было признать обманщика правым. Всякий раз он думал: "Боже! Помоги мне найти верное решение, помоги открыть Правду!"

И вот однажды, когда царь со своими придворными, объезжая страну, остановился на ночь в Гивоне, явился ему во сне Бог и сказал: "Проси у меня, Соломон, чего пожелаешь". "Даруй рабу твоему сердце разумное, — отвечал Соломон, — чтобы мог судить народ справедливо и знал, где добро, а где зло". Понравилось Богу, что Соломон просит у него ни долгой жизни, ни богатства, ни побед над Юфагами, а только мудрости, чтобы судить народ справедливо. И дал Бог Соломону сердце мудрое и разумное, а сверх того дал и богатство, и славу. Не было на всей Земле и не будет уже человека, который сравнится бы мудростью с Соломоном. Сделались ему понятными людские помыслы и их деяния, повадки животных и их язык. Полюбил он беседовать с рыбами морскими, с птицами небесными и зверями полевыми. В каждой беседе и в каждом рассказе черпал Соломон новую мудрость.

И вот вздумалось ему однажды вызвать к себе на совет всех птиц. Чтобы рассказали, что творится в поднебесье и что нового можно увидеть на земле. Собрались по зову царя все птицы — и орел, и коршун, и ястреб, и цапля, и воробей, и чайка, и утка, и жаво-

ронок. Одна только ласточка не явилась. Обиделся царь и разгневался.

— Все, — сказал, — моего приказа послушались, и большие птахи и малые, только ласточка не послушалась. Разве для нее моя царская воля не закон?

Не успел договорить, видит, летит ласточка.

— Не гневайся, — говорит, — великий царь. — Видишь, я явилась, хоть и с опозданием. А опоздала я потому, что далеко летала. Хотела я найти такую землю, в которой о тебе не слыхивали.

— Ну и как, нашла? — спросил Соломон.

— Нашла я город, в котором все дома из чистого золота, а все крыши — из серебра. Растут там деревья с изумрудными листьями, а корни этих деревьев питаются той водой, что вытекает из райского сада.

— Как же зовется этот чудный город? — спросил Соломон.

— Называется он Китор, а находится в земле Савской. Правит этой землей женщина такой красоты, что подобной ей не сыскать во всем свете.

— И ты хочешь сказать, что в городе Киторе и во всей земле Савской обо мне не слыхивали?

— Не гневайся, великий царь, — не слыхивали. Ни сама царица, ни ее подданные не знают даже твоего имени. Но если пожелаешь, я отправлюсь туда снова и отнесу царице письмо от тебя. Пригласи ее к себе в Израиль, пусть приедет — и убедится, что твое богатство не меньше ее.

Тут же призвал Соломон писца и велел составить письмо. Как только письмо было закончено и запечатано царской печатью, Соломон вручил его ласточке и приказал как можно скорее передать царице Савской. А чтобы по дороге не случилось с посланницей какой беды, велел он другим птицам лететь за ней следом, поддерживать в пути и оберегать от опасностей.

Не прошло и трех дней, как царица Савская держала в руках письмо царя Соломона.

"Я, Соломон, царь Израиля, — было написано в письме, — приглашаю тебя, царица, посетить мою землю и взглянуть на мои владения. Обещаю, что встречу тебя с великими почестями и исполню лю-

бое твое желание. Прошу тебя немедленно собираться в дорогу и известить о своем прибытии. Весьма надеюсь, что ты не откажешься взглянуть на святой город Иерусалим. Но если ты откажешься, пойду на тебя войной и двину мои войска на твою землю. Я, с Божьей помощью, правлю народом многочисленным и сильным. И не только люди, но и звери лесные, и рыбы морские, и птицы небесные признают мою власть над собой. А потому, если не примешь моего приглашения, найшу на тебя воронов и ястребов, чтобы докучали тебе, и клевали тебя, и не давали покою; найшу сов и филинов, чтобы залетали по ночам в твою опочивальню и пугали тебя своим уханьем.

Жду твоего прибытия с нетерпением, Соломон, царь Израильский".

Прочитала царица письмо и призадумалась. Велела созвать всех своих советников и спросила, что они думают об этом — как ей надлежит поступить и что надлежит сделать.

— Ничего не делать и никак не поступать, — постановили советники. — Оставь это дерзкое письмо без ответа и сделай вид, что вообще никогда его не получала.

Поблагодарила царица советников за их мудрый совет и велела своим придворным собираться в дорогу. "Ведь если он так могущественен, что даже птицы небесные покорились его воле, — рассудила царица, — то с какой стати я буду обижать его отказом? Не лучше ли мне иметь в его лице друга, а не врага?"

Шесть кораблей нагрузили по приказу царицы золотом и серебром, драгоценными камнями и благовониями, дорогими тканями и редкой древесиной. А на седьмой, самый большой корабль, взошла сама царица со всей своей свитой и слугами, и советниками, придворными. Шестьдесят девочек и мальчиков одинакового роста и возраста было в свите царицы, и никто не мог понять, зачем понадобилось везти на море столько детей. Но такова была царицына воля, и никто не стал ей перечить.

Не прошло и трех недель, как царица Савская ступила на землю Израиля. Царь Соломон встретил

ее с великими почестями и старался исполнить любое ее желание.

— Слова ласточки справедливы, — сказал Соломон своим советникам, — не видел я женщины прекраснее царицы Савской. Одно меня беспокоит: обратили ли вы внимание, что она никогда не обнажает ног? Даже подымаясь по лестнице, не придерживает она края платья, как это делают другие женщины. И, садясь в паланкин, первым делом задерживает полог. Что бы это могло значить?

— Это свидетельствует о том, что царица Савская вовсе никакая не женщина, — сказали советники. — Хотя мать ее была женщина, но отец — демон. И хотя лицо ее прекрасно, но ноги ее — козлиные. Заставь ее приподнять край платья, и ты убедишься в справедливости наших слов.

Стал Соломон думать, как заставить царицу Савскую приподнять край платья. Подумал-подумал и велел выложить пол в одном из залов своего дворца голубым хрусталем. А когда работа была закончена, пригласил царицу зайти. Ступила царица на хрустальный пол, и показалось ей, что она ступила в воду. Подхватила она обеими руками край своего платья и обнажила свои ноги. Увидел Соломон ее ноги и рассмеялся:

— Самые обыкновенные ноги! — воскликнул царь. — Все не козлиные! Только немного волосатые.

Вспыхнула царица Савская и поклялась отомстить Соломону за его выходку.

— Я вижу, — сказала царица, — ты любишь разглядывать то, что скрыто от глаз. В таком случае, я полагаю, ты не откажешься разгадать мои загадки. В них мудрость, скрытая от простаков.

— С удовольствием выслушаю твои загадки, — ответил Соломон, — и надеюсь, что с Божьей помощью разгадаю их.

— Вот первая загадка, — сказала царица. — Растет в поле, птицам на радость, рыбам на погибель. Богатому добавляет почести, бедному — позор. Покойнику служит украшением, живому — утрашением.

— Это лен! — тотчас ответил Соломон. — Растет

в поле, птицы себе на радость клюют его зерна, рыбы себе на погибель попадают в сплетенные из него сети. Богатому льняные одежды прибавляют почестей, а бедному от льняных лохмотьев один позор. Покойника льняной саван украшает, а живого льняная петля устрашает.

— Эту загадку ты разгадал верно, — сказала царица. — Послушай другую: какая влага не падает с неба, не стекает с гор, бывает сладка, как мед, и горька, как полынь?

— Слезы! — отвечал царь. — Слезы не падают с неба и не стекают с гор. Бывают слаще меда, когда люди плачут от радости, и горше полыни, когда плачут от горя.

— Верно, — сказала царица. — Слушай дальше: какие подарки получила я от своей матери? Один родился в воде, другой — в земле.

— Не ошибусь, если скажу, что твоя мать подарила тебе вот это жемчужное ожерелье и вот этот золотой перстень. Жемчуг рождается в воде, а золото — в земле.

— Верно, — сказала царица. — Слушай дальше: не движется, пока живо, но шествует после смерти.

— Знаю! — ответил Соломон. — Это то, без чего ты не добралась бы до моих владений. Корабль не движется, пока стоит в лесу живыми деревьями, но после смерти плавает по морям-океанам.

— И эту загадку ты разгадал верно, — сказала царица. — Послушай следующую: кого кладут в землю прежде смерти?

— Зерно! — отвечал Соломон.

— Кто не рождается и не умирает?

— Господь Бог, да будет благословенно Его Имя.

— Что делать, — вздохнула царица, — все мои загадки ты разгадал. Осталась одна, последняя. Посмотрим, как ты справишься с этой.

Позвала она детей, которых привезла с собой из земли Савской. Вошли в зал шестьдесят детей, все одинакового роста, все одеты в одинаковые платья.

— Половина из них — мальчики, половина — девочки, — сказала царица. — Можешь ли ты указать, где мальчики, а где девочки?

— Нет ничего проще! — ответил Соломон.

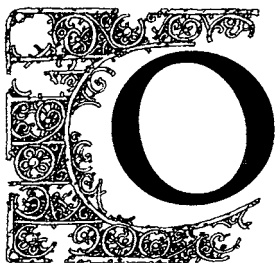
Велел он принести мешок орехов и разбросать по полу перед детьми. Тотчас задрали мальчишки свои платья и стали набивать орехами карманы штанов. А девочки принялись собирать орехи в подол.

— Вот мальчики, а вот девочки! — засмеялся царь. Увидела царица, что нет такой загадки, которую Соломон не мог бы разгадать.

— Ради твоей мудрости прощаю я тебе твою дерзость, — сказала и отдала царю Израильскому все, что привезла с собой на кораблях: и золото, и серебро, и драгоценные камни, и заморские ткани, и редкую древесину, и благовония.

И Соломон, в свою очередь, одарил ее многими подарками. Ни один из его гостей не был принят с таким почетом и ни один не гостил в Израиле так долго.

ОСА И ПАУК

Однажды, еще до того, как Давид* стал царем Израиля, сидел он в саду и наблюдал, как оса паука пожирает. Поразило Давида это зрелище, и сказал он Богу, благословенно Имя Его:

— Творец Вселенной, зачем при сотворении мира Ты создал этих насекомых? Оса меду не дает и видом безобразна. Паук, хоть и тклет целый день паутину, но из нее нам одежды не сшить.

И ответил ему Бог:

* Давид-второй царь Израиля (XI—X вв. до н. э.). Создал обширное царство, границы которого почти целиком совпадали с теми, что были обещаны Всевышним еврейскому народу. Оставил после себя Книгу Псалмов — молитв и поэтических гимнов, прославляющих Бога. Родоначальник царской династии, последним в которой будет Машиах.

— Не пренебрегай, Давид, ни одним из Моих созданий. Придет время, и ты узнаешь, что каждое из них приносит пользу.

Вскоре царь Шауль * разгневался на своего бывшего любимца Давида и решил его убить. Начал он его преследовать, и Давиду пришлось бежать. Спрятался он в темной пещере, и когда лежал там, дрожа от страха, Бог послал паука, и тот снаружи заткал тонкой паутиной вход в пещеру.

Пришли к ней Шауль и его люди и решили было войти внутрь, но увидев, что вход заткан паутиной, Шауль сказал:

— Здесь его нет. Если бы он сюда вошел, паутина не осталась бы целой. Нужно искать в другом месте.

И Шауль со своими воинами удалился, а Давид облегченно вздохнул.

Когда они были уже далеко, Давид выкарабкался из пещеры и ласково сказал пауку:

— Будьте благословенны и ты, и твой Создатель!

Однажды в полночь Давид подкрался к шатру Шауля. Посреди шатра спал сам царь, а у входа, охраняя владыку, лежал, разметав ноги, его преданный военачальник Авнер. Давид прокрался в шатер, чтобы напиться воды,—он умирал от жажды. Но когда, подбираясь к кувшину, он перешагивал через ноги Авнера, тот вдруг их сдвинул, и Давид оказался словно в тисках. Понял он, что погиб, однако, веря в милость Бога, взмолился:

— Бог мой, почему Ты покинул меня?

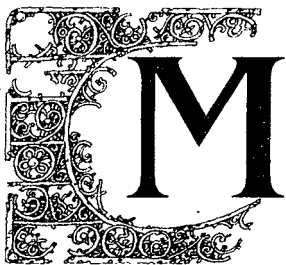
И Бог, который очень любил Давида, послал в шатер осу, чтобы она ужалила Авнера. Вскрикнув от боли, тот раздвинул ноги, и Давид убежал.

Снова Давид возблагодарил Бога:

— Творец Вселенной, может ли кто сравниться с Тобой в величии! И все дела Твои, и все создания Твои прекрасны!

* Шауль — первый царь Израиля (XI в. до н. э.). Преследовал Давида, подозревая его в намерении захватить власть. Погиб в бою с филистимлянами, после чего на царский престол вступил Давид.

ЦАРЬ СОЛОМОН И ЦАРИЦА САВСКАЯ

ного лет тому назад правил в Земле Израильской царь Давид, а после его смерти взошел на престол сын его Соломон.

Однажды ночью пришел к Соломону во сне Всевышний

и сказал ему:

— Чего бы ты хотел у меня попросить, Соломон? Проси все, чего хочешь — все тебе дам.

Сказал Соломон:

— Мудрости я прошу, чтобы я мог добро от зла отличить.

Сказал Всевышний, благословенно Имя его, Соломону:

— Хорошо попросил! Не богатства, не могущества, не долгих лет жизни, а только мудрости. За это будет у тебя и мудрость, и богатство, и будешь ты царь великий, равного которому не будет.

Дал Всевышний Соломону все, что обещал, и был Соломон царем самым великим из всех царей.

Однажды Соломон приказал явиться пред его очи всем птицам небесным и всем зверям степным, потому что понимал Соломон язык птиц и зверей и хотел побеседовать с ними.

Прибыли все птицы и звери во дворец царя. Посмотрел Соломон на них и видит, что нет среди них дикого петуха Тарнагол-Бара. Где Тарнагол-Бар? Почему не прибыл в царский дворец? Никто не знал.

Царь очень рассердился, приказал всем птицам вылететь на поиски этого дикого петуха и доставить его во дворец. Поздно вечером прибыл, наконец, дикий петух Тарнагол-Бар во дворец, подлетел к царскому трону и сел у самого его подножия.

— Разве ты не слышал, что я приказал всем птицам небесным прибыть во дворец? — вскричал Со-

ломон в гневе.— Почему тебя не было?

— Прошу прощения, мой царь и господин,— сказал дикий петух Тарнагол-Бар,— я был вне пределов твоего царства и потому не слышал твоего приказа.

— А где ты был? — удивился царь Соломон.

— Это длинная история,— ответил дикий петух.

— Рассказывай, я послушаю,— приказал царь. — И если правда в устах твоих, может быть, я тебя и прощу.

И начал дикий петух Тарнагол-Бар свой рассказ.

— Каждое утро я улетаю в дальние дали. Мне хочется узнать, есть ли где-нибудь в мире страна, где правит царь мудрее тебя. И вот прилетел я в одну страну, очень большую. Называется Шва. Там много золота и райские кущи растут там, а воду пьют из райских озер. Правит этой страной женщина, Балкис — царица Савская. И что меня удивило, мой господин, в земле Савской никто не знает, кто такой царь Соломон и там даже не слышали о его мудрости.

Вот что рассказал дикий петух царю Соломону. Услышал это царь и приказал своим ученым составить послание царице Савской. Привязал он послание к крылу дикого петуха. Расправил петух крылья, а с ним и все птицы, и полетел в сторону земли Савской. Весь день и всю ночь летели птицы, пока не прилетели на восходе солнца в землю Савскую.

В это время царица Балкис вышла, как и каждое утро, встречать солнце. Но едва солнце показалось, как снова наступила тьма. Множество птиц тучей кружилось в небе и закрыли они лик солнца. Царица Савская очень испугалась.

— Что случилось? — закричала она громко. Но никто из ее советников ничего не понимал, и никто не мог объяснить, в чем дело. Но тут с небес спустился дикий петух Тарнагол-Бар и приблизился к царице Савской. Присмотрелась царица и увидела: что-то привязано к его крылу. Царица протянула руку и взяла письмо. Прочитала она послание царя Соломона и быстро созвала всех своих министров и советников.

— Царь Соломон направил мне это послание, — сказала она.— Он пишет, что есть такой обычай сре-

ди правителей всех стран: прибывать в Иерусалим и задавать царю Соломону загадки. Он очень удивлен, почему я до сих пор не навестила его. Царь Соломон приказывает мне прибыть к нему. Если нет, он захватит нашу страну.

Сказали ей в ответ все мудрецы и советники:

— Никто из нас не знает царя Соломона. Мы даже никогда не слышали его имя. Зачем нам обращать внимание на это послание, которое направил нам царь Соломон?

— Вы, может быть, и не слышали, а я слышала,— возразила царица Балкис, а про себя подумала, что царь, который послал к ней такую тучу птиц, что затмила даже свет солнца, и использовал дикого петуха Тарнагол-Бара, чтобы доставить ей послание,— это наверняка царь великий и мудрый.

— Выступаем в дорогу. Поеду в гости к царю Соломону. Посмотрю своими глазами, такой ли он в самом деле мудрец и богач.

Позвала царица своих слуг и работников. Работники погрузили на корабли золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, драгоценные ткани и сосуды, благовония и пряности. И царица Савская отправилась в долгий путь в Иерусалим убедиться собственными глазами, что там и впрямь царствует величайший и мудрейший из всех людей.

Три года прошло, пока добралась царица Савская до Иерусалима, потому что дорога была длинной и очень трудной.

Когда царь Соломон услышал, что царица Савская приближается к его дворцу на колеснице, запряженной резвыми конями, он послал ей навстречу своего министра — богатыря Бнягу-бен-Иегуда.

Увидела царица Савская Бнягу, высокого, красивого, приближающегося к ней на колеснице в окружении воинов верхом на стройных конях, велела остановить свою колесницу и сошла навстречу ему.

— Почему и зачем царица вышла из своей колесницы? — спросил Бнягу.

Поприветствовала его царица Савская и ответила:

— В честь царя Соломона я вышла.

— Ты ошиблась, моя царица,— возразил ей Бнаягу.— Я не царь Соломон.

— А ты кто? — весьма удивилась она.

— Я только один из слуг царя,— ответил он.

Посмотрела на него царица Савская и подумала: "Если слуги царя такие высокие и красивые и царственно великолепные, каким же будет сам царь собственной персоной?" А слугам своим она сказала:

— Если вы не видели льва, посмотрите на его логово. И если вы не видели царя Соломона, посмотрите на его слугу.

Сказал ей Бнаягу-бен-Иегуда:

— Если царица пойдет со мной, она увидит лицо царя.

Вошла царица Савская в царский дворец и видит — сидит Соломон во всем великолепии на троне, богато разукрашенном золотом, вокруг камня драгоценные сверкают точно звезды, на ступенях трона двенадцать львов золотых стоят, а напротив них двенадцать золотых орлов. И в головах трона сверкает менора из чистого золота, а над ней золотой кувшин, наполненный чистым оливковым маслом.

Пригласил царь Соломон в свой дворец всех владык Востока и всех владык Запада, и все они воздавали почести великие властителю-мудрецу. Даже птицы небес и звери полей прибыли во дворец воздать почести Соломону. Воины и вельможи стояли около царя, львы и леопарды лежали у ног его. Слуги и рабы разносили еду и напитки, и было большое веселье всю ту ночь.

Под утро большинство гостей отправилось отдыхать, птицы улетели и звери разошлись по своим дорогам. Тогда царица Савская сказала царю Соломону:

— Теперь я знаю, что ты великий богач и могучий мужчина. А сейчас я загадаю тебе три загадки, и если ты их отгадаешь, я буду знать, что ты еще и великий мудрец.

Сказал ей царь Соломон:

— Загадывай.

И начала царица Савская, и спросила:

— Скажи мне, царь Соломон, если ты и вправду

мудрец: что за вещь такая, что может радовать птиц и огорчать рыб?

Посмотрел царь Соломон на царицу Савскую, улыбнулся и сказал:

— Разгадка очень проста. Это льняные нитки. Птицы строят из них свои гнезда и радуются в них. Но из них же рыбаки плетут свои сети — горе для рыб.

Сказала царица Савская царю Соломону:

— Хорошо ты ответил на этот раз. Теперь посмотрим, как ты разгадаешь вторую загадку.

Хлопнула царица Савская в ладоши два раза, и в комнату вошли сто мальчиков и девочек. Все они были одного возраста и роста. Все были в одинаковых длинных платьях пурпурного цвета, у всех вокруг шеи были повязаны белые платки.

— Можешь ли ты узнать, царь мой, кто из них мальчики, кто девочки? Долго смотрел на них царь Соломон и не мог отличить мальчиков от девочек, потому что все были одеты одинаково, все были одного возраста, выглядели одинаково и были одного роста.

Что же сделал царь? Приказал слугам принести много орехов и каждому из ребят выдать по двадцать штук. Столько орехов не влезало в горсть. Тогда некоторые из детей задрали подола своих платьев и положили туда орехи как в мешок. А другие постеснялись задрать подола, сняли с шеи платки и положили орехи в них.

Сказал царь Соломон царице Савской:

— Те, что без стеснения подняли подола своих платьев, — это мальчики. А те, что постеснялись так поступить, — девочки.

Сказала царица Савская:

— Да, ты прав, царь. Мудро ты отгадал мою загадку.

Спросил ее царь Соломон:

— А какая твоя третья загадка?

Ответила ему царица Савская:

— Третья моя загадка трудна, и ты, пожалуй, не найдешь на нее ответ.

— Загадывай, — улыбнулся царь Соломон.

Царица Савская хлопнула в ладоши два раза, и в комнату вошла толпа чужестранцев, каких царь Соломон никогда не видел. И царица Савская спросила:

— Скажи мне, царь мой, кто из этих людей евреи, а кто неевреи?

Долго рассматривал их Соломон, но так и не смог узнать, кто из них евреи, кто нет.

В конце концов царь позвал Первосвященника. Первосвященник открыл шкаф, в котором хранились свитки святой Торы: и в тот миг, когда лишь приоткрылась дверца шкафа, лица евреев осветились блаженным светом, а лица язычников не изменились. Евреи стали на колени и подняли глаза свои к небу, а те, что неевреи, опустили лица к земле.

Посмотрел на них царь Соломон и сказал царице Савской:

— У которых лица светятся блаженством — те евреи. Остальные — нет.

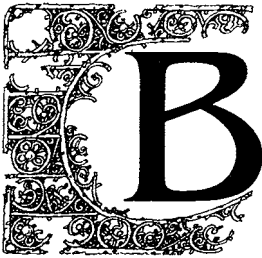
Кивнула в ответ царица Савская царю Соломону и сказала ему:

— Правду слышала я в своей стране о твоей мудрости, но не получала подтверждения этому, пока не приехала в Иерусалим и не увидела своими глазами. Но мне не рассказали и половины. Счастливы твои люди и твои слуги, что стоят возле тебя и слушают твою мудрость. Благословен Господь, который избрал тебя быть царем Израиля.

И царь Соломон дал царице Савской всего, что она попросила, а царица Савская дала царю Соломону слитки золота и драгоценные камни, и много прекрасных пряностей и благовоний. Затем расстались царица Савская с царем Соломоном, и отбыла она и ее слуги в землю свою.

ВДОВА И ВЕТЕР

В дни царя Шломо жила одна бедная вдова по имени Шуламит. Ее жалкая лачуга с пальмовыми ветвями вместо крыши стояла в деревушке у самого моря. Зарабатывала вдова на жизнь тем, что вязала сети для соседей-рыбаков.

Наступила пора сильных штормов. Ни одно судно не выходило в разбушевавшееся море, и бедной женщине, оставшейся без работы, не на что было жить.

К кому обратиться в беде? Пойти побираться по домам рыбаков? Но у них и у самих ничего нет. А неподалеку от деревни в просторном доме жил большой богач, у которого был огромный двор и масса всякого добра. Бог дал ему и сады, и поля, и виноградники, и овец, и лошадей, и ослов, и верблюдов.

Однажды, проснувшись рано утром и увидев, что небо все еще в тучах, а ветер дует с прежней силой, поняла Шуламит, что придется ей просить подавание.

Надела она свои лохмотья и решила отправиться к богачу.

К вечеру подошла женщина к его дому, а в воротах сам хозяин стоит. Опустилась она перед ним на колени, а он ей:

— Зачем передо мной на коленях стоишь? Встань и скажи, чего тебе надобно.

— Шуламит я, вдова из рыбацкой деревни. Не ела уже много дней и пришла просить у тебя, господин, кусок хлеба, чтоб не помереть с голоду.

— Взгляни сюда, — показал он на суетню во дворе, — видишь, я только что вернулся из Иерусалима, ездил во дворец великого царя Шломо. У него самый красивый дворец на земле. Каждый, кто хочет, может войти туда и посмотреть. Вот и я вошел. Сидел царь Шломо на золотом троне, а на голове — золотая корона. Вокруг толпились знатные госпо-

да, царедворцы и много простого народу. А царь держал перед всеми мудрые речи. "Тот, кто не берет подаяний, долго жить будет",— говорил он. И слова его были для меня слаще меда, ибо значили: кто подаяния принимает, жизнь себе укорачивает. Хочешь укоротить свои дни — грех на тебе будет, я тебе в том не помощник. Задаром ничего не дам!

И повернулся богач к ней спиной.

— Хорошо,— сказала вдова,— пусть не задаром. Дай мне кусок хлеба или немного муки, а я за это благословлять тебя стану и молиться о продлении дней твоих.

— Не согласен,— сказал богач.— Царь Шломо говорил еще, что давать человеку взаймы значит делать его своим должником. А я не хочу делать еврейскую женщину своей должницей. Хорошо ли так обходиться с вдовой! Что люди скажут! Я у других не занимаю и сам в долг не даю.

— Неужто ты будешь смотреть, как я на твоих глазах с голоду умираю? — спросила женщина.— Разве так Бог велит поступать с бедной вдовой?

— Не беспокойся,— ответил богач.— Бог мне свидетель, я постараюсь помочь бедной вдове. Как? Очень просто. Иди и бери себе все, что бесхозным лежит.

— Да что ты такое говоришь, господин мой? — удивилась Шуламит.— Ничего здесь нет бесхозного, кругом пустыня. Ее и за три дня не обойти. И что я найду в ней? Сухие колючки? Ты смеешься над бедной вдовой? И как только ты не боишься Всемогущего Бога, который не дает в обиду сирот и не позволяет обижать вдов?

— Слушай внимательно, женщина,— сказал богач.— Амбары мои нынче пусты. Лежали в них сто мешков белой муки, да свез я их в Иерусалим, во дворец царя Шломо. Остались лишь пустые полки. Они белы, как снег, от мучной пыли. Кто возьмет на себя труд собрать ее, тому она и достанется. Иди в мои амбары, наскреби, сколько сможешь, и неси домой. По дороге набери хворосту, натопи печь и испеки себе хлеб. Вот Бог и спасет тебя от голода, а ты благодари Его за доброту.

Вдова все так и сделала. Наскребла муки, набрала хворосту — буря наломала много сухих веток, вся дорога была ими устлана, — и к ночи вернулась домой. Дома испекла три маленьких каравай, благословила Бога за Его доброту и села поесть.

Только отломилась она кусочек, как вдруг дверь отворилась и вбежал человек с криком: "Спаси меня от смерти! Три дня у меня во рту маковой росинки не было!" — и в полном отчаянии он поведал женщине свою печальную историю.

— Огонь спалил мою деревню. Пожар начался ночью, когда все спали. Ветер разносил пламя от дома к дому. Все сгорело дотла. Погибли женщины, дети, скот. Я один уцелел и вот уже три дня и три ночи скитаюсь. За все это время у меня во рту крошки не было.

Дала ему вдова хлебец и ласково сказала:

— Ешь на здоровье.

Поблагодарила она Бога за то, что помог ей не дать погорельцу погибнуть, — ведь тем самым исполнила она важнейшую заповедь, которая велит спасать человека от смерти.

Потом взяла женщина второй хлебец и только хотела отрезать кусочек, как вдруг дверь снова распахнулась и вбежал еще один человек, и тоже с криком: "Спаси меня от смерти!"

Он, как и первый гость, поведал вдове свою историю. Был он богат, имел много овец и другого скота, который пасся на зеленых лугах.

— Жил я в роскошных шатрах, был счастлив с женой и детьми, — рассказывал он, — и много пастухов стерегли мои стада. Но вдруг налетели на быстрых скакунах дикие орды с луками и стрелами, напали на нас, побили камнями, забросали стрелами, а скот угнали в пустыню. Когда стих конский топот, поднялся я с того места, куда они бросили меня умирать, и увидел, что один остался в живых. Три дня и три ночи крошки во рту у меня не было. Смилуйся надо мной, дай мне поесть, иначе я умру у тебя на глазах.

Дала ему вдова второй каравай и поблагодарила Бога за то, что помог ей выполнить заповедь милосердия. Взял беженец хлеб и исчез в ночи.

Только она принялась за третий хлебец, как вдруг налетел сильный ветер, сметая все на своем пути. Крышу с хижины совсем унесло, а стены попадали на землю. Вырвал ветер из рук вдовы последний хлебец и, забросив его в море, стих так же внезапно, как и налетел. Женщина только руками всплеснула.

Море успокоилось, ветер совсем улегся, показалось солнце, и лучи его заиграли на тихой глади воды. Вскоре проснутся рыбаки, спустят на море свои суда, снова закинут сети, дети вприпрыжку будут провожать отцов и радостно кричать: "Кончился голод! Будет у нас хлеб! Благословен великий и милостивый Бог!"

Но что-то тревожило Шуламит. Одна мысль не давала ей покоя: "Почему Бог так обошелся со мной, с бедной вдовой? Один хлебец я отдала погорельцу — благословенно Имя Бога. Амен. Другой отдала беженцу, и за это да будет Бог благословен. Но третий каравай — зачем Бог отнял его у меня? Просто, чтобы выбросить в воду?"

Этого она понять не могла и рассудила так: быть того не может, чтобы на то была воля Божья, это все ветер натворил. Пошел против Бога и содеял зло, несколько не считаясь с Его Торой. Бог-то защищает вдов и сирот! Значит, во всем виноват ветер. Его и следует призвать к ответу. Но к кому же идут судиться? К царю Шломо! Ему она пожалуется на злой ветер. Скорей — в Иерусалим!

Не мешкая, надела вдова свое рваное платье и отправилась в путь. Придя в Иерусалим, спросила она, где дворец царя, и тут же была допущена к нему.

— Дворец царя Шломо открыт для всех, особенно для вдов, — сказали стражники, почтительно провожая ее.

Подошла вдова к царю и упала на колени, прежде чем заговорить.

— Прошу тебя, великий царь, рассуди нас — меня и моего обидчика.

— А где же твой обидчик? — спросил царь Шломо. — Ты, я вижу, пришла одна.

— Обидчик мой — ветер. Вот кто мой обидчик! —

ответила вдова, поднялась с колен и рассказала царю все, что с ней приключилось.

— По существу твоя жалоба, и весьма серьезна она,— сказал царь Шломо.— Но прежде, чем я начну суд, тебе нужно немного поесть и отдохнуть. Ты очень устала, глаза твои воспалены, ты вся дрожишь от голода. Сначала подкрепись. Садись вон там, добрая женщина, в тот угол судебного зала, а я велю подать тебе вина и хлеба. Наешься досыта, и я разберу твою жалобу.

Пока Шуламит ела, в зал вошли три чужестранца, у каждого за спиной висел тяжелый мешок. Судя по виду, они были жителями Египета. Один из них сказал:

— У нас важное дело к царю.

— Что за дело, чужеземец, и что за мешки вы несете? — спросил царь Шломо.

— Мы — египтяне,— ответили чужеземцы,— ездим из города в город, торгуем драгоценными камнями, украшениями из золота и серебра, дорогими пряностями и благовониями. А в мешках — наше добро. Плыли мы сегодня рано утром на корабле неподалеку от берегов твоего великого царства. Вдруг подул страшный ветер, и поднялась сильная буря. Наш корабль качало все сильнее и сильнее, но мы моряки бывалые и продолжали плыть дальше. К вечеру мы с ужасом увидели, что вода заливает корабль. В нем оказалась пробоина, и нам нечем было ее закупорить. Тогда мы стали звать на помощь. Мы были совсем близко от берега, но нам никто не отвечал. Ветер относил наши крики в открытое море, и рокот волн заглушал их. Корабль быстро наполнялся водой и постепенно шел ко дну. Мы взывали к нашим богам, но они нас не слышали. Мы взывали к богам других народов: моавитян, филистимлян,— но и они не слышали нас. И тогда мы вспомнили про Бога Израиля. Мы были слышаны о Его милосердии к страждущим, к путникам, к вдовам и сиротам, к бездомным и чужестранцам. Сделали мы последнюю попытку и в отчаянии воззвали к Нему: "О, Бог Израиля, спаси нас от гибели! Мы отдадим тебе все золото и серебро, какое только у нас есть в мешках,— лишь бы Ты

спас нас от смерти!" Не успели мы дать этот обет, как ветер начал стихать, последние его порывы прибили к нашему борту какой-то предмет, который заткнул пробоину, и вода перестала заливать корабль. Затем ветер улегся совсем; мы невредимыми добрались до гавани и стали искать дом Бога Израиля, чтобы выполнить свой обет. Добрые люди указали нам дорогу в Иерусалим. На улицах святого города мы спрашивали прохожих: "Где ваш Бог? Нам нужно отдать Ему долг", а они, к нашему великому удивлению, отвечали: "Ни один человек никогда не видел Бога Израиля". "Как же нам отблагодарить Его? Мы привезли Ему дорогие дары", — спрашивали мы. Люди удивлялись, слушая нас, и даже смеялись над нами! Потом кто-то посоветовался со старейшинами города, но и они не знали, как нам исполнить обет пред Богом. Только самый старый и мудрый из них додумался — и вот мы перед тобой, великий царь Шломо. Научи нас, как быть. Ты слывешь во всем мире мудрейшим из мудрых, и мы сделаем все, что ты скажешь.

Кончив свой рассказ, чужестранцы почтительно поклонились царю.

— А не знаете ли вы, добрые люди, что это за штука, которую прибил ветер к вашему кораблю, и она закупорила пробоину? — спросил царь Шломо.

— Как же, знаем, великий царь, — ответили они. — Причалив к берегу, мы вытащили ее и стали рассматривать. Оказалось — маленький хлебец. Да вот он при нас. Мы принесли его показать тебе, великий царь, — и тот, что постарше, достав из мешка каравай, положил его перед царем Шломо. Тогда царь громко позвал:

— Вдова Шуламит, подойди, пожалуйста, сюда. Когда бедная женщина смиренно приблизилась к трону, царь Шломо спросил ее:

— Узнаешь ты этот каравай? Ты его испекла?

— Да, — удивилась женщина, — это и впрямь тот самый хлебец, что я испекла, а ветер у меня его вырвал.

И тогда царь вынес решение: отдать три мешка с золотом и серебром вдове Шуламит. Он рассказал

всем собравшимся, как ей достался этот хлеб, как она отдавала его другим и как ветер унес у нее третий каравай. Торговцы еще раз благословили Бога Израиля и ушли своей дорогой.

А царь Шломо повернулся к Шуламит и сказал: — Бери свое золото и серебро, Шуламит. Бог посылает тебе это богатство взамен караваев. Ничто не делается без Его воли. И ветер, что вырвал хлеб из твоих рук, тоже был посланником великого Бога Израиля.

НИ ОДНА ПТИЦА НЕ ЧИРИКНУЛА

Мудрецы наши говорят, что, когда Моше получал Тору, ни одна птица не чирикнула. А начало этой истории восходит к тем далеким временам, когда, бежав из Египта, Моше стал пасти стада своего тестя.

Водил Моше стада по пустыне от одного источника к другому и однажды увидел горящий куст, над которым беспокойно кружила птица, хлопая крыльями и тревожно крича.

"Посмотрю-ка, что там с ней происходит", — сказал себе Моше.

Подбежав к горящему кусту, он увидел на нем гнездо с птенцами, которые повысовывали головки и наперебой пищали. Моше запустил руку в гущу ветвей и осторожно вынул птенцов вместе с гнездом. Он сильно обжег и исцарапал руку, но, не обратив на это внимания, пошел пристраивать гнездо на другой куст, подальше от огня.

Птица-мать полетела вслед за Моше, покружила у него над головой, пропела "спасибо" и, подождав, пока он приладит гнездо, вернулась к своим детям.

Потом, когда Моше перевязывал обожженную руку, она вернулась, села ему на ладонь и, громко чирикавая, легонько клюнула его в губы. Моше понял, что она целует его в благодарность за спасение птенцов и гнезда. Моше тоже поцеловал ее и отпустил на волю. Птица улетела. Но с того дня она привязалась к Моше и часто к нему прилетала со своими уже оперившимися птенцами. Они дружно ему чирикали, щебетали и свистели, и Моше пытался подражать им — так и выучил птичий язык.

Вскоре все птицы в округе узнали, что Моше спас птенцов и понимает язык птиц. Множество стай покинули родные места и переселились поближе к Моше. Они свили себе гнезда на всех кустах и прямо на земле, и безлюдная пустыня наполнилась веселым гомоном.

Спустя годы Моше снова увидел горящий куст. Но на сей раз оттуда раздавался Голос, который звал его: "Моше, Моше!" И тогда, поняв, что земля здесь священная, Моше снял сандалии, а Голос продолжал: "Я видел, как ты вынес птенцов из огня, а теперь отправляйся к фараону и выведи сынов Израиля из Египта".

Покинул Моше безлюдную пустыню, мирные стада, птиц — друзей своих и пошел в Египет. И вывел он сынов Израиля из земли египетской, повел их через Синайскую пустыню. Увидели птицы, что пришли сыны Израиля, и встретили их радостным пением. Но тут кто-то из пришедших заметил гнездо, в котором птица-мать высиживала птенцов, и схватил ее вместе с ними.

Страшный переполох поднялся среди птиц. Хотели они пожаловаться Моше, но не посмели к нему приблизиться, потому что стал Моше совсем другим человеком. Когда он впервые подружился с ними, он был моложе и счастливее, пас стада, веселился со своими пернатыми друзьями. А теперь он был все время озабочен и даже не взглянул на птиц. Что стало с добрым Моше, который спас птенцов от огня?..

Меж тем разбрелись еврейские юноши и девушки по всей пустыне в поисках птичьих гнезд. Найдут гнездо — и хватают птицу-мать вместе с птенцами.

Стали птицы поспешно покидать свои гнезда и улетать вглубь пустыни и на вершину горы Синай, где ни

один человек не мог их достать. Лишь матери только что вылупившихся птенцов оставались на месте и, дрожа от страха, ждали, когда их птенцы подрастут, расправят крыльшки и смогут улететь вместе с ними. И больше не видно было птиц вблизи Синая, и больше не слышно было их веселого гомона.

Однажды дошла до птиц новость: Моше собирается передать народу Израиля Тору на горе Синай! Слетелись птицы и стали держать совет. Послали они к Моше гонцов. Взмыли гонцы к самой вершине горы Синай и увидели, что стоит Моше и держит в руках каменные скрижали, а на них слова Бога высечены. Закружили птицы над Моше и закричали:

— Моше, что написано в Торе, которую ты передаешь Израилю?

— Не убивай,— ответил Моше.

— А знаешь ли ты, что сыны Израиля разорили наши гнезда и похватали птиц-матерей вместе с птенцами?

Моше молчал, а птицы продолжали:

— Ты молчишь, но мы молчать не станем. Мы будем хлопать крыльями, свистеть и чирикать, щебетать и петь, мы не дадим тебе говорить с сынами Израиля, пока не пообещаешь ты нам вписать в Тору еще одну строчку: "Не троньте птиц!"

Задумался Моше, потом поднял свои лучезарные глаза и сказал:

— Вы правы, друзья мои, я запишу это в Торе. Вернулись птичьи гонцы к своим стаям с доброй вестью. Прошел день, прошел второй, а на третий день утром, когда собрались сыны Израиля у подножья горы, слетелись птицы. Стая за стаей окружили они гору, как тучи,— просвета не видно.

И прочёл Моше слова Торы перед всем народом — повеление за повелением, заповедь за заповедью, закон за законом. Потом поднял глаза к птицам, доверчиво смотревшим на него, и громко сказал:

— Если попадетсЯ тебе птичье гнездо на дороге, на каком-либо дереве или на земле, с птенцами или с яйцами, а мать сидит на птенцах или на яйцах,— не бери мать вместе с детьми!

Стаи птиц взмыли ввысь. Наступила глубокая тишина.

Вот почему наши мудрецы говорят, что при чтении Торы на горе Синай "ни одна птица не чирикнула".

ПОЧЕМУ БЫЛ РАЗРУШЕН ХРАМ...

За что и почему был разрушен Иерусалим и сожжен Храм во времена римлян? И гласит, что дело было так. Жил в то время в Иерусалиме богач. И был у этого богача друг-приятель по имени Камца, что означает Скупой.

Проживал Камца далеко от своего друга, на другом конце города. А у богача был сосед, что жил в соседнем доме и звали его Бар-Камца, что означает Сын Скупого. Бар-Камца и его сосед враждовали с давних пор. То и дело они кричали друг на друга:

— Твои дети опять мешают мне отдыхать!

— Почему ты дал своей лозе залезть на мою землю?!

— Дым из твоей трубы зашел в мою дверь!

И еще всякие такие упреки, которые могут возникнуть между соседями.

Однажды богач задумал устроить у себя в доме званый обед и пригласить на него всех ученых мужей и почтенных граждан Иерусалима. Своего друга Камцу он решил усадить во главе стола и послал за ним слугу. А слуга был человек нерасторопный и ленивый, он поленился идти за Камцой на другой конец города. "Наверное, хозяин имел в виду Бар-Камцу, своего соседа, что живет в соседнем доме,— стал он рассуждать про себя,— наверное, я плохо расслышал. Сколько раз хозяин ошибался, а я должен ломать голову, что он хотел. Но на этот раз я сделаю, как он приказал и приглашу к обеду Бар-Камцу".

Сказано — сделано: зашел слуга в дом Бар-Камцы и пригласил его к обеду. Бар-Камца очень удивился, когда слуга зашел в его дом и передал ему приглашение соседа. Не ошибка ли это? Но когда слуга стал настаивать, что богач его приглашает, и даже указал ему его место во главе стола, — Бар-Камца очень обрадовался. "Наверное, он хочет, чтобы мы помирились", — подумал он и принял приглашение.

В назначенный день Бар-Камца надел свои самые нарядные одежды, обул праздничную обувь и отправился в дом богача. Он полюбовался на богато украшенный дом, а также на большой стол, накрытый разноцветной скатертью, уставленный красивой посудой и изысканными яствами, зашел и уселся во главе стола.

Увидел хозяин, что Бар-Камца зашел в его дом и сел во главе стола и вскипел страшным гневом.

— Что тебе надо в моем доме?! — заорал он со злостью.

Бар-Камца покраснел от стыда.

— Ты ведь сам пригласил меня в свой дом, — проговорил он с удивлением.

— Я пригласил тебя?! Как тебе это в голову могло придти?! — орал богач. — Радуйся, что я терплю тебя в соседях. В своем доме я не хочу тебя видеть! — Так он кричал, а в дом входили все новые и новые гости, почтенные жители Иерусалима и ученые. Они удивлялись, увидев разгневанного хозяина, но не говорили ни слова. "Это его дом, — думали они про себя, — и он поступает, как хочет".

Богач стоял около Бар-Камцы, и тот не хотел, чтобы их голоса достигали уважаемых гостей, что собирались вокруг стола.

— Допустим, что твой слуга пригласил меня по ошибке, — увещевал Бар-Камца, — но раз уж так вышло, что я пришел, перестань меня срамить, перестань гнать меня из дому на глазах всех твоих гостей.

— Я все равно тебя выгоню! — орал хозяин во весь голос. — Вы посмотрите только на эту наглость! Мало того, что он прокрался ко мне в дом, так он

еще уселся во главе стола!

Посмотрел Бар-Камца вокруг и увидел, что ни один из гостей не встал со своего места и не сказал доброго слова в его защиту. Все сидели у стола, все были заняты едой и никто не промолвил ни слова.

— Оставь меня в покое, — попросил Бар-Камца, — и я заплачу тебе за все, что съем и выпью в твоём доме.

— Убирайся немедленно из моего дома! — орал хозяин.

— Я оплачу тебе весь этот обед, — предложил Бар-Камца.

— Не надо! Убирайся!

— Я оплачу тебе все расходы за этот обед: новую посуду, вышитую скатерть, все... Все, что ты попросишь. Только оставь меня здесь.

— Ты не купишь мою дружбу за все деньги в мире! — кричал богач и приказал двоим слугам взять Бар-Камца и выкинуть его вон из дома.

Схватили его эти слуги, силой выдернули из-за стола, вытащили из дому и выбросили на улицу. Очутился Бар-Камца на улице города: побитый и сильно обиженный. "Как много злобы у моего соседа, — сказал он про себя. — И сколько уважаемых гостей сидело у стола... Почему никто не заступился за меня?"

И наполнилось сердце Бар-Камцы злобой против соседа-богача и всех его дорогих гостей, почтенных граждан Иерусалима. Решил он отомстить им страшной мезтью. Что он сделал? Пошел к римскому кесарю и сказал ему:

— Знай, что жители Иерусалима не хотят, чтобы ты правил в этой стране, и они договариваются напасть на тебя и убить.

— А как я проверю, что ты говоришь правду? — спросил кесарь. Бар-Камца подумал немного и сказал:

— Пошли им теленка и попроси принести его от твоего имени в жертву в Храме. И ты увидишь, делают ли они это.

Послал римский кесарь теленка и написал в письме, что просит от его имени принести теленка

в жертву в Храме.

По дороге Бар-Камца отрубил теленку хвост. И когда теленок прибыл в Иерусалим, жрецы Храма его забраковали и не приняли его в жертву, сказав:

— Тора запрещает нам приносить в Храме в жертву животных с физическими недостатками.

Услышал кесарь римский, что евреи отказались принести в жертву в Храме теленка, которого он сам лично прислал, и вскипел страшным гневом:

— Ага! Бунтовать, значит, вздумали эти жители Иерусалима! — воскликнул он и тотчас приказал своему главному полководцу выступить на Иерусалим во главе войска большого и очень жестокого.

Римские солдаты стали грабить и сжигать дома богачей Иерусалима, на которых донес Бар-Камца. Но этого им показалось мало. Злоба их на евреев, которые взбунтовались против римского кесаря, была так велика, что они разграбили и сожгли много домов и ворвались даже в Храм и уничтожили там много драгоценных сосудов.

Вот так, рассказывает предание, из-за обиды и жажды мести был разрушен святой Храм, а из-за Скупого и Сына Скупого был разорен Иерусалим.

КАК ПАСТУХ СТАЛ УЧЕНЫМ

Жил-был бедный мальчик в Иерусалиме. Звали его Акива. Дом его был беден и мал, не было в нем хлеба и не было у родителей денег послать Акиву учиться.

Видел мальчик, как бедно живут его мать и отец, братья и сестры, и решил им помочь. Что он сделал? Нанялся к богачу Калба Савуа пасти овец. Пас их Акива с утра до ночи много дней подряд, вырос за этим делом и стал ладным молодцем. А Калба Са-

вуа, что означает Сытый Пес, был большой богач. В доме его столы всегда ломились от вкусных яств, и люди говорили, что зайдешь к нему в дом голодный, как собака, а выйдешь довольный и сытый. Дом у Калба Савуа был большой и красивый, мебель дорогая, посуда красивая, и одежды роскошные. И была у богача Калба Савуа дочка. Рахиль ее звали, стройная станом и прекрасная на вид. Многие богачи и ученые Иерусалима хотели взять Рахиль в жены, но она и слышать об этом не хотела. Почему? Да потому, что всем сердцем любила она пастуха Акиву. Правда, он не был богат и не был ни ученым, ни учителем. Но зато он был добрый человек, и Рахиль любила его тайно. Она подолгу смотрела в окно, как он выгонял отару в поле, как красиво он ухаживал за колосьями, и с каждым днем любила его все больше и больше. И Акива любил Рахиль, и мечтал, что если бы она стала его женой, он мог бы учиться книжной премудрости.

Однажды Калба Савуа спросил свою дочь:

— Скажи мне, Рахиль, почему ты отказываешь всем, кто просит твоей руки?

Выслушала его Рахиль и ответила:

— Не хочу быть ничьей женой, кроме того единственного, которого я люблю.

— И кто же твой избранник? — спросил отец.

Посмотрела Рахиль ему в глаза и произнесла:

— Акива, пастух овец.

— Не бывать этому никогда! — страшно рассердился Калба Савуа. — Если ты станешь женой этого пастуха, клянусь, я выгоню тебя из своего дома и никогда больше даже не взгляну в твою сторону!

Заплакала Рахиль и сказала:

— Отец мой, я очень люблю тебя. Но я все равно буду женой Акивы. Он выучит книжную премудрость и станет большим ученым.

Не поверил Калба Савуа, что пастух его овец станет учить книжную премудрость, и не хотел, чтобы красавица дочь стала его женой. Но Рахиль любила Акиву больше всего на свете. И она покинула дом отца. Акива оставил овец, которых он пас, и они вдво-

ем ушли из дома Калба Савуа.

Тяжелые времена наступили для Акивы и Рахили. Не было у них пристанища, не было денег на хлеб. Одни бедняки сжалились над ними и пустили их жить в кладовку, где хранилась солома и сечка для овец. Сечка эта была тут же, в помещении, где жили Акива и Рахиль. И было там холодно, темно и тесно. И на улице стояла зима, шел дождь и снег, и солнце редко показывалось на небе. Но не жаловались Акива и Рахиль. Каждое утро Акива ласково перебирал длинные шелковистые волосы Рахили, вынимал из них соломинки и говорил:

— Если бы у меня были деньги, Рахиль, я купил бы тебе очень красивое украшение — "Золотой Иерусалим". Оно бы так подошло к твоим чудесным волосам!

— Не надо мне золотых украшений,— улыбалась Рахиль,— если бы ты только мог пойти учиться книжной премудрости, я была бы очень счастлива.

И вот однажды кто-то постучал в дверь их кладовки. Акива открыл. На пороге стоял человек в рваных одеждах, худой и бедный.

— Люди добрые, — попросил бедняк, — сегодня ночью жена родила мне сына. А мне даже не на что уложить ее и ребенка. Может быть, вы дадите мне немного соломы с сеновала?

— Да, бери, пожалуйста, сколько тебе надо! — сказал Акива.

Взял человек полный мешок соломы и пошел своей дорогой. Закрыв Акива за ним дверь и обернулся к Рахили:

— Ты видела? Можно, оказывается, жить и беднее, чем мы.

И пошел Акива учиться. День и ночь одолевал он книжную премудрость, а в редкие свободные часы уходил в лес, рубил там дрова. Часть их он продавал на рынке и покупал на эти деньги хлеб себе и своей жене. А часть дров он оставлял, разводил из них костер, и они грелись с Рахилью у огня.

— Жаль, что ты тратишь время на дрова,— говорила ему Рахиль,— надо, чтобы ты учился.

— А что с нами будет? Где мы согреемся? — спрашивал Акива.

— Не беспокойся об этом, — сказала однажды Рахиль мужу.

Послушался ее Акива и сидел теперь за книгами без отдыха, даже перестал ходить в лес за дровами. А что же сделала Рахиль? Она срезала свои черные, прекрасные волосы, продала их и на эти деньги покупала хлеб, дрова и свечи для Акивы, чтобы он мог заниматься и в темное время дня, и вечерами.

Так прошло много дней. В бедности и лишениях проходили годы, но они по-прежнему никогда не жаловались. Рахиль ни о чем не жалела даже тогда, когда Акива ушел продолжать свою науку в другой город и они не видели друг друга долгими месяцами. Она очень скучала о нем, но ждала терпеливо и радовалась, что он учится.

Много долгих лет учил Акива книжную премудрость вдали от жены своей Рахили. Учил и учил, пока не стал великим ученым, появилось у него множество учеников, и все звали его уважительно раби Акива — учитель Акива.

Через много лет вернулся Акива в Иерусалим. Подошел Акива к воротам города, а с ним двенадцать тысяч учеников. Вышли все жители города навстречу великому ученому. Услышала Рахиль, куда они бегут, и поняла, что это муж ее вернулся. Очень она обрадовалась и тоже побежала к воротам города.

— Рахиль! Рахиль! Куда ты бежишь? — окликнули ее соседи. — Ты не можешь в таком виде предстать пред великим ученым. Платье на тебе старое и чиненое-перечиненое. Это неприлично!

— Нет у меня другого платья, — возразила Рахиль.

— Если так, я одолжу тебе свое, — предложила соседка.

— Нет, спасибо, — отказалась Рахиль, — мне не надо чужого платья.

Прибежала Рахиль к раби Акиве, но ученики его не позволили ей приблизиться к нему. Они увидели перед собой бедную женщину в старом платье и сказали ей:

— Иди отсюда!

Но Акива узнал ее издали и крикнул ученикам:

— Пропустите ее! Это жена моя Рахиль, и только благодаря ей я смог выучиться!

Приблизилась Рахиль к раби Акиве, он поцеловал ее, они очень обрадовались друг другу и даже заплакали от счастья. И вот так стояла Рахиль счастливая около своего мужа и вдруг услышала знакомый голос:

— Дайте дорогу! Дайте дорогу!

Посмотрела она и увидела своего отца — богача Калбу Савуа, который двигался через толпу прямо к ним. Рахиль тотчас спряталась, потому что помнила клятву отца никогда не взглянуть даже в ее сторону. А Калба Савуа приблизился к раби Акиве и не узнал в нем человека, что пас у него некогда овец. Подошел Калба Савуа к раби Акиве и обратился к нему:

— Слышал я, люди говорят, что ты великий мудрец. Может быть, ты сумеешь помочь моему горю.

Выслушал его раби Акива и ответил:

— Если смогу — помогу.

Рассказал ему Калба Савуа, что была у него дочь, которую он очень любил. И эта дочка вышла замуж за бедняка, и он, Калба Савуа, выгнал ее из дому и поклялся, что даже не взглянет никогда в ее сторону...

— Но я очень скучаю по дочке,— сказал Калба Савуа, и на глазах его выступили слезы,— и до меня дошли слухи, что она бедна и живет ей тяжело. Нельзя ли как-нибудь отменить мою клятву?

Посмотрел раби Акива на Калбу Савуа, увидел, что горе его неподдельно и слезы на глазах его, и спросил:

— Если бы ты знал тогда, когда дочь твоя вышла замуж за пастуха, что наступит день и пастух этот станет ученым мужем, разве ты выгнал бы дочь из своего дома? Разве бы ты поклялся не видеть ее никогда?

— Если бы даже он не стал большим ученым, а знал хотя бы один стих библейский, хотя бы читать и писать умел,— запричитал Калба Савуа,— но этот пастух не умел даже написать свое имя, и я...

— Ну ладно, хватит,— прервал Калбу Савуа раби

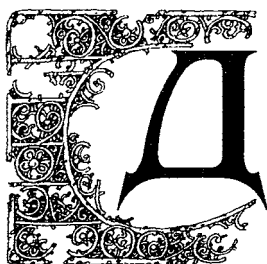
Акива, — я тот человек, что был пастухом твоих стад.
— Ты?! — отшатнулся Калба Савуа в изумлении. — Как же так? Тот пастух был совсем неотесанный, а ты стал большим ученым!

— Твоя дочь помогла мне одолеть книжную премудрость, — ответил с достоинством раби Акива. — Вот она, Рахиль. Мы вправе освободить тебя от твоей клятвы. Можешь на нее посмотреть.

Приблизилась Рахиль к отцу своему, он обнял ее и поцеловал, потом обнял и поцеловал раби Акиву. И была у них радость превеликая. Калба Савуа пригласил дочь свою Рахиль, супруга ее и его учеников в свой дом и устроил для них большой пир. Семь дней они веселились, потом Калба Савуа купил раби Акиве и Рахили красивый дом и отдал им половину своего богатства.

А раби Акива купил, наконец, своей жене золотое украшение, очень красивое и дорогое, под названием "Золотой Иерусалим". А когда Рахиль выходила на улицу, и это украшение сверкало и переливалось на ней, все знали, что эта женщина верная и преданная жена, которая помогла своему мужу пастуху Акиве стать великим ученым.

ДВА БРАТА

Давным-давно на месте святого Иерусалима жили два брата. Были они земледельцами и обрабатывали поле, которое им досталось в наследство от отца. Старший брат был холост и жил один. У младшего были жена и четверо детей. Братья любили друг друга и не хотели делить землю. Вместе пахали, вместе сеяли и косили, а урожай делили поровну.

Однажды вечером — дело было в жатву — улегся старший брат спать, да все никак заснуть не мог:

беспокойные мысли мешали. "Живу я совсем один, — думал он, — ни жены, ни детей. Никого мне не нужно ни кормить, ни одевать. А у брата семья на плечах. Так справедливо ли, что мы делим урожай поровну? Ему же больше нужно, чем мне!"

Поднялся он среди ночи, взял охапку снопов из своей доли и отнес на братнину половину. Вернувшись, он спокойно уснул.

Той же ночью не спалось и младшему брату: думы о старшем тревожили. "Со мной дело просто, — рассуждал он, — когда я состарюсь, обо мне дети позаботятся. А что будет с ним на старости лет? Кто позаботится о нем? Так разве справедливо, что мы делим урожай поровну?"

Встал он, взял охапку снопов, отнес на братнину половину, вернулся и спокойно уснул. Наутро оба очень удивились, увидев, что снопов у них не убавилось, но ничего не сказали друг другу.

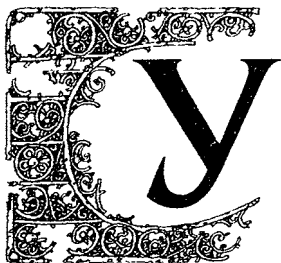
Следующей ночью повторилась та же история. Наутро братья снова удивились, а на третью ночь, неся снопы друг другу, они повстречались на вершине холма и поняли, в чем дело. Тут они побросали свою ношу и, обнявшись, заплакали от радости благодарными слезами.

Увидел Бог их доброе дело и благословил то место, где они повстречались. А когда спустя много времени царь Шломо * выстроил Храм, который сулил всем народам мир, любовь и братство, он заложил фундамент как раз на том месте, где встретились братья.

* Шломо—третий царь Израиля (X в. до н. э.), сын Давида (см. ниже); построил первый иерусалимский Храм. Славился необычайной мудростью.

ВИНОГРАДНИК НАВОТА ИЗРЕЭЛЬСКОГО

Навота, жителя долины Изреэль, был виноградник возле дворца Ахава *, царя Израиля.

— Отдай мне свой виноградник,— сказал Ахав Навоту,— он как раз рядом с моим домом и будет служить мне ого-

родом. Тебе же я дам другой виноградник, еще лучше. А хочешь — заплачу за твой двойную цену.

— Бог не велит мне отдать его,— сказал Навот.— Он мне достался в наследство от моих предков.

Вернулся Ахав домой сердитым и хмурым: пришелся ему по вкусу виноградник Навота, а тот не захотел его отдать! Ахав даже есть не стал, улегся в постель и отвернулся к стене. Но Изевель, жена его, пришла к нему и спросила:

— Чем ты так расстроен, что даже есть не стал?

— Тем, что Навот не захотел отдать мне свой виноградник. Я тебе заплачу, сказал я ему, или дам другой, еще лучше, а он отказался.

— Разве не царь ты Израиля? — сказала известная своим коварством Изевель.— Вставай, поешь и возвесели свое сердце. Я передам в твои руки виноградник Навота.

Написала она письма от имени Ахава, поставила на них царскую печать и разослала старейшинам и знатым людям Шомрона — столицы государства.

А в письмах тех было сказано: "Приведите двоих, и пусть они лжесвидетельствуют против Навота.

Пусть скажут, что он проклинал Бога и царя, и его побьют камнями до смерти".

Старейшины города сделали так, как приказала

* Ахав—царь Израиля (IX в. до н. э.). Известный своей жестокостью идолопоклонник. Насаждал в еврейском государстве культ языческих богов, преследовал пророков.

Изевель. Вывели Навота перед всем народом, пришли два подкупленных человека, лжесвидетельствовали против него, и Навота забросали камнями.

Узнав, что Навот умер, Изевель сказала Ахаву:

— Вставай и забирай виноградник Навота, который он не захотел тебе продать. Навот умер.

Услышав о смерти Навота, Ахав встал и пошел в виноградник, который решил забрать себе.

Но было слово Господа к пророку Элиягу *. "Встань и иди к Ахаву, царю израильскому, что правит в Шомроне. Он сейчас в винограднике Навота. Иди и скажи ему: "Убил и еще наследуешь?" И еще скажи: "В том месте, где собаки лизали кровь Навота, будут они и твою кровь лизать".

Так и сделал пророк Элиягу. Увидев его, отпрянул Ахав в испуге, хоть и был царем. Знал он, что пророк пришел к нему со словом Божиим. И сказал Ахав:

— Ты нашел меня, враг мой?

И сказал пророк Элиягу:

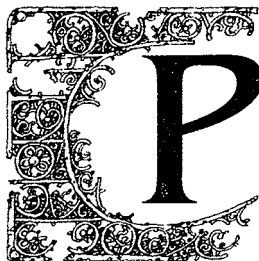
— Я нашел тебя. Потому что сотворил ты зло в глазах Бога.

И так все и было, как предсказал пророк Элиягу: умер от ран Ахав, и собаки лизали его кровь. А тело нечестивой Изевель, растоптанное лошадьми, растерзали псы на поле Изреэльском.

* Элиягу—один из величайших пророков Израиля, искоренявший в стране языческие культы. Был взят живым на Небеса и, по словам позднейших пророков, должен вернуться на землю незадолго до прихода Машиаха — царя-избавителя, который отстроит Храм и соберет всех евреев в Земле Израиля. В ожидании возвращения пророка Элиягу каждый год в вечер праздника Песах евреи ставят на стол дополнительный бокал с вином — "бокал для Элиягу".

КТО СУМЕЛ ПОБЕДИТЬ РАБИ ИОШУА БЕН-ХАНААНА

Рассказывают про раби Иошуа бен-Ханаана, что был он большой мудрец и острослов и никто не мог его победить ни в ученом споре, ни в турнире острословов. Ни один человек не мог, кроме... Но это случилось уже в конце нашей истории. А вначале не было такого человека, чтобы победил.

Однажды в Иерусалим прибыл римский император и сказал раби Иошуа:

— Если ты действительно такой мудрец, как о тебе говорит молва, хотел бы я посмотреть, как ты сумеешь одолеть мудрецов города Афины и привести их ко мне.

А император прекрасно знал, что старейшины Афин большие мудрецы и никому еще не удавалось одержать победу над ними. Раби Иошуа решил попробовать и сказал императору:

— Я думаю, что сумею переспорить их и привести к тебе.

— Если ты переспоришь их, я смогу убедиться, что ты и впрямь большой мудрец, — промолвил император.

Поднялся раби Иошуа на корабль и отправился в Афины. Прибыл он в Афины, подошел к воротам города, а где старейшины сидят — не знает, и спросить ни у кого нельзя, потому что в городе был закон, который запрещал открывать чужеземцам это место. Что же сделал раби Иошуа? Он зашел в харчевню на постоялом дворе, где ели и пили жители города, и предложил хозяину харчевни:

— Я слышал, что ты очень умный человек, и хочется мне испытать, кто из нас умнее. Если ты победишь, я буду тебе платить за постой тридцать дней

подряд, даже если проживу у тебя всего один день. Если же я сумею выиграть у тебя два раза, ты выполнишь одну мою маленькую просьбу.

Хозяин согласился, взял со стола два одинаковых яйца, показал их раби Иошуа и спросил:

— Говорили мне, что ты большой мудрец, скажи: которое яйцо от черной курицы, которое от белой? — Он был уверен, что никто не сможет ответить на этот вопрос. Но раби Иошуа тут же взял со стола ломоть сыра и сказал хозяину:

— Если ты скажешь мне, от черной или от белой козы этот сыр, я тут же отвечу на твой вопрос о яйцах.

Увидел хозяин, что не удастся ему подловить раби Иошуа в этом вопросе, и пригласил его отобедать с ним и его семьей. За обеденным столом сидели хозяин с женой, два их сына и две дочки. И подали на стол пять цыплят.

— Подели цыплят между нами всеми,— предложил хозяин раби Иошуа.

— Я ведь гость тут,— возразил раби.

— Но я прошу, чтобы разделил ты,— настаивал хозяин.

Взял раби Иошуа цыплят, дал одного хозяину и его жене, второго — двум сыновьям, третьего — двум дочерям, а двух цыплят взял себе — полную порцию.

Посмотрели на это сидящие за столом и ничего не сказали.

На другой день подали за обедом к столу большую ароматную курицу с приправами, да только одну. Опять попросил хозяин раби Иошуа:

— Подели курицу между нами.

— Но я ведь гость здесь, — напомнил раби.

— Я хочу, чтобы ты разделил,— стоял на своем хозяин.

Взял раби Иошуа голову курицы и отдал хозяину, внутренние части отдал его жене, две ноги отдал сыновьям, по одной ноге каждому. Крылья отдал дочкам — по одному крылу каждой, а тушку курицы взял себе. Смотрели на это сидящие за столом и очень удивлялись. После трапезы хозяин спросил:

— Скажи мне, почему это ты так делил вчера и сегодня: нам всем дал понемногу, а себе взял много? Почему ты поступил неучтиво?

— Может быть, и неучтиво, но посуди сам, — возразил раби Иошуа, — вчера ты просил, чтобы я разделил пять цыплят на семерых: я дал одного вам с женой — вас стало трое, два сына и цыпленок — тоже трое, две дочки и цыпленок — трое, да я с двумя цыплятами — и нас трое. Разве это неправильно.

Рассмеялись все за столом и подивились находчивости раби Иошуа.

— Да, вчера ты поступил остроумно, — согласился хозяин. — А почему ты сегодня так поделил курицу?

— Голову я дал тебе, — объяснил раби Иошуа, — потому что ты глава дома; внутренности отдал твоей жене, потому что дети твои вышли из нее. Две ноги сыновьям, потому что они опора дома. А крылья дочкам, потому что еще немного, и они расправят крылья и полетят вслед за своими мужьями. Ну, а тушка курицы похожа на корабль, что привез меня сюда и на котором я, с Божьей помощью, домой вернусь. Поэтому я и взял себе тушку.

Выслушали все объяснение раби Иошуа и согласились:

— Да, ты разделил остроумно.

Тогда раби Иошуа сказал хозяину:

— Я победил тебя в находчивости, да еще решил две твоих задачи на сообразительность. Теперь твой черед выполнить мою просьбу. Я прошу, чтобы ты сказал мне, где сидят мудрецы Афин.

Хозяин весь затрепетал от страха:

— Что ты?! Если узнают, что я указал тебе то место — меня убьют!

— Не бойся, — успокоил его раби Иошуа, — мы сделаем так: ты возьмешь вязанку дров и пойдешь по улице. Я пойду за тобой. Когда мы подойдем к тому месту, ты удержишься на мгновение, поправишь дрова и пойдешь своей дорогой. Я пойму, что это то место, и ни одна душа не догадается, что это ты показал. Подивился хозяин находчивости раби Иошуа и

сделал, как сказано. Пришел раби Иошуа на то место, где сидели мудрецы Афин, зашел внутрь.

— Ты кто? Что тебе здесь надо? — уставились они на него с изумлением.

— Я из ученых иудеев, — ответил раби Иошуа с достоинством, — и прибыл сюда поучиться у вас книжной премудрости.

— А вот мы сейчас зададим тебе несколько вопросов и посмотрим, какой ты мудрец, — сказали старейшины Афин.

— Спрашивайте все, что хотите, — согласился раби Иошуа, — и если вы одержите надо мной победу, то и делайте со мной что хотите. Если я одержу победу над вами, обещайте, что придете отобедать на мой корабль.

— Хорошо, — согласились старейшины Афин, — если ты такой мудрец, построй нам там, вверху, в небе, воздушный замок.

— Пожалуйста. Только поднимите мне туда наверх глину и кирпич, и замок тотчас будет.

— А где центр вселенной?

— Точнехонько вон там — указал раби на одинокую тучку в небе.

— А как мы убедимся, что центр действительно там? — усомнились старейшины Афин.

— Не верите — возьмите веревку и измерьте.

— В горах есть колодец с водой, а нам надо перетаскать его в город. Как это сделать?

— Проще простого. Обвяжите его водяными веревками и тащите.

— А если есть грядка ножей, чем их скосить?

— Рогом осла, — не растерялся раби.

— Разве у осла есть рога? — удивились мудрецы.

— А грядку ножей вам разве приходилось видеть?

Много еще вопросов задавали мудрецы раби Иошуа, но победить его в остроумии не сумели и пришлось им всем идти к нему на корабль. Когда все старейшины там собрались, раби Иошуа дал команду капитану выходить в море. Поплыл корабль по морю и привез всех мудрецов Афин к римскому императору. Увидел их император и сказал раби Иошуа:

— Теперь я знаю, что ты большой мудрец и никто не может тебя одолеть.

Затем он щедро его одарил и отпустил с миром. Вышел раби Иошуа от императора, покинул город и направился по дороге. А жара стояла ужасная, да еще крепла с каждым часом. Трудно было раби идти с тяжелыми подарками, измаялся он весь, вспотел, жажда его мучила. И тут он увидел мальчика, что сидел у развилки дорог. Остановился около него раби Иошуа:

— Скажи мне, паренек, нет ли тут в округе колодца?

— Есть. Недалеко отсюда. Вот эти две дороги как раз к нему ведут, — и мальчик указал пальцем.

— По которой же из них я дойду быстрее?

Мальчик подумал и сказал:

— Та дорога, что слева, короткая и длинная. Та, что справа, — длинная и короткая.

Не понял раби Иошуа слова мальчика, махнул рукой и пошел по той дороге, что короткая и длинная. Пройдя по ней немного — и тут дорогу перегородил ручей. Перешел его раби Иошуа, а там гора, и дорога поднимается вверх все круче и круче. Вернулся раби Иошуа, увидел мальчика на том же месте и спросил с раздражением:

— Разве не ты сказал мне, что это короткая дорога к колодцу?

— Я сказал, что короткая и длинная, — возразил мальчик, — она хоть и короткая, но плохая и круто поднимается в гору. Если бы ты пошел по другой дороге, которая длинная, но хорошая и идет под гору, ты бы уже давно был у колодца.

Пошел раби Иошуа к колодцу, и мальчик с ним. Они шли по дороге длинной и короткой, что была хороша и бежала под гору, и скоро добрались до цели.

Попил раби Иошуа, утолил жажду и очень захотелось ему есть.

— Если ты в самом деле такой умный, — сказал он мальчику, что все еще шел рядом с ним, — то сходи купи мне чего-нибудь поесть. Только так: я дам тебе всего одну пруту, а ты купи мне на нее чего-

нибудь съедобного, чтобы хватило на эту трапезу, да еще на дорогу осталось.

— Понял. Жди меня здесь. Я скоро вернусь.

Мальчик ушел и действительно скоро вернулся, держа в руках небольшой мешочек. Раби Иошуа взял мешочек, заглянул в него, а там... соль!

— Я разве за солью тебя посылал? — удивился раби.

— Ты велел за одну пруту купить тебе чего-нибудь съедобного, чтобы хватило на эту трапезу, да еще на дорогу осталось. Я и купил. Уверяю тебя, что столько соди тебе за один раз не съесть. Стало быть, и на дорогу останется.

Поцеловал раби Иошуа мальчика в голову и сказал:

— Большим мудрецом я был и многих мудрецов побеждал, пока не пришел маленький мальчик и не победил меня.

КУВШИН С МЕДОМ

Началось все с того, что у одной женщины, красивой и пригожей, умер муж. И вскоре после этого, как муж ее умер, в дом к ней повадился заглядывать один знатный сановник, человек хоть и очень богатый, но немолодой, некрасивый и к тому же женатый на сотне других женщин. В те времена было так принято — чтобы у одного мужа было много жен. Разумеется, бедный человек не мог иметь много жен, он был доволен, если ему удавалось взять хотя бы одну жену; зато богачи так и старались перещеголять друг друга — если у одного было семьдесят жен, так другому подавай восемьдесят. У самого царя Соломона, говорят, была целая тысяча жен.

Тот сановник, о котором мы рассказываем, решил,

что сделает молодую вдову своей сто первой женой. Дело в том, что она давно ему нравилась — как только он увидел ее в первый раз, она сразу ему приглянулась, — но поскольку тогда ее муж еще был жив, сановнику оставалось лишь издали любоваться ею, да и то украдкой, зато теперь, когда она овдовела, ничто не мешало их браку. Но женщина вовсе не собиралась выходить замуж за сановника, он ей совершенно не нравился, а его сто жен и того меньше. Но так как он был человек знатный и могущественный, то сердить его ей тоже не хотелось. Вот она и решила, что самое умное, что можно предпринять в ее положении, это уехать прочь из Иерусалима. Убраться, как говорится, и с глаз долой. Сделать это ей было в общем-то нетрудно, поскольку у нее были родители, которые жили в Хевроне. Смущало ее только одно: после мужа ей остался дом и кой-какое имущество, а помимо этого несколько десятков золотых и серебряных монет. Эти монеты беспокоили женщину больше всего. Взять их с собой в дальнюю дорогу она не решалась — вдруг по дороге нападут разбойники и ограбят? А оставлять золотые и серебряные монеты в пустом доме ей тоже не хотелось — неизвестно, кому вздумается заглянуть сюда в ее отсутствие. Вот она и придумала такую хитрость: положила монеты в глиняный кувшин, а сверху налила густого темного меда. Потом она обвязала кувшин тонкой телячьей шкуркой и отнесла к соседке.

— Так и так, — сказала она соседке, — пришел ко мне один человек из Хеврона и сказал, что мой отец хочет, чтобы я вернулась домой. И то правда — все равно никого у меня тут в Иерусалиме нету, пойду к отцу с матерью и поживу у них какое-то время. Только вот этот кувшин с медом прошу тебя поберечь до моего возвращения. Не хочу оставлять его в пустом доме, а то зайдет какой-нибудь бродяга и выпьет мед.

— Оставляй, конечно, — сказала соседка. — Поставь ко мне в погреб и не беспокойся: когда вернешься, найдешь в нем ровно столько меда, сколько в нем сегоднѣя.

Вдова поблагодарила, погавила кувшин с медом

и монетами в соседкин погреб и ушла себе потихоньку в Хеврон к отцу с матерью.

Соседка была женщина честная и чужим медом лакомиться, разумеется, не собиралась, но случилось так, что один из ее сыновей достиг возраста бар-мицвы. Созвали гостей, родных и соседей и вдруг обнаружили, что в доме нет ни капли меда. А какой же праздник и какое угощение без меда? Бросилась женщина на базар, но и там не нашла меда. Может, это был такой год неудачный, что пчелы принесли мало меда, кто знает. Вернулась она домой расстроенная и вдруг вспомнила про кувшин, что оставила вдова. "Ну, верно, большой беды не будет, если я возьму у нее сколько-нибудь меда, а потом куплю и добавлю, — подумала женщина. — Ведь если бы она была здесь и узнала, что у меня нет меда в день бар-мицвы, то сама бы предложила мне взять. К тому же неизвестно еще, когда она вернется — если вообще когда-нибудь вернется. Может, она там в Хевроне давно уже вышла замуж, и деток нарожала, и живет себе поживает, а про мед и вспоминать забыла".

Подумав так, она распечатала кувшин, вылила из него мед и вдруг увидела на дне золотые и серебряные монеты. "Вот так-так! — сказала себе женщина. — Ничего себе подарочек! А я-то который год держу кувшин у себя в погребе и даже не догадываюсь, какое в нем сокровище. Но ведь она просила меня сберечь мед, а не монеты, стало быть, монетами я вправе распоряжаться, как хочу". И она вытащила монеты из кувшина, обмыла их и перепрятала в другое место.

Много ли, мало ли времени прошло, но сановник, который досаждал вдове своей любовью, скончался. А поскольку это был человек знатный, весть о его смерти вскоре дошла и до Хеврона. И тут вдова, которая, кстати сказать, замуж так и не вышла, решила, что нет больше никакой причины оставаться ей в Хевроне. Можно теперь спокойно вернуться в Иерусалим и поселиться снова в своем собственном доме.

Вернувшись в Иерусалим, она, разумеется, первым делом отправилась к соседке узнать про кувшин

с медом. И соседка тотчас вынесла ей кувшин, и в нем и в самом деле было ровно столько меда, сколько вдова оставляла. Но золотых и серебряных монет в кувшине не было.

Увидев это, женщина все поняла и с плачем и криком выбежала на улицу. Но соседка лишь усмехнулась.

— Ты оставила мне на хранение мед, мед я тебе и вернула, — сказала она. — Ни про какие монеты я и слыхом не слыхивала. Стану я брать чужие монеты, когда у меня своих хватает!

От этих речей вдова заголосила пуще прежнего. Собравшиеся на ее крик соседи посоветовали ей обратиться к царю Соломону — пусть рассудит.

И вот явились обе женщины во дворец на суд. Царь в те дни был уже стар и не очень хорошо слышал, поэтому он пропустил мимо ушей всю историю с сановником, которому приглянулась вдова, а также рассказ о том, как она жила в Хевроне у отца с матерью.

— Ты утверждаешь, — сказал царь вдове, — что оставила соседке кувшин, в котором помимо меда были золотые и серебряные монеты.

— Именно так, — ответила вдова.

— А ты утверждаешь, что в кувшине не было ничего, кроме меда, — сказал он соседке.

— Так, царь, так. Ничего не было.

— Есть ли у тебя свидетели? — спросил Соломон вдову. — Может ли кто-нибудь подтвердить, что ты положила в кувшин монеты?

— Что ты, царь! — воскликнула вдова. — Я ведь и ей ничего не сказала про монеты. Никто про них не знал, кроме меня да Господа Бога.

— Тогда положимся на Бога, — сказал Соломон. — Где кувшин с медом? Разбейте его!

Разбили слуги кувшин, и все собравшиеся увидели, что к одному из осколков приклеилась небольшая серебряная монетка.

— Мне кажется, это достаточное доказательство твоей правоты, — сказал Соломон вдове. — И мне сдается, — сказал он соседке, — что ты солгала перед лицом царя. Знаешь, какое наказание за это полагается?

Упала соседка к ногам царя и стала молить о прощении.

— Так оно всегда бывает в случае с медом, — сказал Соломон, — что-нибудь обязательно да приклеится. Ну что ж, если эта женщина тебя простит, — и он указал на вдову, — то прощу и я.

И вдова на радостях, что правота ее открылась и что она получит обратно свои монеты, простила соседку. Говорят даже, что обе женщины еще долгие годы продолжали жить по соседству и заглядывали иной раз друг к дружке одолжить соли, или перца, или масла.

Но про мед ни та ни другая в жизни не заикались, будто его и вовсе никогда не существовало на свете.

НАХУМ -ВСЕ К ЛУЧШЕМУ

Много лет тому назад жил в земле Нильской один человек по имени Нахум, только все звали его "Нахум-иш гам зо": Нахум-все к лучшему. А почему его так звали? Да потому, что в любой ситуации, что бы с ним ни случилось, даже очень плохое, он не сердился, а говорил:

— Ничего... Все к лучшему. Все, что делает Всевышний, — все к добру.

Однажды евреи решили послать дорогой подарок римскому цезарю, чтобы он не шел на них войной и не совершал набегов на их страну. Они взяли большой ящик, положили туда серебро, золото и драгоценные камни и договорились послать это цезарю. Позвали Нахума-все к лучшему и спросили его:

— Согласен ли ты отправиться в город Рим и доставить этот ящик кесарю?

Нахум-все к лучшему, как обычно, с удоволь-

ствием согласился.

— Но чтобы ты знал, что дорога длинная, тяжелая,— сказали ему,— разбойники могут напасть на тебя и отобрать ящик. Они могут даже убить тебя.

Нахум и на это ответил:

— Все к лучшему. Все, что делает Всевышний, все к лучшему.

Взял он ящик и отправился в путь. Пришел в порт Яфу, сел на корабль и поплыл. Много дней плыл корабль по морю, гонимый волнами и ветром. Но Нахум не жаловался и не сетовал, а только говорил:

— И это к лучшему.

Когда корабль, наконец, пристал к суше, Нахум сошел с него и пошел дальше, неся на спине ящик, а в ящике серебро, золото и драгоценные камни. Шел он, шел целый день и поздно вечером пришел в лес. А в лесу была тьма непроглядная, лил дождь, и лес был полон разбойников и диких зверей.

Нахум-все к лучшему сказал про себя:

— Не пойду через лес ночью. Где-то тут у дороги я видел харчевню. Зайду туда, дождусь утра, а утром двинусь дальше.

Сказал и сделал. Зашел в харчевню, усеялся около печки, положил обе руки на ящик да и уснул.

Увидели хозяева харчевни еврея, что спит, крепко держась за свой ящик, и сказали друг другу:

— У него, наверное, в ящике много добра.

Они подкрались к нему потихоньку, убрали руки его с ящика, а он ничего не услышал. Трактирщики открыли ящик и страшно обрадовались, увидев там серебро, золото и драгоценные камни. Все это они забрали себе, а ящик наполнили землей и поставили обратно. Нахум же все спал и ничего этого не услышал. Он видел хорошие сны и даже не подозревал, что случилось.

Настало утро, проснулся Нахум-все к лучшему и вновь отправился в путь. Миновал опасный лес, взбирался на горы, пересекал реки, но не останавливался.

— Все к добру,— говорил он и шагал дальше. Шел он, шел, пока не добрался до города Рима, и вошел во

дворец самого кесаря. Подал Нахум-все к лучшему ящик кесарю и говорит:

— Вот тебе подарок от евреев Земли Израильской!

Открыли слуги ящик, а он полон песка и пыли. Царь пришел в гнев великий и воскликнул:

— Не иначе, как евреи захотели надо мной посмеяться. Убить немедленно того, кто принес такой подарок, а евреев Земли Израильской жестоко наказать!

— Все к лучшему, — сказал, услышав это, Нахум,— все, что делает Всевышний — все к добру.

Удивились все, кто услышал его слова, что он не испугался и не запросил пощады. А Всевышний увидел, что и тут Нахум не сомневается в его доброте, и послал ему на помощь Илью-пророка в облике царского советника. Пробрался Илья-пророк во дворец и сказал:

— Господин мой! Не надо злиться и обижаться! Кто знает? Может быть, это земля святая, наподобие той, что была у Авраама-евреина. Рассеянная в воздухе, она обращалась в мечи, а попадая на стрелы противника, превращала их в стебли тростника.

— Не может этого быть! — сказал кесарь.

— Давай попробуем и посмотрим,— сказал Илья-пророк.

Он взял немного песка, бросил его в воздух, и тут случилось чудо: песок тотчас обратился в мечи. Тогда он высыпал немного пыли на стрелы, и стрелы превратились в стебли тростника.

— Отличный подарок прислали мне евреи! — воскликнул кесарь.— Теперь я смогу победить всех врагов, и никто не сможет мне противостоять.

Очень обрадовался кесарь подарку, что принес ему Нахум-все к лучшему, и велел отвести Нахума в царские кладовые. А там ему насыпали полный ящик серебра и золота, и драгоценных камней, и дорогого жемчуга, и всяких богатств — семь раз столько, сколько принес Нахум-все к лучшему в своем ящике.

Отправил римский кесарь Нахума-все к лучшему домой с большими почестями на дорогом коне. На

обратном пути он вновь проезжал трактир около леса. Увидели хозяева трактира, что он верхом на дорогом коне, одет в новые одежды и на ногах новая обувь и сопровождают его воины кесаря, и спросили:

— Что ты такого привез кесарю, что он вознаградил тебя такими почестями?

— Все, что я взял здесь, я привез туда, — ответил он.

Когда Нахум выехал из ворот и отправился своей дорогой, трактирщики наполнили песком и пылью десять больших ящиков, приговаривая:

— Если кесарь так обрадовался одному ящику с нашей пылью, он, наверняка, больше обрадуется и вознаградит нас в семьдесят раз больше, если мы пришьем ему так много пыли.

Пришли они к кесарю и сказали:

— То, что привез тебе тот человек, это была земля с нашего огорода. И сейчас мы привезли тебе еще этой земли.

Открыли слуги кесаря ящики — и в самом деле: в каждом из них пыль и песок, точно такие же, как привозил Нахум-все к лучшему. Кесарь очень обрадовался:

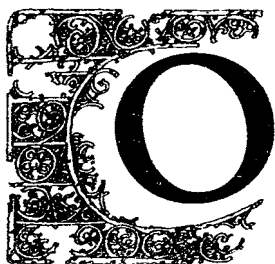
— Прекрасно! Теперь я одолею всех врагов. Никто не посмеет к нам сунуться! Потому что у меня будет много мечей, а их стрелы не поразят моих воинов.

Приказал кесарь своим слугам тут же бросить песок в воздух, потому что ему срочно нужны были мечи. Но нет, не обратился песок ни во что хорошее, потому что если песок простой — он только пачкает пол дворца. А пыль, если она простая, не может обратить стрелы в тростник.

Кесарь страшно рассердился на трактирщиков и приказал их наказать. А Нахум-все к лучшему продолжал свой путь, пока не добрался с миром в Землю Израильскую. Он рассказал тамошним мудрецам все, что с ним приключилось, и закончил:

— И все вы видите, что все в этом мире к лучшему. Все, что делает Всевышний — все к добру!

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ!

днажды раби Акива* отправился в путь, взяв с собой осла, петуха и фонарь. К вечеру дошел он до деревни и попросил ночлега, но тамошние жители прогнали его, да еще надавали тумачков.

Такое грубое отношение не пошатнуло в нем веры и, сказав: "Все, что Бог ни делает, — к лучшему", он устало поплелся ночевать в лес. Устроился удобнее, съел кусочек хлеба, вдруг слышит — петух истошно кричит. Вскочил раби Акива, но успел увидеть лишь хвост лисицы, убегавшей прочь с петухом в зубах.

Потеря петуха не поколебала веры в раби Акиве и, снова сказав: "Все, что Бог ни делает, — к лучшему", — сел он учить Тору при свете фонаря.

Вдруг поднялся ветер и задул огонь. Опять сказал раби: "Все, что Бог ни делает, — к лучшему", — и тут же заметил, что в темноте сбежал осел. Огорчился раби Акива потере осла, пожалел, что утром придется долгий путь пешком проделать, поохал, повздыхал, а все же повторил: "Все, что Бог ни делает, — к лучшему".

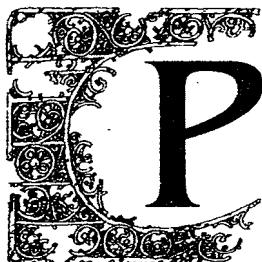
На следующее утро, пройдя всю дорогу пешком и уладив свое дело, раби Акива возвращался домой. Дойдя до деревни, в которой с ним так скверно обошлись, он, к своему удивлению, увидел, что в ней ни единой живой души. Той же ночью, когда просил ночлег и получил отказ, пришли туда разбойники и безжалостно всех поубивали.

И подумал тогда раби Акива: "Неисповедимы пути Господа. Разреши мне жители деревни остаться, разбойники наверняка убили бы меня вместе со

*Раби Акива — великий мудрец, о праведной жизни которого сохранилось множество преданий (I-II вв.). Принял мученическую смерть во славу Имени Божьего: римляне живьем содрали с него кожу.

всеми. А, судя по следам, пришли они из лесу, значит, были они в нем одновременно со мной. Стоило им услышать крик петуха или осла или заметить свет фонаря — и меня бы уже не было в живых. Воистину человек должен всегда полагаться на Бога!"

ПРИНЦЕССА И РАБИ ЙЕГОШУА

Раби Йегошуа бен Хананья* был на редкость образованным, но, к сожалению, столь же некрасивым человеком. Дети иногда даже пугались его. Однако ученость, ум и мудрость снискали ему уважение самого императора Траяна **. В какой-то раз, когда он был приглашен ко двору, одна из принцесс стала насмехаться над его безобразной внешностью.

— Такая блестящая мудрость и в таком убогом сосуде, — сказала она.

Раби не смутился и ответил:

— Скажи мне, принцесса, в каких сосудах хранит твой отец дорогие вина?

— В глиняных, разумеется, — сказала принцесса. — Все держат вина в глиняных кувшинах!

— Неужто? — усомнился раби. — Только простой люд держит их в таких убогих сосудах, а царским винам подобает храниться в более дорогой посуде.

Приняла принцесса его слова за чистую монету и приказала перелить дорогие царские вина в золотые и серебряные кувшины. К большому своему удивлению,

*Раби Йегошуа бен Хананья — один из величайших еврейских мудрецов (I-II вв.), часто бывал в Риме как посланник еврейской общины Земли Израиля.

** Траян — римский император из династии Антонинов, современник р. Йегошуа.

она вскоре узнала то, что всем давно известно: если хранить вино в металлической посуде, будь она хоть из золота, оно быстро скисает, и его в рот нельзя взять.

Когда в следующий раз принцесса увидела раби Йегошуа, она стала подтрунивать над ним:

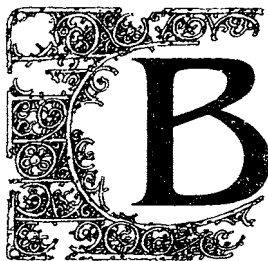
— Ну и совет ты мне дал! Знаешь, что случилось с хорошим вином? Оно скисло!

— Ну, теперь ты сама убедилась, что лучше всего вино сохраняется в простом, неказистом сосуде, — сказал раби Йегошуа. — Так же и с мудростью, и с познаниями.

— Не позволяй, — возразила принцесса, — я знаю многих людей, которые не становятся глупее оттого, что они пригожи.

— Так-то оно так, — ответил ученый, — но, возможно, они были бы еще умнее, не будь они столь красивы.

БААЛ-ШЕМ-ТОВ РОДИЛСЯ

В давние времена жил один еврей в Польской земле, звали его раби Элиезер. Было у этого человека доброе сердце, был он праведник и мудрец и хорошо знал Тору. Раби Элиезер держал на базаре маленькую лавочку.

В ней он продавал хлеб, соленую рыбу и лук. Очень мало покупателей заходило в его лавчонку, потому что не стоял раби Элиезер наподобие других торговцев у входа в свой магазин и не заманивал прохожих и проезжих сделать у него покупку. Он сидел в своей лавке и смотрел через маленькое окно на улицу, на солнце, на небо, на зеленые деревья и на цветущие травы.

Доходы раби Элиезера были очень скромны, но их хватало раби Элиезеру и его жене на хлеб, соленую рыбу и чай. Но им больше и не надо было. И был этот человек и жена его веселы, счастливы и довольны своей долей. Одного только не хватало им

для полного счастья — сына. Молился раби Элиезер и просил Всевышнего:

"Рабейну шел олам! Услышь мою молитву! Дай мне сына, и чтобы был он добрый и мудрый и учил людей, что хорошо и что плохо!"

Дошла молитва раби Элиезера до небес. Услышал его молитву архангел Гавриил и тотчас простер руку свою в Ихал-Нагу, что тут же на небесах. Там, под куполом, залитым чудесным светом, парили всевозможные души еще не рожденных младенцев. Взял архангел Гавриил одну душу, которая сияла и светилась, как свет семи дней, хотел придать ей облик младенца и послать его раби Элиезеру, чтобы был у него сын, которого он так просил. Увидели это ангелы-служители и радовались радостью большой. Говорили ангелы: "Светлую душу ты выбрал. Будет сын раби Элиезера большим мудрецом".

Но тут нахмурился лик небес и закрылся он тучами. И появился меж туч Сатана. Из глубин преисподней поднялся он в высоты и начал кричать. Все ангелы страшно возмутились:

— Почему ты мешаешь нам услышать молитву раби Элиезера? Этот человек большой праведник, и есть у него множество добродетелей!

— Он праведник?! — закричал Сатана со злостью.— В чем такая уж большая его праведность?

— Он справедливый,— сказали ангелы,— в нем нет злости, он никого не обманывает.

— Не потому он не обманывает, что праведник,— сказал Сатана,— а потому просто, что врать не умеет. Научится — и будет врать, как все!

— Он не такой, как другие купцы,— сказали ангелы,— он не гоняется за выгодой, а доволен тем, что у него есть, да еще и с другими делится.

— Не потому, что он такой уж праведник, он не гоняется за собственной выгодой,— возразил Сатана,— этот человек просто не знает, что такое золото, и серебро, и богатство, потому что отроду у него денег не было. А вот испытает вкус богатства и изменит свое мнение.

— Раби Элиезер соблюдает все законы и обычаи

своего народа, — сказали ангелы, — он одинаково точно соблюдает заповеди как простые, так и сложные.

— Ему легко это делать — он живет среди своих, — сказал Сатана, — давайте посмотрим, как он будет соблюдать заповеди, когда будет жить среди чужих.

Выслушали ангелы речи Сатаны, прикрыли лица свои крыльями и не знали, что ему возразить. Вернул архангел Гавриил душу светлую под купол, и не родился у раби Элиезера и его жены сын еще долгие годы. Были эти годы печальными и тяжелыми, видели много зла, разбоя и зависти между людьми. А у раби Элиезера и его жены все не было сына, который бы рос и учил своих друзей мудрости и вере.

Уехали раби Элиезер и его жена с того места, где они жили, и укрылись в лесу. Построил раби Элиезер маленькую хижину между деревьев, пил воду из ручья, питался плодами леса и молился целыми днями. Но сын у него все равно не родился, потому что Сатана упрявился и не разрешал.

И вот однажды напали на хижину раби Элиезера разбойники. Искали они в хижине серебро и золото, но ничего не нашли, потому что не было там никакого богатства. И тогда решили разбойники убить раби Элиезера и его жену. Но тут посмотрел раби Элиезер на главаря разбойников взглядом добрым и светлым. Почувствовал вдруг этот человек, что в сердце его зло превращается в добро.

— Не убивайте этого человека и его жену! — приказал главарь разбойников своим подручным.

Очень удивились разбойники, потому что жалость была совсем не в их правилах. Испугался главарь разбойников, что его самого убьют за то, что он пожалел раби, и сказал своим друзьям:

— Богатства мы здесь не нашли и не найдем, даже если убьем этого человека. Лучше, если мы продадим его в рабство и получим за него кучу денег.

Выслушали его разбойники и согласились: "Верно говоришь". Отвели они Элиезера на невольничий рынок, стояли там и кричали во весь голос:

— Продается великий мудрец! Кто хочет купить мудреца?!

Проезжал мимо этого рынка советник короля, услышал этот крик, подошел, посмотрел в лицо раби Элиезера и увидел, что глаза его сияют как звезды, а лицо озарено светом мудрости. Купил советник короля раби Элиезера и привел его к себе домой.

И вот в тот миг, как зашел раби Элиезер в дом советника короля, весь дом заполнился чудесным светом. Вышла мать советника в сад — деревья бросали к ее ногам плоды и цветы, а птицы пели чудными голосами, каких доселе никто никогда не слышал. Так советник короля узнал, что не простой человек этот раб, которого он купил, и предложил раби Элиезеру быть начальником над всеми рабами и слугами во дворце. И дал он раби Элиезеру красивую комнату, еду и питье с королевского стола. Только раби Элиезер не ел и не пил с королевского стола. При каждой возможности он изучал Тору, и еда его была скудной — только зерно и вода, которую он пил из ручья. Очень старался раби Элиезер соблюдать все заветы Всевышнего, все законы своего народа.

Однажды пришел советник короля домой печальный.

— Что случилось, мой господин? — спросил раби Элиезер.

— Горе большое постигло меня, — ответил советник. — Король велик, а я при нем лишь советник. Но до сих пор во всех битвах, где я давал ему советы, он побеждал. Осталась одна только крепость, со всех сторон окруженная водой. Все корабли, что пытаются приблизиться к этой крепости, опрокидываются и не могут достичь берега. И вот сегодня король приказал мне найти способ захватить крепость. Если я не найду хорошего решения до завтрашнего утра, король прогонит меня из дворца.

Выслушал это раби Элиезер, подумал немного и сказал:

— Не печалься. Скажи королю, что враг окружил крепость крепкими проволочными канатами, спрятанными под водой. Если эти канаты разорвать, то корабли без труда приблизятся к крепости и захватят ее.

Выслушал это советник короля, пошел во дворец

и поведал королю секрет, отчего переворачиваются корабли.

— Если порвать канаты, то можно будет захватить крепость,— сказал советник.

— А кто тебе подсказал, что все это именно так? — восхищенно спросил король.

Рассказал ему советник про раба, которого он купил и умнее которого нет на свете. Позвал король раби Элиезера во дворец, чтобы посмотреть на него. И в тот миг, когда раби зашел во дворец, все озарилось вокруг чудесным светом. Тогда и король понял, что впрямь человек этот большой мудрец и знает, что он говорит.

Тотчас приказал король снарядить все корабли. Раби Элиезер поднялся на головной корабль, и флотилия направилась в сторону крепости. Тут же все птицы вылетели из чащи ветвей, сели на корабль раби Элиезера и всю дорогу пели песни торжества и победы. Корабли плыли, плыли, приблизились к крепости. Внезапно птицы смолкли.

— Стойте! — скомандовал раби Элиезер. — Дальше двигаться нельзя, а то перевернемся.

Моряки остановили корабли, принесли большие и крепкие ножницы, опустили их в воду и точно, как говорил раби Элиезер, толстые канаты, скрученные из колючей проволоки ряд за рядом окружали крепость под водой. И когда канаты были разрезаны, птицы снова начали петь.

— Теперь можно подходить без страха,— сказал раби Элиезер.

Корабли подплыли к крепости, и ни один из них не опрокинулся и не пострадал. Воины поднялись в крепость и захватили ее без труда.

И вот король снял кольцо со своей руки, дал его раби Элиезеру и сказал ему:

— Ты будешь мне как сын. Во дворце моем ты будешь жить. Что мне — то тебе. И дочь свою я дам тебе в жены.

Но не захотел раби Элиезер королевскую дочь в жены, потому что помнил жену свою и очень скучал об ней. Поклонился раби Элиезер королю и сказал ему:

— Господин мой! Кто я, чтобы быть мужем дочери короля?

— Ты мудрец и пророк, — ответил король, — и ты достоин быть зятем короля.

— Одно лишь чудо произошло со мной по воле Божьей, — сказал раби Элиезер, — если случится со мной еще чудо, и я захвачу вторую крепость, тогда я, может быть, буду достоин жить при дворце.

Слушали это люди вокруг и удивлялись удивлением великим. Не было еще такого, чтобы король предлагал кому-то в жены свою дочь, а тот бы отказывался. Но король слушал и понимал, что действительно необыкновенный перед ним человек и надо сделать все так, как просит раби Элиезер.

Поднялся раби Элиезер на корабль и вышел один в море. А над ним летели стаи птиц и пели ему песни и гимны. Семь дней и семь ночей плыл корабль, пока не подошел к пустынному берегу. Сошел раби Элиезер с корабля, и птицы летели над ним и пели ему. Семь дней и семь ночей шел раби Элиезер, а птицы летели над ним и указывали ему дорогу. И вот пришел раби Элиезер в небольшую деревеньку.

Птицы подлетели к маленькому и бедному домику, что стоял на краю деревни, и стали кружиться над ним с радостным пением и чириканьем. Приблизился раби Элиезер к домику, открыл дверь, а в домике сидит его жена и читает священную книгу.

Очень обрадовался раби Элиезер своей жене, которую не видел много дней. И жена обрадовалась своему мужу, потому что не знала даже, жив он или давно мертв. И не вернулся раби Элиезер во дворец короля. Хорошо ему было в маленьком домике с любимой женой, которая была ему лучше любого короля. Он пил воду из ручья, ел плоды деревьев, смотрел на травы и цветы вокруг, наслаждался солнцем и небом. Одного только не хватало ему для полного счастья — сына.

Очень-очень хотел раби Элиезер сына и не переставал молить об этом Всевышнего. Вознеслась молитва его до неба. Услышал ее архангел Гавриил, простер руку свою в Ихал-Нагу, где под куполом,

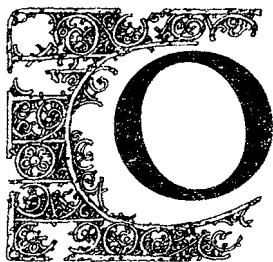
залитым чудесным светом, витала одна светлая душа. Хотел он облечь ее в облик младенца и послать его Элиезеру, чтобы был у него сын. Но тут нахмурились небеса, покрылись тучами чернее черного, и к высям небесным поднялся из преисподней Сатана и закричал:

— Нет! Не позволю!

— Теперь тебе нечего сказать против раби Элиезера, — возразили ангелы, — он мог стать богатым, но не захотел богатства. Он свято соблюдал заповеди все время, пока жил среди чужих. Его молитва достойна быть услышанной.

И не нашел Сатана, что возразить. Взял архангел Гавриил душу большую и светлую, облечь ее в младенца и спустил его на землю. Пришел день, и родился у раби Элиезера и его жены сын. Имя ему нарекли Израиль. Мальчик вырос и стал великим мудрецом и знатоком Торы. За это люди прозвали его Израиль Баал-Шем-Тов: Израиль — Носитель Доброй Славы.

ПАН-КОЛДУН

Однажды остановился Бешт вместе со своими учениками в какой-то корчме. Только вошли они в корчму, видят: горит множество свечей, а корчмарь от тревоги места себе не находит. Спросил Бешт корчмаря,

чем он удручен, и корчмарь рассказал вот что:

— Четыре раза рожала мне жена сына, и каждый раз, накануне обрезания, в полночь ребенок умирал. Теперь жена родила пятого мальчика, завтра должно быть обрезание, и я боюсь, что сегодня в полночь ребенок умрет.

Бешт успокоил его, сказал:

— Ничего не бойся, — а сам поставил двух учеников возле колыбели, дал им мешок и велел дер-

жать его открытым над колыбелью; и как только что-нибудь попадет в мешок, тотчас же тот мешок крепко-накрепко завязать, а его, Бешта, будить. Прочим же ученикам он велел молиться всю ночь.

Когда наступила полночь, стали гаснуть свечи. Но ученики молятся еще горячей, не дают свечам погаснуть. Вдруг, откуда ни возьмись, прыгнул в колыбель черный кот и попал в мешок. Ученики завязали мешок крепко-накрепко и разбудили Бешта. Он велел бить по мешку палками и потом, не развязывая, выбросить его на улицу. Так и сделали. Ребенок остался жив, и на следующий день устроил корчмарь обрезание и пир.

После обрезания понес по обычаю корчмарь своему пану во дворец коврижку. Сказали слуги корчмарю, что пан болен. Но пан, узнав, что пришел корчмарь, велел позвать его и спросил:

— Кто у тебя в доме из чужих людей?

Ответил корчмарь, что к нему заехал праведный человек, Баал-Шем-Тов, и рассказал, как тот спас его ребенка от смерти. Говорит пан:

— Скажи своему гостю, что я прошу его придти ко мне, я хочу с ним поговорить.

Передал корчмарь те слова Бешту и прибавил, что боится, как бы пан не причинил цадику какого-нибудь зла. Но Бешт только улыбнулся этим словам и пошел к пану без боязни.

Увидел пан Бешта, закричал:

— Не твой верх! Прошлой ночью захватил ты меня врасплох, не успел я приготовиться. Это не штука! А вот, если хочешь со мной померяться силой, выходи биться в поле.

Пан этот, оказывается, был колдуном, и каждый раз, когда у корчмаря рождался сын, обращался в kota и душил новорожденных.

Отвечает ему Бешт:

— Я и не думал с тобой биться, а хотел только спасти ребенка. Но если желаешь, не откажусь сразиться с тобой. Я соберу своих учеников, а ты — своих, и ровно через месяц мы сойдемся в чистом поле и

увидим, кто сильнее.

Ровно через месяц сошлись они в поле: пан-колдун со своими учениками встал с одной стороны, а с другой стороны — Бешт со своими.

Очертил Бешт вокруг себя два круга, а вокруг учеников — еще один круг и велел им не сводить с него глаз. Как увидят, что он изменился в лице, пусть проникнутся покаянными мыслями и сосредоточатся на ненависти к колдовству и нечистой силе.

Колдун тоже очертил вокруг себя и своих помощников круги и начал насылать на Бешта диких зверей. С ревом бросались они на Бешта и его учеников, но, добежав до первого круга, исчезали. Так продолжалось целый день. Каждый миг появлялись все новые звери, но ни один не мог переступить и первого круга. Тогда колдун выслал против Бешта черных кабанов, у которых било из ноздрей пламя. Со страшной яростью устремились они на Бешта и перескочили первый круг. Изменился Бешт в лице, стали ученики молиться еще горячеей, и кабаны, добежав до второго круга, исчезли. Три раза насылал колдун кабанов, но они так и не смогли переступить второго круга. Тогда сказал Бешту пан-колдун:

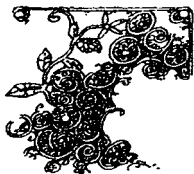
— Нет у меня больше силы бороться с тобой. Знаю я, что убьешь ты меня сейчас своим взглядом, и прощаюсь с жизнью.

Отвечает ему Бешт:

— Если бы я хотел тебя убить, то давно бы это сделал. Но я хочу, чтобы ты жил, понял страх Божий и перестал колдовать. А теперь — подними очи к небу.

Поднял колдун очи к небу. Неведомо откуда слетели к нему два коршуна и выклевали колдовские глаза.

С тех пор ослеп колдун, потерял свою колдовскую силу и больше не колдовал.

НАВЕС НАД МОГИЛОЙ БЕШТА

ил-был некий столяр — простой ремесленник, честный труженик и пламенный хасид, и не мог он спокойно смотреть на то, как дождь заливает, подмывает и разрушает святую могилу. И вот он решил про себя, что поставит, по крайней мере, навес, который хоть немного прикроет могилу от непогоды. Хотя он отлично знал, что жизнь тех, кто пытался совершить это до него, вскоре обрывалась, но не испугался и решил из страха Божия пожертвовать собой и поставить "штибл", который бы защитил могилу святого ребе.

А для того, чтобы с ним не случилось с самого начала того, что случалось со всеми его предшественниками, он придумал вот что: решил сперва изготовить весь "цион" у себя дома, а потом, уже готовый, отнести на кладбище и поставить над могилой Бешта.

Но прежде, чем столяр принялся за работу, он целый месяц приготавливал и очищал себя: каждый понедельник и четверг постился, утро начинал с благочестивых размышлений, каждый день прочитывал вслух все Псалмы и сосредоточенно молился.

Проведя так четыре недели, взял столяр свой инструмент, помыл его, почистил и, помолившись, отправился на заре в лес. Там он срубил своими руками четыре одинаковых деревца, отсек ветки и, обтесав со всех сторон, сделал четыре одинаковых четырехгранных столбика. Эти столбики он отнес к себе домой. Дома он сбил навес из досок и изготовил остальные детали для "штибла" — так, чтобы на следующий день с утра поставить его.

Ночью во сне столяру явился Бешт, сказал, чтобы тот оставил свою затею, предупредил: твоя жизнь будет в большой опасности... Однако столяр не испугался. Он был готов рискнуть жизнью, готов по-

жертвовать ею, дабы почтить своего святого ребе, почтить Бешта. Поднявшись чуть свет, прибил столляр навес к четырем столбикам, покрасил его и поставил сушить на солнце. Потом, помолившись от души, отправился на базар, нанял там трех мужиков и, взявшись за столбики, они вчетвером отнесли готовый "штибл" к могиле Баал-Шем-Това, а там быстро с силой воткнули заостренные концы столбиков в мягкую землю у могилы.

Когда столляр, утерев пот со лба, поднял голову и увидел свежерыкрашенный навес, защищающий могилу от непогоды, он почувствовал огромную радость и по всему его телу разлилось тепло. Душевно обновленный, сияющий, он, не спеша и оглядываясь на каждом шагу, пошел домой, и все медлил уйти, и не сводил глаз с могилы Бешта, пока не вышел за ограду кладбища.

По преданию, едва столляр переступил порог своего дома, как почувствовал какую-то слабость во всем теле. Он тотчас понял, что это значит. Столяр вымыл руки, надел саван и лег в постель. Потом позвал жену и детей, умиротворенно объявил, что конец его близок, и велел не оплакивать его. Затем он исповедался с большим жаром, повернулся лицом к стене, и его душа отлетела к Всевышнему.

МЕЖБУЖСКИЙ ПУРИМ

или-были бедный портной Мордахай и его жена Эстер, которая помогала ему в его ремесле. Случилось так, что к Межбужу подступили гайдамаки, и все евреи заперлись в большой синагоге, кото-

рая была построена как крепость. Тогда Мордахай и

Эстер тайком выбрались из синагоги, решив вместе рискнуть жизнью. Им пришло в голову хитростью спасти родной город. И вот, что они сделали.

Мордехай и Эстер взяли каждый по большому барабану и встали с ними у городских ворот, а когда увидели, что разбойничий отряд приблизился и вот-вот войдет в город, вместе ударили что есть силы в барабаны и одновременно загремели, зашумели, закричали во все горло, будто за воротами стоит целый полк солдат. И им повезло: заслышав шум, гайдамаки решили, что против них готов выступить большой вооруженный отряд, и ударились в бегство.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЕВРЕЙ ПОСЛАЛ БОГУ ПИСЬМО НА НЕБО, И КАК ТОТ ЕМУ ПОМОГ

или-были два брата: один — богатый, а другой бедней бедного, такой бедняк, что и дня прожить не на что. Богатый брат торговал лесом. Вот и подумал бедный брат:

— Пойду-ка я, попрошу своего богатого брата, чтобы он взял меня в лесные сторожа. Зачем ему держать на этом месте чужого, какого-нибудь *гоя*? Пусть лучше будет родной брат.

И как только уговорил богатого брата взять его на службу, так сразу перебрался с женой и детьми в сторожку посреди леса и начал стеречь тот лес от воров.

Случилось так, что богатый брат уехал по торговым делам. Стережет бедный брат лес, а сам об одном думает, чуть с ума не сходит: Пейсах скоро, расходы, слава Богу, не маленькие. Шутка ли, Пей-

сах! А он тут от голода помирает. Старший брат — злодей, ничего кроме плесневелого хлеба ему не оставил.

Рассуждает бедняк сам с собой:

— Напишу-ка я письмецо Всевышнему, Ребойношел-ойлем. Напишу Ему: так, мол, и так, трижды на дню помираю с голоду. Пейсах наступает, надо мне и мацы, и вина, и рыбы, и мяса, надо мне обнову и для детей, и для жены, и для себя. Вот пусть Он мне все это и пошлет.

Взял листок бумаги и написал обо всем, что ему было нужно на Пейсах.

И как раз в это самое время охотился в том лесу царь со своим сыном. Шел царский сын мимо того дерева, у которого стоял бедный брат. Слышит царский сын, как бедняк перечисляет, что ему нужно получить от Бога к Пейсаху, видит, положил он письмецо на ветку дерева, налетел ветер и унес письмецо. Садится царский сын на коня, скачет назад в город, покупает все, что нужно, кладет на телегу и везет тайком к дому бедного брата, так что никто не узнал о том, что он сделал. А когда вернулся бедный брат из лесу, то нашел все, что нужно для Пейсаха, у себя дома и несказанно обрадовался.

Давайте теперь расскажем о том, что было дальше с богатым братом.

Съездил богатый брат по торговым делам и вернулся домой, а вернувшись, послал своего работника узнать, что там с его бедным братом. Говорил, что с голоду помирает, может, помер наконец? Отправился работник. А дело было как раз в ночь первого сейдера. Смотрит работник и видит: справляет бедный брат сейдер как самый большой богач. Побежал он скорей обратно и рассказал обо всем богатому брату. Услыхал об этом богатый брат, дал оплеуху работнику и говорит:

— Врешь ты все!

И послал свою жену, чтобы она посмотрела, что там творится у бедного брата. Пошла жена, заглянула к бедному брату в окошко, вернулась и рассказала мужу то же самое, что и его работник. Набросил-

ся богатый брат на жену и кричит:

— Как ты смеешь меня дурачить?

Говорит ему жена:

— Коли ты мне не веришь, так пойди, посмотри, сам увидишь.

Пошел богатый брат сам. Как увидел он, что его бедный брат справляет такой пышный сейдер, закипело у него на сердце, ворвался он в дом к брату и спрашивает:

— Где ты все это взял?

Отвечает ему бедный брат:

— Написал я письмецо Богу на небо, вот Он мне все это и послал.

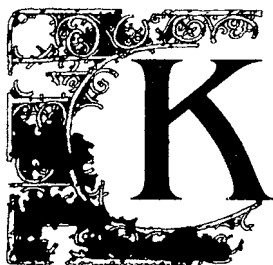
Говорит ему богатый брат:

— Я тебе покажу посылки от Бога! Ты меня разорить решил, моими дровами торгуешь!

И подал брат на брата в казенный суд. Когда начался суд, заговорили об этом деле в народе, а кто-то возьми и напиши в газету о том, что брат судится с братом. А царский сын читал эту газету. Как прочитал он о том, что богатый брат заявил в суде, дескать, обокрал его бедный брат и устроил себе царский сейдер (а царский сын-то знал, что тот ничего не крал, ведь это он сам и послал ему все), сразу отправился в суд и рассказал там всю эту историю. Присудил тогда суд отдать все добро богатого брата бедному брату. Так стал бедный брат богатым, а богатый брат — бедным.

ЗЛОЙ ВОЛШЕБНИК ВАЛКИЛАК

Когда Израиль Баал-Шем-Тов был совсем еще юным отроком, умерли его отец и мать и он остался сиротой. Добрые люди позаботились, чтобы он мог учиться. Мальчик начал ходить в хедер, и посмотрите на это чудо: прошло совсем немного дней, он научился читать и писать и преуспел во всех науках.

Но не одной наукой жив человек. Ему еще надо иметь хлеб, чтобы утолить голод, и одежду, чтобы прикрыть наготу. Но Израиль не хотел пользоваться людской милостью, а хотел на свои нужды зарабатывать сам. Стал он искать такую работу, чтобы можно было ее выполнять ранним утром до начала уроков и ночью, после их окончания. Искал-искал и нашел. Каждое утро Израиль вставал раньше утренней звезды, обходил дома, собирал детей и отводил их на урок. А вечером, когда уроки кончались, он разводил их по домам. Работу свою Израиль выполнял весело и с душой. Он шагал впереди ребят и пел приятным и чистым голосом. Дети подхватывали его песню, и волшебная сладкая мелодия заполняла все вокруг. Начинали пробуждаться от сна птицы и присоединяли свои голоса к голосам Израиля и его детей. Солнце улыбалось земле и тоже подхватывало песню. Деревья улыбались им и пели с ними, цветы раскрывали свои головки и подхватывали песню. Звери пели с ними. И даже камни в полях и стены вплетали свои голоса в песню. Песня поднималась все выше и выше, достигала до неба, и весь мир заполнялся радостью и песней. Радовались ангелы-служители и тоже начинали петь.

Только Сатана и его слуги не радовались и не пели. Они возмущались и злились, потому что Сатана и черти не выносят веселья и песен. Там, где веселье и песни, вражьему этому племени делать нечего. Они силь-

ны только там, где горе и слезы. А тут, пожалуйста, детишки поют каждое утро и каждый вечер, и песня их заполняет весь мир и возносится до самых небес. Большое смятение охватило Сатану и его слуг. Черти носились по преисподней, махали своими черными крыльями и горько жаловались:

— Да что же это творится, господин наш Сатана? Что будет с нами? Разве не можешь ты, Сатана — царь всех чертей, прекратить эту песню?

Выслушал Сатана чертей и буркнул:

— Я подумаю над этим.

— Нет, ты сейчас это сделай, немедленно, — упрасивали черти своего повелителя, — или ты не можешь справиться с этим маленьким еврейским мальчишкой Израилем?

— Думаю, что могу, — сказал Сатана, передернул плечами и вмиг превратился в злого волшебника по имени Валкилак. Ну и вид был у этого волшебника: глазки маленькие и злые, нос огромный и до подбородка свисает, рот открытый и из него торчат большие и острые зубы, за спиной крылья черные, как у летучей мыши, туловище человеческое, а ноги петишные и на них когти, кривые и острые.

Спустился Сатана в образе злого волшебника на улицу, спрятался за углом и стал ждать. Стояла глухая темная ночь. Еще немного, рассеется тьма, и тогда...

Прошло немного времени, и отрок Израиль показался в дверях своего маленького и бедного дома. Лицо у него еще было заспанное. Но вот взгляните на это чудо: едва он вышел на улицу, как начал петь свою песню. И сразу же ночь стала не такой глухой и темной, птицы начали просыпаться, солнце послало свои первые лучи, а Израиль шел от дома к дому и собирал ребят. В это время Сатана в образе злого волшебника Валкилака сидел за углом. И были мелодия и песня, что вылетала из уст детей, ужасными и страшными для ушей Сатаны. А когда песню подхватили птицы, звери, деревья и цветы, Сатана вовсе не выдержал и с громким криком: "Суру лахем! Суру лахем!" бросился за детьми. Увидели дети

страшного злого волшебника и чуть живые от страха бросились врассыпную и разбежались по домам.

— Колдун на улице! — кричали дети в ужасе и отказывались идти учиться. Они боялись даже выглынуть на улицу.

— Там колдун стоит, — говорили они, — у него крылья, как у летучей мыши, ноги, как у петуха, когти кривые и зубы большие и острые.

В этот день ни один ребенок не пришел на урок. Не звучала песня на улицах города. Печаль была вокруг. Умолкла песня на земле, и даже в небесных просторах царила грусть. Только Сатана и его слуги бешено плясали в своей преисподней и дико вопили от радости.

Прошел день, прошло два дня, а дети все не решались выйти за дверь от страха перед злым чудовищем, и весь мир заполнился печалью.

Задумался отрок Израиль: "Что делать?" Думал-думал и вспомнил слова, что сказал ему перед смертью отец:

— Запомни, сын мой, ничего не бойся. С тобою Бог, и он тебе поможет.

"Я не должен бояться. Нельзя допустить, чтобы дети сидели по домам и не ходили учить Тору, — сказал он самому себе, — плохо, если не звучат в этом мире мелодия и песня".

Взял Израиль в руки большую и крепкую палку и пошел по домам детей. В каждом доме он просил, чтобы родители назавтра отпустили детей в школу и обещал, что все обойдется благополучно и ничего плохого с ними в пути не случится. Говорил Израиль и с детьми, убеждал их, что не надо бояться злого волшебника.

— Посмотрите, какая у меня палка в руках! Злой волшебник получит по заслугам, если только посмеет напасть.

Смотрели дети на крепкую палку в руках Израиля и переставали бояться.

Помнили родители чудеса, что совершил Всевышний с раби Элиезером, отцом Израиля, и тоже понимали: нехорошо, что дети не ходят учиться. Помнили они

и мелодии песен, что заполняли мир, когда дети шли в школу, и согласились отпустить их с Израилем.

Всю эту ночь у многих людей в городе была в сердце тревога: как Израилю удастся справиться со злым волшебником? Можно бы ему, конечно, помочь. Но скорее всего злой волшебник покажется только детям. Как бы Валкилак не напугал ребят!

Всю эту ночь не спал и Израиль, а в положенный час он вышел из дома с большой крепкой палкой в руках и пошел по улицам города из дома в дом собирать детей в школу.

Шагал Израиль впереди ребят и пел приятным и чистым голосом. Подхватили песню ребята, и не было страха в их сердцах. Волшебная и сладкая мелодия стала заполнять мир. Птицы проснулись и запели вместе с детьми, солнце послало первые лучи, и они тоже подхватили песню. Цветы раскрыли свои головки, деревья дружески замахали ветвями, птицы и звери — дружно пели с Израилем и ребятами. Радость и песня ширились, разрастались, поднимались к небесам, и весь мир заполнялся радостью.

Услышали это черти, и бешенство охватило их:

— Что такое?! Опять там песни до неба?! — кричали они Сатане.

— Сейчас прекращу это пение! — сказал Сатана, передернул плечами и тут же обратился в злого волшебника Валкилака. Взмахнул Сатана черными крыльями, как у летучей мыши, полетел и опустился на улицу городка. Спрятался за углом и стал ждать, когда появятся Израиль с детьми.

"И тогда я нападу на них и так напугаю, — лелеял он в сердце злую мысль, — что вовек не посмеют вылезти из своих домов и никогда не пойдут учить Тору".

Опустился вечер. На улице стало темно. Израиль, что провел весь день за учебой, повел детей по домам. Он взял в руки свою палку, зашагал по улице, и ребята за ним. Стал Израиль петь, дети поют с ним. Светит луна, мерцают звезды и подпевают песне. Поют с ними птицы, деревья, цветы, весь мир. А Сатана в образе злого волшебника стоит за углом и ждет. И когда дети приблизились, он выскочил из за-

сады, бросился за детьми на своих петушиных ногах, замахал крыльями и громко закричал:

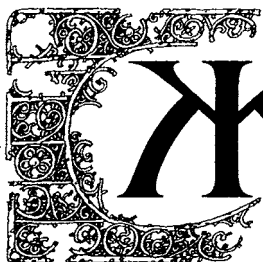
— Суру лахем! Суру лахем!

Дети очень испугались. Но Израиль совершенно не растерялся. Он стукнул своей крепкой палкой злого волшебника по башке. Упал злой волшебник на землю, а дети с песней пошли своей дорогой.

И с тех пор Израиль каждое утро заходил за детьми и возвращал их вечером по домам. И пел Израиль свою песню с детьми, и вместе с ними пели ангелы-служители и весь мир.

А Сатана и его черти долго не решались больше мешать песне, учебе и свету.

ЛОШАДЬ, КОТОРАЯ ПРИВЕЗЛА КЛАД

Жил в маленькой деревеньке, что в земле Полонии, один еврей, бедный и убогий, но праведник и с очень добрым сердцем. Это был простой еврей, извозчик, и была у него

коняга, старая и тощая, и разбитая повозка, на которой он возил людей на базар и с базара. Немного было желающих тащиться в этой утлой повозке с ее древней клячей, и заработок у этого еврея был очень мал.

Но извозчик довольствовался тем, что у него было. Он радовался своей доле и никогда не просил большего, чем мог заработать. Пять дней в неделю он вставал до рассвета и трудился до и после полудня. В четверг он приносил жене деньги, которые удавалось заработать за неделю. Жена шла на базар, покупала свечи на субботу, вино для кидуша, а если хватало денег, то и мясо, рыбу и халы. В пятницу извозчик на работу никогда не ходил. "Лошади нужен отдых, а мне — Тора", — говаривал он. Лошадь стояла в конюшне

и ела солому, а извозчик шел в микву, окунался в нее в честь праздника, потом шел в синагогу и сидел там до наступления субботы. Так проходили у извозчика неделя за неделей.

И вот однажды — произошло это в четверг после полуночи — во двор извозчика залез вор, открыл запор конюшни и выкрал оттуда коня и повозку. А извозчик в доме ничего не услышал. Утром он встал и, как всегда, пошел проведать лошадь и повозку. Приходит он в конюшню — конюшня пуста, коня нет и даже повозка исчезла. Очень расстроился извозчик. Но что делать? Вернулся он домой, сел около печки и принялся читать Тору. Тут проснулись жена и дети и очень удивились: почему это в четверг утром отец сидит дома и не идет на работу. Рассказал им извозчик, что случилось. Жена ужасно испугалась, дети громко заплакали. Все понимали, что без коня и повозки у них не будет денег даже на хлеб и лук, которыми они питались в будни. А что будет в субботу, которая скоро придет? Знал извозчик и его жена, что есть у них лишь два выхода: поститься или просить милостыню у людей, чтобы купить все, что надо на субботу.

Сказал извозчик жене: "Всевышний наказал нас встречать субботу трапезой, вином и свечами. Если Он захочет, чтобы мы и эту субботу встретили как положено, Он даст нам для этого все, что нужно".

— Нет, — возразила жена недовольно. — А может быть, Всевышний хочет, чтобы нам люди помогли?

Но извозчик не согласился идти с протянутой рукой..

— Никогда, — сказал он решительно, — я ни у кого ничего не просил и сейчас не сделаю этого.

— Пусть будет по-твоему, — согласилась жена.

— Я думаю, люди мне доверяют, — сказал извозчик, — поэтому, когда я пойду в пятницу в синагогу, я никому не скажу, что у нас случилось, чтобы кто-нибудь не захотел дать мне взаймы. А я этого не хочу. Я почему-то уверен, что нам не придется просить у людей.

Поверила ему жена. Извозчик успокоился, сел около печки и стал петь свои псалмы, словно ничего не

случилось, словно не украли у него единственного коня и повозку. Наоборот, вид у него был такой, точно он радовался, что ему нечаянно выпал день для псалмов и молитв. Жена и дети подсели к нему. И так они сидели целый день вокруг отца, читали и молились, и печаль отлетала от их сердец.

А в это время вор запряг коня в повозку и отправился в лес. Дело было зимой, начались холода, и вор решил нарубить в лесу дров, отвезти их в город, там продать подороже и выручить за них кучу денег.

Приехал вор в лес, нашел дерево потолще и принялся его рубить. Он вырубил уже довольно много, как вдруг внутри ствола что-то блеснуло. Вор заглянул — а там клад большой, много золотых монет и слитков. Очень обрадовался вор, и давай вытаскивать золото из ствола и класть в мешок. Денег было очень много, и вору все труднее становилось их доставать. Тогда он схватил топор и принялся рубить дальше, чтобы выгрести все до конца, и рубил до тех пор, пока огромное дерево не рухнуло на землю. Вор набил золотом много мешков, погрузил их на повозку, даже старую немощную конягу не пожалел, прикрыл мешки сверху сучьями, чтобы никто не увидел, что он везет, и погнал коня. Пошел конь потихоньку, потому что груз был тяжел, а конь стар и слаб. Тогда вор стал хлестать его кнутом до крови и кричать: "Двигайся! Шевелись! Быстрее!" Но коняга брела медленно, потому что быстрее не могла.

И вот, когда вор уже порядочно отъехал от леса, его вдруг ошеломила мысль: "А вдруг несколько слитков осталось под деревом, и я их не заметил?!" И тогда он решил вернуться и поискать там в сухой траве, может быть, найдется еще слиток-другой. Не надо бы ему жадничать. Да где там! Вор дернул вожжи, повернул повозку и пустился в обратный путь. Когда они приехали на то место, вор спрыгнул с повозки, бросился на четвереньках в сухую траву и стал искать. И тут дерево грозно затрещало, наклонилось, верхушка его опустилась и придавила вора в сухой траве. Вор хотел вылезти, но не тут-то было. Ветки и травы крепко вцепились в него и не выпускали. Вор

не мог двинуться с места. Он кричал дурным голосом, звал на помощь, но здесь, в самой гуще леса, ни одна живая душа не могла его услышать.

Наступил вечер. Стал падать снег и покрывать все кругом. Конь устал и хотел есть. Прошло уже много времени, а человек все не приходил. Тогда конь двинулся с места и зашагал в сторону деревни к дому извозчика. Густой снег покрыл дорогу, и старый конь шагал медленно. То и дело останавливался он отдохнуть и шагал так всю ночь. И вот настало утро — день шестой, пятница.

В доме извозчика не было ни крошки на субботу. Пуста печь, пуста кладовка. Дети голодные. Но извозчик, как обычно, отправился окунуться в микву, а потом — в синагогу. Перед уходом он строго-настрого наказал жене, чтобы она ничего не вздумала просить у людей. Он ушел, а жена стала прибираться в доме. Раз уж не будет в доме субботней трапезы, пусть хоть будет в нем прибрано и чисто. Подошли дети к печке пустой и холодной, и вид у них был очень грустный. Вдруг они услышали какие-то звуки с улицы.

— Мне кажется, я слышу голос нашего коня,— сказал самый младший из детей.

Выскочили они все во двор, а там стоит около ворот их конь, запряженный в повозку, точно из дальней поездки вернулся. Дрожит от холода и выглядит усталым и измученным.

— Кто это так нагрузил старого и слабого коня? — возмутилась их мать, увидев нагруженную повозку. И все они стали скидывать с нее сучья, чтобы растопить ими холодную печь. И тут — что же они видят?! Под сухими сучьями мешки, полные золота. Клад!

Побежал маленький мальчик в синагогу сообщить отцу новость, но извозчик молился и не хотел прерывать свою молитву ни на минуту. И не узнал извозчик, что произошло у него дома. Всю пятницу он пробыл в синагоге и не ушел оттуда днем даже тогда, когда другие люди разошлись по домам. Он не хотел, чтобы кто-нибудь спросил его, почему не топится в их доме печь в канун субботы.

Только вечером после встречи субботы, после того

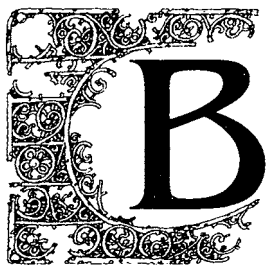
как люди, помолившись, умиротворенные разошлись по домам, вышел извозчик и тоже отправился своей дорогой. Радость была на душе у него и грусть. Радовался он, что выполнил свое намерение и ни у кого ничего не просил. А грустил оттого, что не было у него в тот раз ничего для встречи субботы. Так он шел, приближаясь к дому, и вдруг... Что это? Ярким светом светятся в доме все окна. Где жена взяла денег на свечи, да еще так много? Может быть, набралась решимости и попросила займы у соседей? Зашел извозчик в дом — а там рай земной! Ярко горят свечи, вино на столе, халы, мясо, рыба и еще много всяких вкусных яств. Дом как дворец, и невыразимый аромат стоит в нем: аромат субботы. Откуда это все? Подбежали к нему дети и рассказали всё, как было: как вернулся к ним их конь и как привез сокровища из лесу.

Так извозчик стал очень богатым человеком. Теперь ему не надо было искать заработка, чтобы прокормить семью. День и ночь он сидел и учился, и читал, и стал большим знатоком Торы. В богатстве своем он не забывал про бедных, и всегда давал деньги всем, кто нуждался.

А старый конь, что привез клад из лесу, перебрался в новую удобную конюшню. Его вкусно и сытно кормили и поили. Стоял конь в своей конюшне, ел, пил, отдыхал от трудов праведных и поджидал хозяина, который частенько заходил его поведать и приласкать.

СИЛА СКОРБЯЩЕГО СЕРДЦА

Великий Баал-Шем-Тов* был недоволен тем, как звучит в его синагоге шофар**. Нет, евреи, конечно, молились ревностно, от всей души, и, как только раздавались звуки шофара, сердца их наполнялись благоговением, а мысли возносились к небесам. Но Баал-Шем-Тов беспокоился, полагая, что они не знают всех значений, какие кроются за звуками шофара. Поэтому он велел раби Зеэву, который на Рош-Гашана должен был трубить в шофар, досконально изучить их.

Раби Зеэв перечитывал Пятикнижие, Талмуд*** и другие священные книги, расспрашивал знаменитых раввинов и все, что узнавал, записывал на листочке бумаги, который хранил в нагрудном кармане у самого сердца, — с тем, чтобы заглядывать в листок во время службы в синагоге. Но в торжественный день он переоделся в праздничный наряд и, когда стал шарить по карманам, увидел, что в них пусто. Трубя в шофар, он горько плакал, потому что не мог припомнить всех значений его звуков. Услышав, как рыдает раби Зеэв, молящиеся начали рыдать вместе с ним, хотя и не знали, в чем дело.

После службы Баал-Шем-Тов спросил его:

— Почему ты так плакал, раби Зеэв, когда тру-

* Баал-Шем-Тов — так называли р. Исраэля из Меджи-божа (1700-1760), великого праведника и мудреца, предложившего еврейскому народу новый путь служения Всевышнему, основанный на Кабале — тайном смысле Торы. Свое учение Баал-Шем-Тов назвал хасидизмом.

** Шофар — бараний рог. Тора повелевает трубить в шофар в Рош-Гашана — первые два дня осеннего месяца тишрей, которыми начинается новый еврейский год.

***Талмуд — Устная Тора, которая поясняет Пятикнижие (Письменную Тору) и вместе с ним получена евреями от Всевышнего.

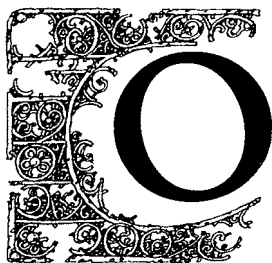
бил в шофар?

— Потому что не мог вспомнить всех значений его звуков. Хоть они, эти значения, и были выписаны у меня на бумажке, но...— и бедный раби Зеэв, снова заплакав, рассказал Баал-Шем-Тову, как потерял свои записи. Память его так слаба, сказал раби Зеэв, что он не в силах запомнить всех значений.

Тогда Баал-Шем-Тов воскликнул:

— Не плакать надо, а радоваться! Видишь ли, во дворце Царя царей много покоев, у каждого — своя дверь, и в каждой двери — свой замок, и к каждому замку — свой ключ. А отмычка — она, как топор: ею можно открыть все замки, на всех дверях, во всех комнатах. Так и с шофаром. Скрытые значения его звуков, которые мы хотим постичь, подобны ключам, а скорбящее сердце — отмычке, что отпирает любой замок. Искреннее раскаяние открывает все двери во дворце Царя царей. Поэтому, когда прихожане плакали вместе с тобой, перед ними распахнулись врата Небес.

СУББОТА, КОТОРАЯ ЗАДЕРЖАЛАСЬ В ПУТИ

днажды в канун субботы солнце замедлило свой бег по небу и не торопилось закату. Суббота задерживалась. Когда это случилось? И отчего? Вот как рассказывает этом Аггада.

Жил один еврей в маленькой деревеньке в Земле Израильской. Звали его Аба Тахана, но все называли его Аба Тахана — праведник, потому что был он хороший человек, милосердный. У него была большая семья, у Абы Таханы, сыновья и дочери, и ему приходилось много работать, чтобы принести домой вдоволь еды и одежды.

Каждое воскресенье он уходил из своей деревеньки в большой город и работал там у одного купца. Всю неделю он трудился, а в пятницу после полудня,

когда солнце поворачивало к закату, Аба Тахана прерывал свою работу, получал расчет за неделю и отправлялся в свою деревню. Обычно он приходил домой до наступления субботы, мылся, надевал белые одежды, шел в синагогу помолиться, а потом садился за субботнюю трапезу со своей семьей.

Так проходила неделя за неделей, так было и в тот волшебный день.

В пятницу после полудня хозяин выдал Аба Тахана расчет и еще, как обычно, дал ему много подарков, потому что купец был добрый и любил Абу Тахана за прилежание и честность. Он нагрузил большой сверток одежды, обуви и еще всяких овощей и фруктов. Поднял Аба Тахана тяжелый сверток, попрощался с хозяином, взвалил сверток на плечи и отправился домой в свою деревню. Он прошагал уже порядочную часть пути, до деревни оставалось совсем близко, как вдруг Аба Тахана услышал в стороне от дороги стон. Аба Тахана подошел поближе и увидел: под деревом лежит человек и стонет.

— Что с тобой? — спросил Аба Тахана.

— С коня свалился, — рассказал человек, — конь запнулся, я не удержался, а теперь вот встать не могу, очень спина болит.

— Может, тебе помочь встать? — спросил Аба Тахана, но и с его помощью встать не удалось, потому что человек сильно повредил спину.

— Если бы тебе удалось найти моего коня, — попросил раненый, — я был бы тебе очень признателен. Мне бы тогда, может быть, удалось взобраться к нему на спину, а он уж доставил бы меня домой.

Аба Тахана согласился и отправился искать сбежавшего коня. Поискал в поле, не нашел, поднялся на соседнюю гору: может быть, конь взобрался туда? Потом спустился с горы и стал искать около реки. Но коня нигде не было.

— Нигде я твоего коня не нашел, — сказал Аба Тахана, вернувшись к раненому.

— Что же мне делать? — простонал человек. — Как я попаду домой?

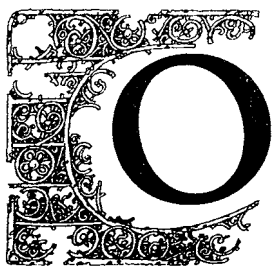
— А где твой дом? — спросил Аба Тахана.

— Там,— показал человек пальцем в сторону города, из которого Аба Тахана вышел еще в полдень. А солнце уже склонилось низко, близился закат, а с ним и приход субботы.

"Что же делать?— думал Аба Тахана.— Коня у нас нет, а идти человек не может. Может быть, отнести его на спине домой? Но я не смогу тащить одновременно раненого и тяжелый сверток. Тогда, может, пойти сначала домой, отнести сверток, потом вернуться, взять раненого и отнести его домой? Нет, тоже не годится. Он ведь терпит сильные боли. Нельзя оставлять его посреди поля. Сделаю так: оставлю сверток около дороги, отнесу этого человека к нему домой, потом вернусь сюда, заберу свой сверток и пойду домой. Правда, опасно оставлять сверток в открытом поле. Мимо могут проходить разбойники и стащить сверток вместе со всем его содержимым. Но жизнь человека дороже". Так решил Аба Тахана. Быстро положил сверток под дерево, взвалил раненого к себе на спину и нес его всю дорогу до города. И лишь после того, как он доставил его домой и бережно уложил в постель, Аба Тахана заторопился опять прочь из города. Шел он шел, пока не дошел до того места, где оставил свой сверток, и очень обрадовался, увидев, что сверток лежит на том же самом месте. Никто его не трогал и ничего из него не исчезло. Взвалил Аба Тахана сверток на плечи и заспешил в сторону своей деревни. А солнце все ниже и ниже. Еще чуть-чуть, и оно совсем закатится, и наступит суббота. Но Аба Тахана еще не дошел до дома, не помылся, не надел праздничную одежду! И кто знает, успеет ли он придти домой до наступления субботы? Аба Тахана очень загрустил. Увидел Всевышний, как Аба Тахана огорчился. И что же Он сделал? Придержал бег солнца в небе. И не село солнце в ту пятницу до тех пор, пока Аба Тахана не пришел домой, не вымылся, не надел праздничные одежды и, радостный и довольный, был готов встретить царицу-Субботу.

И когда Аба-Тахана Милосердный вернулся из синагоги, вся семья его сидела за субботним столом, они вкушали субботнюю трапезу и пели Гимны Всевышнему, Его милосердию и Его чудесам.

БЕСЦЕННЫЙ ТОВАР

Однажды из порта Яффа вышел в море корабль. Плыли на нем купцы, что закупили товары в Земле Израильской и ехали торговать ими в заморские страны. Трюмы корабля были доверху загружены сундуками с золотом, серебром, украшениями и камнями, закрытыми на семь надежных запоров, кувшинами с оливковым маслом из Галилеи, рулонами пестрых тканей и всяким прочим добром.

Много дней плыл корабль, и купцы, как это обычно бывает в дальней дороге, сидели на палубе и беседовали между собой. Каждый из них хвалил и славил свой товар и хвастался, как возвысит его то богатство, которое он выручит за него.

— Мое оливковое масло отборное, самого лучшего качества,— сказал один,— я продам его и сильно приумножу свое богатство.

— А я везу целебные этроги к царскому столу,— сообщил другой.— Как только я разгрузу бочки с этрогами в царском дворце, царь тотчас прикажет заполнить эти бочки золотом, и я стану большим богачом.

А третий сказал:

— Что такое оливковое масло и этроги по сравнению с моими драгоценными камнями? Царская дочь купит их к свадьбе, и я сразу стану невероятно богат.

Так купцы расхваливали друг перед другом свой товар. А в это время на палубе сидел еще один человек. Он не участвовал в разговорах купцов, а все время сосредоточенно читал книгу. На нем были простые одежды и поношенная обувь. После того как купцы исчерпали свои рассказы о поездках, товарах и сделках, они обратились к этому человеку и сказали ему:

— Только ты один не рассказал нам, что ты ку-

пил и чем собираешься торговать.

Ничего не ответил им этот человек, потому что был углублен в свое занятие. Но купцы не отставали от него, и когда они все же упростили его поговорить, он сказал:

— И у меня есть товар, и я еду из Земли Израильской в заморские страны.

— А какой у тебя товар?

Этого он им не захотел сказать. Стали купцы искать товар этого человека, обыскали весь корабль, но ничего не нашли.

— Обманываешь ты все,— сказали они ему,— нет у тебя никакого товара.

— Есть и есть,— возразил он им с улыбкой,— я не могу вам сказать, что это, но уверяю вас, что товар у меня хороший, полезный и дорогой, дороже всех ваших товаров вместе взятых.

— Если бы у тебя были такие сокровища, ты бы купил себе новые одежды,— насмеялись купцы,— и не купец ты вовсе, а просто нищий обманщик.

Так они смеялись над этим путешественником, и тут вдруг к кораблю приблизилось пиратское судно. Пираты взобрались на корабль и захватили все дорогие товары: ящики и сундуки, украшения, серебро и золото, кувшины с маслом, фрукты — все, все забрали пираты. Даже дорогую обувь и одежду купцов забрали с собой. Погрузили все на свое судно и быстро уплыли с этого места. Остались купцы раздетые, босые и без товара.

Когда корабль приплыл в порт, купцы сошли на берег грустные и нищие. Они стояли на улице и не знали, что им предпринять дальше. Не было у них ни товара на продажу, ни одежды, ни обуви; не было даже денег, чтобы купить немного поесть и попить, и заплатить за ночлег. Что делать? Так стояли они на улице, сконфуженные и растерянные.

А тот человек, что плыл с ними, оказался на самом деле большим ученым из Земли Израильской. Едва он сошел с корабля, его тотчас встретили с большими почестями жители города, которые уже ждали его. И сразу же повели его показывать, где он будет жить,

пока будет находиться в их городе. Они шли шумной гурьбой — этот ученый посередине, а справа и слева от него сопровождающие, и оказывали ему всяческие почести. И когда этот мудрец шел так по улице, его увидели купцы, что потеряли все свои богатства, увидели великие почести, которыми его окружили, и поняли, что перед ними большой человек.

— Послушай, наш господин,— обратились они к нему,— расскажи жителям этого города, что с нами случилось. Может быть, они снарядят корабль вдогонку за пиратами и вернут нам наши богатства, а пока что, может быть, они дадут нам чего-нибудь поесть и попить, и место для ночлега?

— Вы сможете помочь несчастным переночевать? — спросил мудрец сопровождающих дающих.

— Конечно, если ты просишь,— ответили жители города.— Твоя просьба для нас закон.

— Большое спасибо тебе,— стали благодарить несчастные купцы.

— Не меня вы должны благодарить,— сказал им ученый муж,— а мой товар. Я ведь говорил вам, что мой товар лучше и дороже всех ваших товаров вместе взятых. Знания — вот мое богатство. Те знания, которые я вез в своей голове, никто не мог их у меня украсть. В честь этого товара — знаний моих, которые я получил,— такая встреча и все почести. Не ради меня, а ради учености моей.— Так сказал им мудрец и распрощался с ними с миром.

МАЛЬЧИК И СВЕЧА

маленьком городке в стране Полонии жил один еврей-переплетчик по имени раби Шабтай. Был этот еврей человек простой и бедный. И был у раби Шабтая единственный сын Хаим, мальчик очень умный и

смышленный. В семь лет Хаим знал уже так много из священных книг, что не осталось в округе ни одного учителя, который мог бы его еще чему-нибудь научить. Тогда маленький Хаим обратился к самому ученому раввину в городе, тот согласился с ним заниматься, и мальчик ходил к нему домой учиться.

Целый день сидел малыш в доме ученого и занимался. А вечером? Вечером он хотел бы продолжать свои занятия, но дом родителей был бедный, свечи там горели только по субботам, а мальчик не мог заниматься в темноте. Кроме того, в доме родителей было очень мало книг — только молитвенник да Тора, а ему нужны были Гемарру, толкование Торы и другие ученые книги.

Попросил Хаим родителей, чтобы они разрешили ему ходить по вечерам в синагогу заниматься. Там есть много книг и там есть свечи: служка зажигает их для тех, кто хочет заниматься. Но как мальчик пойдет в синагогу: он так мал, а синагога так далеко от дома... На улице тьма кромешная!

— Я не боюсь, папа,— уговаривал мальчик родителей,— я не боюсь темноты.

— Но я боюсь за тебя,— возразил отец,— ты маленький мальчик, а идти далеко, очень далеко и темно.

— Я и за здоровье твое боюсь,— говорила мать,— нехорошо мальчику в твоём возрасте сидеть по ночам и заниматься. Ты можешь заболеть, не дай Бог!

— Пожалуйста,пусти меня, папа,— просил мальчик,— я не заболею, мама!

— Ну, может быть, на один часок я тебе разрешу,— сдался, наконец, отец.

— Я обещаю тебе, что буду сидеть в синагоге не больше часа каждый вечер,— заверил Хаим отца.

И вот настал вечер, когда раби Шабтай отвел сына в синагогу. Для верности он сказал на ухо служке, чтобы тот давал мальчику не более одной свечи за вечер. Свеча прогорит, и мальчик будет знать, что пора идти домой. Служка пообещал отцу, что так и сделает. Раби Шабтай успокоился, вернулся домой и был уверен, что через час вернется и сын. Но час про-

шел, а мальчик домой не вернулся.

— Шабтай, что случилось с ребенком? — беспокоилась жена.

— Наверное, скоро придет. Он обещал мне, что будет там сидеть не более часа, а служка обещал, что не даст ему больше одной свечи.

Прошло еще порядочно времени, а мальчик все еще не возвращался.

— Шабтай, иди посмотри, что случилось с ребенком,— попросила жена.

Встал раби Шабтай со своего места и сказал:

— Наверное, мальчик наткнулся во время чтения на непонятное место и отправился к Учителю за разъяснениями. Пойду к Учителю и приведу мальчика домой.

Надел Шабтай теплое пальто, шапку и вышел из дому. А на улице темнота и холод. Падает белый снег и снежинки, кружась, ложатся на лицо Шабтая. Пусто кругом, ни души. Все давно легли спать, только Шабтай, несмотря на холод и снег, шагал к дому Учителя. Но когда он приблизился, то увидел, что в доме темно и ставни закрыты. Может быть, Учитель с маленьким Хаимом сидят в одной из боковых комнат? Шабтай дотронулся до двери и тихонько постучал, чтобы не потревожить спящих. Ответа нет. Постучал раби Шабтай раз, постучал еще раз, постучал в третий. Только тогда услышал он голос:

— Кто там?

— Это я, Шабтай,— подал он голос через закрытую дверь.

— Сейчас открою...

Стоял раби Шабтай перед закрытой дверью. Снег падал на него. Через короткое время, что показалось ему очень длинным, дверь открылась и на пороге появился Учитель.

— Раби Шабтай?! Что привело вас в столь поздний час? — спросил он с беспокойством.

— Я сына ищу. Хаим у вас? — спросил раби Шабтай, и сердце его сжалось в тревоге.

— Твой сын? Я не видел его после того, как он днем от меня ушел.

— Он не пришел домой... Не вернулся из синагоги,— проговорил отец и лицо его потемнело от беспокойства,— он обещал, что будет сидеть там не более часа, и вот...

— Если он обещал, то сдержит свое обещание,— сказал Учитель.

— Но он не вернулся домой! — повторил раби Шабтай,— не вернулся...

— Может быть, он сильно замерз по дороге домой, зашел погреться в какую-нибудь харчевню да и уснул там,— предположил Учитель,— не может быть, чтобы Хаим нарушил обещание, которое он дал родителям.

Надел Учитель теплые одежды, обул сапоги и пошел с отцом искать мальчика.

"Может быть, он замерз и упал в обморок где-нибудь на обочине дороги? А может быть, упаси Господи, на него напали ночные разбойники и похитили его?". Мысли одна страшнее другой одолевали бедного отца. Ходили Учитель и Шабтай по улицам города. А темень была непроглядная, шел снег, и стужа доставала до костей.

Долго они искали. Мальчика нигде нет. Зашли в дом Шабтая, может быть, мальчик вернулся, пока они ходили, но дома была только взволнованная мать. Они повернули обратно и снова пошли к дому Учителя, может быть, мальчик сбился с дороги и пришел туда? Но нет.

— Может быть, усталый ребенок уснул, когда свеча погасла, и спит на скамье в синагоге,— высказал Учитель новое предположение.— Как это мы раньше не подумали?

Они заторопились в сторону синагоги. А ночь была уже на исходе. Приблизились они к синагоге и видят — яркий свет пробивается сквозь щели в ставнях. Кто-то там засиделся в такой поздний час? Еще немного, и утренняя звезда взойдет! Зашли они внутрь — и что же они видят? Горит свеча, и под ней сидит мальчик Хаим и читает.

— Хаим! — закричал отец возмущенно.— Что ты мне обещал?!

— Ты углублен в изучение Торы и забыл, что в Десяти Заповедях записано "Чти отца своего и мать свою"?! — закричал Учитель.

Услышал мальчик голоса вблизи себя, поднял голову от книги, что лежала перед ним, и тут же погасла свеча, в синагоге стало темно.

Раби Шабтай подумал, что сын его нарочно потушил свечу, чтобы его не видели, и ужасно рассердился.

— Не знал я, что ты не уважаешь своего отца, но ты, оказывается, и Учителя своего не уважаешь!

Услышал сторож синагоги, что спал в соседней комнате, голоса, зажег свечу и вышел в синагогу.

А там стоит Учитель с одной стороны, раби Шабтай с другой, а посредине мальчик плачет навзрыд.

— Плохой мальчик, — сердился Шабтай, — я не знал, что ты не держишь своих обещаний! До сих пор ты...

— Нет... Нет... — плакал Хаим и слова не мог вымолвить сквозь рыдания.

— Ничего не понимаю, — сказал сторож, — я дал ему только одну свечку, а ее хватает ровно на один час. Где же он взял свечи, чтобы читать всю ночь? Ведь свечи я закрыл, и ключ у меня на шее.

— Я не брал свечи! У меня была только одна свеча, и я не знал, что времени прошло уже много. Эта свеча горела все время, — проговорил мальчик сквозь рыдания.

И тут Учитель понял, что произошло.

— Не сердись, раби Шабтай, на сына, — сказал он, — теперь мне все ясно.

— А мне пока что ничего не ясно, — сказал раби Шабтай, очень обрадованный, что сын нашелся живой и невредимый, но очень рассерженный всей этой историей. Мало того, что мальчик нарушил обещание, так он еще, по-видимому, взял чужие свечи, да еще рассказывает всякие небылицы, будто ничего не брал.

— Хаим ничего плохого в эту ночь не сделал, — сказал Учитель, потому что он догадался, о чем подумал отец, — когда он начал заниматься в синагоге нынешней ночью, большая радость наступила в не-

бесах. Ангелы очень обрадовались. А когда ангелы радуются, в синагоге не гаснет свеча,— объяснил Учитель,— но когда мы пришли сюда и подняли крик, мальчик прервал занятия. И тут же прервалось ликование в небесах, и свеча погасла.

Так объяснил Учитель стоящим вокруг, и все дивились и восхищались: вот у них на глазах произошло чудо с маленьким Хаимом, настоящее чудо, ниспосланное с небес: свеча, что может гореть всего один час, горела для него всю ночь!

Привел раби Шабтай сына домой. А там мама уже заждалась. Она тоже очень обрадовалась. И с этого дня раби Шабтай разрешил сыну заниматься в синагоге столько, сколько душа его просит. И сидел мальчик Хаим в синагоге ночь за ночью, возвращался домой поздно, и никакое зло не приставало к нему. И когда мальчик вырос, он стал великим ученым.

ЙОСЕФ ПО ПРОЗВИЩУ СУББОТОЛЮБ

Жил в древнем Вавилоне* бедняк, и звали его Йосеф. А рядом с ним жил богатый перс. Всю жизнь работал Йосеф на полях и виноградниках богатого перса. Пахал, сеял, со-

бирал урожай. Перс заставлял Йосефа работать много, от зари до зари, а платил ему мало, только чтоб с голоду не умер, да и то старался обсчитать своего работника. Потому-то и жил Йосеф в бедности. Но

* Вавилон — столица могущественного государства Вавилония, покорившего в 586 г. до н. э. Иудейское царство. После разрушения Первого иерусалимского Храма десятки тысяч евреев были насильственно переселены в города Вавилония.

только не по субботам *.

Когда наступала суббота, Йосефа нельзя было узнать. В честь субботнего дня надевал он свой лучший наряд, лакомился вкусными блюдами, запивал их хорошим вином, пел песни, читал Тору — и все во славу священной субботы. Все, кто знал этого человека, называли его Йосифом субботолобом.

Чем больше работал Йосеф, тем больше богател его хозяин-перс. И приснился однажды персу сон. Будто стоит у его кровати необыкновенный старец: лицо, как солнце, глаза — пламень огненный, а голос, как гром гремит. "Ты зачем бедняком помыкаешь? Придет время, и от твоего богатства, что накопил ты чужими руками, а не своим трудом праведным, у тебя и следа не останется. От Йосефа у тебя все богатства — к Йосефу они и перейдут!" Проснулся перс и с облегчением увидел, что это был всего лишь сон.

Но страх не покидал его. Как бы исхитриться, чтобы добро не досталось Йосефу, его работнику-еврею? — ломал он себе голову. Вдруг его осенила блестящая мысль.

Пошел он и продал все свое имущество, а на вырученные деньги купил чудесную жемчужину. Спрятал ее в тюрбан и больше не снимал его с головы. "Теперь, — решил он, — буду носить свое добро при себе и беречь как зеницу ока, а тебе, Йосеф, не дожидаться и крупницы моего добра". Так думал жадный перс, хваля себя за хитрую уловку и радуясь тому, что Йосефу ничего не достанется.

Однажды шел перс по мосту через реку Евфрат. Вдруг подул сильный ветер, сорвал у него с головы тюрбан вместе с жемчужиной и унес в реку. Напрасно плакал перс и звал на помощь, напрасно сам бросился в воду, чуть не утонув, — тюрбан он, наконец, нашел, но жемчужина исчезла.

Что с ней стало? Она упала на дно, и ее проглотили

* Суббота — седьмой день недели; в этот день евреям запрещается работать, и они полностью посвящают его отдыху в память о том, что Всевышний, создав Вселенную за шесть дней, в субботу пребывал в покое.

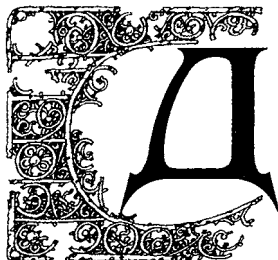
ла большая рыба. В канун субботы пришел к реке рыбак, расставил сети и поймал эту рыбу. Обрадовался он и поспешил на базар продавать ее, да покупатель все никак не находился: уж очень большой была рыба и стоила слишком дорого. Наконец, рыбак решил в последний раз попытать счастья. "Пойду-ка к Йосефу-субботолюбу. Он-то, может, ее и купит. Такая замечательная рыба наверняка подойдет к его субботней трапезе и украсит праздничный стол. Человек он, правда, бедный, но может купить дорогую рыбу из любви к святой субботе".

Так оно и получилось, Йосеф купил рыбу, и, когда вместе с семьей уже заканчивал трапезу, младший сын его вдруг нашел драгоценную жемчужину.

Как только кончилась суббота, поспешил Йосеф с чудесной находкой к персидскому царю. Царь купил жемчужину для своей короны и заплатил Йосефу огромные деньги.

Вот как любовь к субботе принесла еврею большое богатство.

КАК ЗЛОЙ ЦАРЬ ДОБРЫМ СТАЛ

Давным-давно жил царь. И таким он был злым, что все называли его Злющий. Народ молил Бога, чтобы царь этот умер, а на его место пришел бы другой, добрее. Однажды царь приказал всем прийти во дворец. Люди дрожали от страха, не зная, что еще он придумал.

Когда все собрались, царь встал и сказал:

— Я знаю, что причинил вам много зла, мои подданные, и поэтому вы меня не любите. Но обещаю вам отныне стать добрым. Хочу жить с моим народом в мире и согласии.

И стал он добрым, как и обещал. Послал в каждый город, в каждую деревню новых наместников,

которые пеклись о нуждах народа. Велел починить дороги, навести мосты, уменьшил подати, а разбивая тяжбу, выслушивал обе стороны, не отдавая предпочтения богатому или сильному, как делал раньше.

Все начали любить царя и восхищаться им. Наконец, один из царедворцев набрался смелости и спросил:

— Дорогой царь, скажи нам, пожалуйста, почему раньше ты был таким злым, а теперь стал таким добрым? Что заставило тебя так резко перемениться?

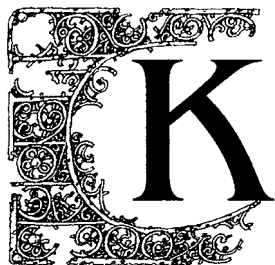
И царь сказал:

— Вопрос твой разумный, и я на него отвечу. Шел я однажды по лесу и увидел, как пес за лисицей гонится. Поймал он свою жертву, впился ей в ногу и рвал зубами до тех пор, пока всю не отгрыз. Лиса выла от боли. Так она и осталась хромой до конца своей недолгой жизни.

А пес вернулся к себе в деревню. По дороге проезжал всадник. Увидев свирепого пса, перепачканного кровью, он швырнул в него камень и перебил ему спину. Пополз пес на обочину подышать, а всадник во весь опор помчался дальше, безжалостно прищпоривая коня и нисколько не считаясь с тем, что дорога неровная и каменистая. Вдруг конь оступился и, падая, сбросил с себя седока. Тот отлетел в сторону и сломал ногу.

И, вот, увидев все это, сказал я себе: "Бог каждому воздает по заслугам. На добро отвечает добром, на зло — злом". Потому и решил я не творить больше зла, а делать только добро до конца своих дней.

ХЕЛЕМСКИЕ МУДРЕЦЫ И ЛУНА

Как известно, Луна порой бывает большой и круглой и сияет ярко и весело, порой она только светлый серпик в небе, а порой ее совсем не видно, и тогда как раз начинается новый месяц. Это знает любой еврейский ребенок.

А кто будет освещать город Хелем темной ночью, когда Луны нет, чтобы люди по дороге из синагоги не натыкались на какие-нибудь препятствия? Сидели хелемские мудрецы, сидели и думали над этим: как осветить улицы в темные ночи.

И тут рэб Лейзер, самый умный из них, воскликнул:

— У меня есть идея! Все знают, что в середине месяца Луна светит ярко. Если мы в такую ночь поставим на городской площади бочку с водой, Луна отразится в воде. Тогда мы быстро закроем бочку. Луна не сможет выйти, и когда наступит новолуние и Луны на небе не будет, мы откроем бочку, достанем Луну из воды и повесим ее на небо. Так мы осветим Хелем в темные ночи.

Обрадовались жители города такой замечательной идее и в середине месяца, когда полная Луна ярко сияла на небе, поставили бочку с водой посреди площади. И в самом деле: Луна отразилась в воде, жители города быстренько накрыли бочку, обвязали ее, отвезли во двор синагоги и стали ее там бдительно караулить. Когда прошло две недели и наступило новолуние, а ночи стали темные, хелемские мудрецы пошли к бочке, приподняли крышку и заглянули внутрь. Ах! Луны там не было и в помине, даже ни единой искорки от Луны.

— Кто-то украл Луну! — закричал рэб Берл, а за ним и все остальные. — Надо поймать вора!

Стали вора искать. Искали в домах, искали во дворах, искали даже в погребках и подвалах — всё напрасно. Луну не нашли и вора не нашли тоже.

— Наверное, вор унес Луну продавать в другой город, — предположил рэб Берл.

— Наверное, наверное, — поддержали его все остальные и пошли искать свою Луну в других городах.

Пришли они в одном городе на постоялый двор. Было это в середине месяца, и Луна уже сияла вовсю. Вышел рэб Меир во двор напиться и вдруг видит — в глубине колодца Луна! Такая красивая, сияющая! Побежал рэб Меир, позвал своих друзей-медре-

цов. Постояли они, посмотрели в колодец и говорят:
— Похоже — это наша Луна. Это вор спрятал ее тут в колодце.

Пошли они к хозяину постоялого двора и говорят ему:

— У тебя в колодце плавает Луна, круглая и яркая, точь-в-точь такая как та, что украли у нас в Хелеме месяц тому назад. Должно быть, это вор спрятал ее здесь, поэтому ты должен нам ее немедленно вернуть!

Хозяин понял, что эти люди из Хелема, улыбнулся про себя и сказал:

— Конечно, если вы считаете, что эта Луна ваша, я буду рад вам ее вернуть. Но только колодец глубокий. Если вам удастся ее оттуда достать, пожалуйста, забирайте!

Поблагодарили его хелемские мудрецы и стали совет держать, как достать Луну из глубокого колодца. Лучшее всех придумал рэб Мендл:

— Двое лучше одного, десять лучше двоих. Если мы возьмем друг друга за ноги и спустимся в колодец, мы достанем до дна.

— Прекрасная идея! — согласились все.

И так живой цепью: рэб Мендл за рэб Лейзером, рэб Берл за рэб Меиром, мудрец за мудрецом спустились они в колодец.

Еще мгновение, и сияющая Луна будет у них в руках. Но тут, как раз в этот момент, рэб Тас, который был самым слабым из них, говорит:

— Силы мои иссякают...

Вспомнил тогда рэб Меир, что отец его говорил когда-то, что если сила в руках ослабевает, надо поплевать на ладони и потереть их крепко друг о друга, тогда они вновь наберутся сил. И рэб Меир сказал:

— Послушайте все! Поплюйте несколько раз на ладони и крепко потрите их друг о друга. Посмотрите, какие они опять станут сильными!

Все захотели потереть руки, но тут — всплеск! Еще всплеск! Один за другим мудрецы попадали в воду.

— Спасите! Спасите! — закричали они.

Прибежал хозяин, опустил в колодец веревку и вытащил их всех живых и невредимых, но мокрых. Поблагодарили они хозяина, благословили его по заслугам и бросились опять к колодцу, но Луны там уже не было.

— Похоже, мы разбили ее на мелкие кусочки, — сказали мудрецы с огорчением.

— Может быть, мы найдем другую Луну, — успокоили они себя и отправились спать.

На следующий день приходят они на другой постоянный двор и видят, что над ним сияет Луна, такая круглая и полная, что даже лучше той, что была в колодце.

— Красивая Луна сияет над твоим двором. Мы хотим ее у тебя купить, чтобы она сияла над нашим городом Хелемом в темные ночи, — сказали они хозяину постоянного двора.

Услышал он, что они из Хелема, а хелемских мудрецов он хорошо знал, и говорит:

— Если вы дадите мне тысячу монет серебром, я продам вам свою Луну, и даже заверну ее так, чтобы вы могли доставить ее в свой Хелем.

Дали ему хелемские мудрецы тысячу монет серебром. Набрал хозяин воды в ведро, поставил его во двор. Луна отразилась в воде яркая и сверкающая. Увидали это хелемские мудрецы и говорят:

— Да она в точности такая, как та, что была в колодце!

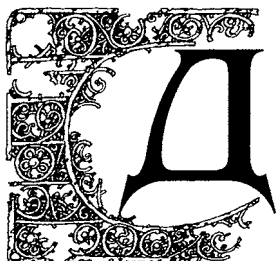
Накрыл хозяин постоянного двора ведро платком, хорошенько обвязал его, взяли это ведро хелемские мудрецы и вернулись к себе в Хелем.

Когда они вернулись, все жители города собрались на городской площади, мудрецы развязали платок и — ах! Не было в ведре ни Луны, ни даже хвостика ее! Но не успели жители Хелема огорчиться, как в небе взошла новая Луна, круглая и яркая, в точности как та, что была у них в ведре.

Обрадовались жители Хелема такому чуду, возблагодарили Всевышнего за то, что он вознес их Луну из ведра да прямо в небо, чтобы осветить их город

Хелем волшебным лунным светом. И устроили жители Хелема хоровод, пели и плясали от восхода Луны до утренней звезды. С тех пор и до сего дня каждый сын Хелема радуется, когда в небе сияет полная Луна.

МАЛЕНЬКИЕ КАМЕШКИ И БОЛЬШИЕ КАМНИ

Два человека пришли к великому знатоку Торы и попросили объяснить им разницу между добром и злом. Один из них считал себя большим грешником, потому что в молодости, поссорившись с близким другом, ударил его в пылу гнева тяжелой палкой и убил. С того дня его не переставала мучить совесть.

Второй человек никогда не впадал в грех и, по крайней мере, в собственных глазах был чист и ни в чем не повинен.

Выслушал обоих ученый муж и попросил рассказать о себе: что делали в прошлом, как зарабатывали на жизнь и так далее.

Первый не выдержал и расплакался. Сквозь слезы поведал он, как убил своего лучшего друга. Нет, не надеялся он на прощение ни на земле, ни на небесах. Второй заявил, что не помнит за собой никаких проступков, а если и водились за ним мелкие грешки, то они давно выветрились из его памяти.

Тогда ученый талмудист сказал первому:

— Пойди, сын мой, в поле, что через дорогу, возьми большой камень — самый большой, какой только найдешь, и принеси его мне. А ты, — обратился он ко второму, который считал свою жизнь безупречной, — пойди на то же поле и принеси много маленьких камешков, самых маленьких, какие

только найдешь, да побольше, сколько сможешь донести в руках.

Пошли оба выполнять поручение.

Когда они вернулись, раби посмотрел на камни и сказал:

— А сейчас послушайте, что делать дальше. Возьмите эти камни и отнесите точно на те же места, откуда **вы** их взяли. Затем возвращайтесь ко мне.

Снова оба принялись за дело. Первый, который принес раввину большой камень, легко нашел то место, откуда брал его, и положил обратно.

А второй никак не мог вспомнить, где брал мелкие камешки. Так и вернулся к ученому, не выполнив его поручения. Тогда раввин сказал:

— Человеческие поступки подобны этим камням. Ты,— сказал он первому,— легко вспомнил, где брал большой камень, и положить его на место не составляло труда. А ты,— обратился он ко второму,— не смог этого сделать потому, что мест, откуда ты брал камешки, было слишком много, всех не упомнить.

Раввин поднялся.

— Благо человеку, чья совесть тяготит его, как большой камень: с его души легче снять грех и раскрыть ее для раскаяния,— объяснил он.

А самодовольному себялюбцу, не видевшему за собой никаких провинностей, он сказал:

— Но горе тому, кто не обращает внимания на мелкие ошибки: не замечая их, он и прощения просить не станет, тогда как даже большой грешник своим покаянием помогает себе стать лучше и чище.

ПОЛНАЯ КАРТИНА

Всю жизнь прожили два брата за высокой городской стеной, никогда не видели ни полей, ни лугов. И вот однажды решили они отправиться в деревню.

Шли братья по дороге и увидели пашню, на которой работал земледелец. Глядели они на

него и удивлялись:

— Что он делает? Раскапывает землю и оставляет на ней глубокие полосы! Зачем портить ровную землю, покрытую нежной зеленой травой?

Потом они увидели, как он бросает в борозды зерна.

— Сумасшедший какой-то! — воскликнули они. — Берет хорошую пшеницу и бросает в грязь!

— Не нравится мне деревня, — сказал раздраженно один из братьев, — странный народ тут живет.

И он вернулся в город.

А второй брат остался в деревне. Всего через несколько недель он заметил разительную перемену. Засейнное поле начало покрываться молодой зеленью, еще более прекрасной и нежной, чем прежняя. Это открытие его так впечатлило, что он написал брату, чтобы тот приехал, не мешкая, и сам посмотрел, какие чудесные перемены произошли в деревне.

Брат приехал и впрямь восхитился.

Шло время, и зеленые побеги становились золотыми колосьями. Теперь оба поняли, для чего трудился земледелец. Когда пшеница совсем поспела, принес он косу и стал косить. Тут нетерпеливый брат закричал:

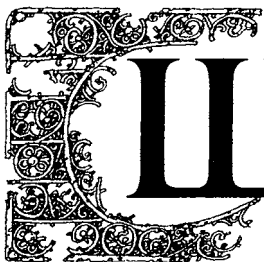
— Он ненормальный, этот человек! Так тяжело трудился все эти месяцы, выращивая чудную пшеницу, а теперь своими же руками срезает ее! Что за глупость! Смотреть тошно! Ухожу обратно в город!

А терпеливый брат продолжал жить в деревне. Он наблюдал, как земледелец убирает урожай в амбар,

как ловко отделяет зерно от мякины, и пришел в восторг, увидев, что тот собрал пшеницы во сто крат больше, чем посеял. Только теперь ему стало ясно до конца: во всем, что делал земледelec, была своя цель и здравый смысл.

Так же и с Богом. Все Его замыслы — нам на благо. Но смертный, видя лишь малюсенькую часть Его творения, не может постичь всей сущности и смысла деяний Всевышнего.

ОН ВСЕ ВИДИТ

ел еврей по дороге в большой город. Смотрит — фургон стоит.

— Не подвезешь ли меня? — спросил он кучера.

— Подвезу, — ответил тот, — да только за деньги.

На том и сошлись. Забрался еврей в фургон, и кучер погнал лошадей. Только отъехали, как заметил кучер на поле стог пшеницы. Решил он стащить охапку-другую, но, опасаясь, что кто-нибудь увидит, сказал еврею:

— Пойду возьму пшеницы, а ты гляди по сторонам: если кто увидит, подай мне знак.

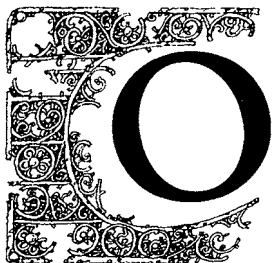
Выслушал его еврей и ничего не сказал. Побежал кучер к стогу, схватил большую охапку и бегом назад. А еврей ему знак подает: мол, кто-то увидел. Кучер в испуге бросил пшеницу, вскочил на козлы и давай лошадей нахлестывать.

Отъехав от поля, оглянулся он — вокруг ни души.

— Ты обманул меня, — напустился он на еврея. — Кто видел, что я пшеницу взял?

— Бог видел, — ответил еврей, указывая на небо. — Он все видит, ничего не укроется от Него.

АЗБУКА

дин необразованный бедный крестьянин вошел в синагогу помолиться. Послушал он, как грамотеи, знатоки и ученые читают и поют Богу прекрасные молитвы, и тоже захотел выразить Ему свою любовь.

Встал он перед ковчегом, где хранится свиток Торы, и начал проникновенно и почтительно повторять без конца все буквы еврейского алфавита: алеф, бет, гимел и так далее. Голос у него срывался от избытка чувств.

Услышав его, удивились грамотеи и ученые: зачем эта деревенщина без конца повторяет все буквы алфавита?

Подталкивая друг друга в бок, они прохаживались насчет его невежества, подтрунивали над ним, высмеивали его неправильный выговор.

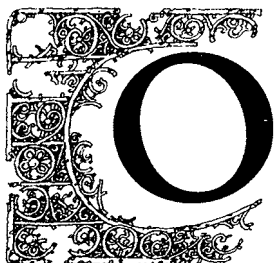
— Нет, вы только послушайте,— сказал один из них, — он не знает даже самых простых субботних молитв!

Но когда, наконец, перестав произносить буквы, крестьянин обратился к Богу с просьбой, смех застрял у них в горле, и они устыдились, услышав, как горячо и усердно он молится:

— Владыка мира! Человек я простой, необразованный, но ой, как мне хочется найти слова для прекрасных молитв Тебе! А их у меня нет, этих слов. Поэтому выслушай, Боже, как я читаю буквы, и Сам составь из них слова, что выразят любовь к Тебе, которой полно мое сердце.

На сей раз, когда невежественный крестьянин со слезами на глазах снова начал повторять: "Алеф, бет, мой дорогой Бог, гимел, далет, самый милостивый Бог..",— насмешники потупились от смущения.

КУЗНЕЧНЫЕ МЕХИ

дин неверующий; который был к тому же насмешником и злопыхателем, пришел к Магиду из Дубно и стал глумливо утверждать, что Бога нет.

— Если ты убедишь меня в том, что Бог существует, я признаю тебя великим учителем, — заявил он мудрецу.

— Расскажу-ка я тебе притчу, — сказал Магид.

Однажды принес купец домой кузнечные мехи, дал их своему работнику и сказал:

— Если тебе понадобится раздуть огонь, растягивай мехи, как гармошку, и пламя разгорится.

На следующий день пришел работник к купцу и говорит:

— Не работают мехи. Как ни старался, не разгорается огонь.

Купец решил разобраться, в чем дело. Заглянул в печь, а там — ни искорки. Угли давно погасли и остыли. Тогда он сказал работнику:

— Как же ты хочешь, чтоб разгорелся огонь, — если его и вовсе нет. Даже искры не осталось, а без нее пламя не раздуть. Раздобыл бы ты горящий уголек у соседа или спичкой чиркнул бы, тогда — дело другое.

— Так и с неверующим, который и мысли не допускает, что Бог существует, — заключил Магид из Дубно. — Была бы в тебе хоть искра веры, я помог бы тебе ее раздуть, как раздувают мехами огонь. Но ты погасил в своей душе эту искру. Поэтому не стану я тратить на тебя слов впустую.

КАК РАБИ ЛЕВ ИЗ ПРАГИ СДЕЛАЛ ГОЛЕМА

Жил однажды в Праге очень мудрый и ученый раввин, звали его раби Лев. Так же, как и все другие евреи, раби Лев жил в еврейском квартале, помещавшемся в излучине реки Влтавы. Большую часть своего времени раби Лев проводил за изучением Торы, Талмуда и разных мудрых старинных книг. Но с некоторых пор раби стал замечать, что в родном его городе Праге творится что-то неладное. Не успевал он уединиться и углубиться в чтение, как с улицы начинали доноситься стоны и причитания, а то и громкие вопли, и вслед за этим в доме появлялся один из соседей или учеников раби. Не раз приходилось раби Леву откладывать в сторону любимые книги и оставлять свои занятия, чтобы выслушать жалобы обиженных, побитых, ограбленных и перепуганных евреев. Один рассказывал с плачем, что бандиты ворвались к нему в лавку и перепортили весь товар, другой умолял спасти его от побоев, третий кричал, что злодеи едва не подожгли его дом, а четвертый сообщал, что скорняки-христиане добиваются от императора указа об изгнании из Праги всех евреев.

Раби Лев выслушивал эти рассказы, вздыхал и подолгу размышлял о том, почему именно теперь все эти несчастья должны были свалиться на головы пражских евреев. В старинных книгах было написано, что, когда в древности римляне изгнали евреев из Святого Иерусалима и из Эрец-Исраэля, весь народ закричал криком великим и горестным. Но Бог приказал евреям утихнуть. "Придет время, и я верну вас домой, — сказал Бог. — А пока будете жить среди других народов". И тогда же — так было написано в старинных книгах — Бог взял слово со всех народов не притеснять евреев, не причинять им зла, не грабить,

не убивать и не изгонять их из своих стран. "Когда наступит срок и я верну мой народ на Святую землю, — сказал Бог, — всем народам зачтется заслуга гостеприимства, и все праведники удостоятся подняться в Иерусалим".

"Но где же гостеприимство? — размышлял раби Лев. — Где те праведники? Тут поджог, там грабеж, тут погром, там убийство... Сколько же евреи должны терпеть несправедливости и обиды, если народы нарушили данное Богу слово?"

— Хватит! — сказал раби в один прекрасный день, поразмыслив и повздыхав. — Пора с этим покончить. И, мне кажется, я знаю средство, которое поможет нам справиться со всеми напастями.

Сказав так, он отправился в синагогу, которую в Праге называли Старо-Новой синагогой, и повидался там со своим зятем Исааком бен Шимшоном и своим лучшим учеником Яаковом бен Хаимом-Сасоном, происходившим из рода Левитов. Только этим двум раби Лев решил открыть свои планы.

— Будьте готовы к важному и необычайному делу, — сказал раби Лев. — Скоро, в эти дни, мы спасем пражских евреев от всех грозящих им бедствий.

Больше он ничего не прибавил, но Исаака и Якова его слова порадовали.

В ночь после этого разговора раби Лев увидел сон. Ему приснилось, что он стоит над крутым обрывом на берегу Влтавы, а из воды подымается огромный великан. Не успел раби и глазом моргнуть, как великан ступил на берег и зашагал в сторону еврейского квартала. И тотчас со всех сторон до ушей раби донеслись радостные крики, звуки музыки и песен. Раби обернулся поглядеть, что за причина для такого веселья, но тут налетел ветер, закрутил великана, точно пушинку невесомую, и поднял в воздух. Поплыл великан над крышами домов, пронесся над всем еврейским кварталом и вдруг ни с того ни с сего рухнул. Шлепнулся оземь прямо у ног раби. Раби кинулся было помочь бедняге подняться, но никого не увидел. Ни единого человека не было на берегу, только у края обрыва высилась куча красной глины.

Проснулся раби Лев и понял, что сон этот приснился ему неспроста. "Не иначе, как это знак, — подумал раби, — видно, намеренья мои угодны и приятны Богу. А если так, надо действовать".

Поднялся он потихоньку с постели, оделся, стараясь не разбудить спящей жены, и на цыпочках вышел из дому. Ночь была лунная, середина месяца шват, и ни одна живая душа еще не выползала в столь ранний час на улицу. Раби пересек одну улицу, другую и спустился к реке. Подойдя к обрыву, он увидел, что место, на котором он теперь стоит, в точности напоминает то, которое привиделось ему во сне. И глина под обрывом была такая же красная и тяжелая, как та, что ему приснилась. Раби наклонился, помял сырую холодную глину и распрямылся, довольный. Возвращаясь домой, он всю дорогу улыбался.

— Будьте готовы, — сказал он Исааку бен Шимшону и Якову бен Хаиму-Сасону на следующее утро. — Скоро, скоро уже мне потребуется ваша помощь.

Семь дней и еще семь последующих все трое провели в молитве и размышлениях. Раби Лев читал старинную книгу, написанную тем шрифтом, который, кроме него, в целой Праге никто не умел разобрать. О тайных искусствах и священных знаках рассказывалось в этой книге. На исходе второй недели раби Лев призвал Исаака и Якова. Все трое поднялись на чердак синагоги, и тут раби Лев сказал:

— Слушайте! Я намерен сделать Голема, существо без души и без ума, способное, однако, выполнять мои приказания. Этот Голем защитит евреев Праги от всех бед и спасет от всех напастей. Четыре элемента необходимы для создания Голема, и все четыре здесь у нас налицо. Ты, Исаак, являешь собой огонь, а ты, Яков, воду. Я сам представляю воздух, а землю мы найдем на месте. Бог укажет нам, как справиться с этим делом. Приходите завтра в полночь на берег Влтавы и ждите меня. И постарайтесь, чтобы никто ничего не проведал.

Весь следующий день все трое постились и молились, а под вечер, окунувшись в микве, оделись в чис-

тые субботние одежды. Если бы кто-нибудь из жителей еврейского квартала не спал в ту ночь, он мог бы увидеть, как трое уважаемых раби, покинув незадолго до полуночи свои дома, пустынными улицами направились к реке. Но никто этого не видел. Ровно в полночь все трое были на месте, на берегу Влтавы. Раби Лев отыскал обрыв и указал другим на глину.

— Вот, — сказал он. — Это то, что нам нужно.

Был второй день месяца адара, тоненький новорожденный серп луны прятался в тучах, и звезды почти не светили. Раби Лев достал из кармана четыре свечи и зажег их. Пламя свечей колебалось на ветру и, казалось, вот-вот готово было угаснуть, но Яков бен Хаим-Сасон и Исаак бен Шимшон стали читать псалмы, и ветер утих. Раби Лев, скинув пальто, принялся за работу. Он мял, месил и катал глину, пока она не сделалась под его руками мягкой и послушной. Тогда он вылепил из нее человеческую фигуру: туловище, ноги и руки, шею и, наконец, голову. Нос, глаза, уши, пальцы рук и ног, все было на месте. Раби выпрямился и оглядел свое творение. Голем лежал на спине, будто человек, спящий глубоким сном.

Раби Лев повернулся к Исааку и Якову.

— Исаак! — сказал он. — Ты — эш, огонь. Сделай семь кругов вокруг Голема справа налево.

После этого он приблизился к зятю вплотную и шепнул ему на ухо священную формулу, известную лишь очень немногим посвященным. Дрогнувшим голосом повторил Исаак магические слова и двинулся вокруг глиняной фигуры. Когда он обошел ее в первый раз, от глины начал подыматься пар. Когда он завершил третий круг, глина нагрелась как хорошо протопленная печь. А когда он окончил все семь кругов, Голем пылал, как раскаленная головешка.

— Теперь твоя очередь, Яков бен Хаим-Сасон, — сказал раби любимому ученику. — Ты — маим, вода. Сделай семь кругов вокруг Голема слева направо.

Яков двинулся вокруг глиняного истукана, повторяя вполголоса священную формулу, которую раби Лев шепнул ему на ухо. Едва только он завершил первый круг, глина остыла. После второго кру-

га она приобрела цвет человеческого тела, после третьего покрылась кожей, после четвертого на голове у Голема начали расти волосы, после пятого на пальцах рук и ног появились ногти, после шестого в носу прорезались ноздри, а после седьмого раби Лев не отличил бы сделанного им Голема от настоящего мужчины.

— Теперь пустите меня! — сказал раби. — Я — авир, воздух. Я вдохну в него жизнь.

Он обошел Голема три раза справа налево, потом три раза слева направо, потом приблизился к нему вплотную и вложил истукану в рот кусочек пергамента, на котором было начертано Имя Бога. Во всей Праге, а может, и в целой Европе, только раби Леву было известно написание Имени.

Затем все трое — раби Лев, Исаак бен Шимшон и Яков бен Хаим-Сасон поклонились на восток, на запад, на юг и на север и произнесли:

— Господь Бог сотворил человека из праха земного и вдохнул дыхание жизни в ноздри его.

В тот самый миг, как прозвучало слово "жизнь", Голем приоткрыл глаза, вздохнул и сел. Огонь, вода и воздух наполнили его глиняную сущность и сделали его похожим на настоящего человека, а Имя Божье пробудило его к жизни. Теперь он мог дышать, видеть, слышать и двигаться так, словно был сотворен из плоти и крови. Яков и Исаак невольно отступили при виде свершившегося чуда, но раби Лев не дрогнул и не растерялся.

— Встань! — приказал он Голему, который с интересом озирался по сторонам.

Голем повиновался.

— Тебя зовут Йосеф, — продолжал раби Лев. — Я сотворил тебя, чтобы ты стал защитником евреев и отвел от них беду. Ты должен исполнять все мои приказания. Если я пошлю тебя в огонь, ты, ни секунды не раздумывая, пойдешь в огонь, если я скажу тебе прыгнуть с башни или броситься в морскую пучину, ты сделаешь это без малейшего колебания.

Голем кивнул в знак согласия. Яков и Исаак ждали, что он заговорит, но этого не случилось. Сотво-

ренный человеком, а не Богом, Голем был лишен дара речи. Раби Лев протянул ему заранее приготовленную одежду, Голем напялил на себя картуз и стал как две капли воды похож на синагогального служку Пинхаса. Взглянув на него, Яков и Исаак не удержались от смеха.

Раби Лев привел Голема к себе домой и сказал своей жене Перл:

— Это Йосеф, он немой и пришел в Прагу издалека. Пускай поживет пока у нас.

Перл громко вздохнула. "Мало мне своих семейных детей и сиротки Мирьям, так мой муж, чтобы он был здоров, вздумал еще посадить мне на шею этого немого!" — так подумала Перл, но сказать ничего не сказала, поскольку знала, что спорить с раби бесполезно.

Итак, Голем поселился в доме раби Лева и покорно исполнял любое его слово и любое приказание. Большую часть суток он с грозным видом разгуливал по улицам еврейского квартала и следил за порядком. Хулиганы, досаждавшие евреям, вскоре поняли, что с Немым опасно связываться. Раби Лев, давая Голему наставления, сказал: "Никогда никого не убивай и не калечь, но никому не позволяй обижать евреев или портить их имущество". Голем так и поступал. Убивать или калечить ему при его силище и не требовалось, он просто брал обидчика за шиворот, относил на берег Влтавы и швырял в воду с высокого обрыва. А дальше тот мог барахтаться, как ему нравилось. Если бандитов было двое или трое, то Голем без труда подымал в воздух и двоих, и троих зараз и неторопливо шагал с ними все к тому же обрыву, не замечая ни пинков, которыми хулиганы награждали его по дороге, ни их воплей. Случалось ему расправляться и с целыми компаниями храбрых громил. Сначала он относил к реке двух-трех первых попавшихся, а потом возвращался, чтобы взяться за следующих. Но те, как правило, предпочитали не дожидаться его появления. Очень скоро во всей Праге не осталось желающих повстречаться с немым Йосефом. И евреи, наконец, вздохнули с облегчени-

ем. Молва о подвигах Йосефа разнеслась и за пределами Праги, и многие семьи пожелали спокойствия ради переселиться сюда из других городов и стран. Еврейский квартал разрастался и процветал. Но Голем еще не собирался успокаиваться. Недели две, а может, и больше, он простоял на углу той улицы, что отделяет Старо-Новую синагогу от церкви Святого Духа. Никто не мог понять, чего стоит он день-деньской как приклеенный на одном и том же месте. А Голем с великим терпением ожидал появления старосты цеха скорняков. Этот староста был большим ненавистником евреев и писал императору одно прошение за другим и одну петицию за другой с требованием изгнать всех евреев из Праги. Трудно сказать, откуда это стало известно такому безмозглому существу, каким был Голем, но факт остается фактом — Йосеф решил не покидать своего поста, покуда не подвернется случай проучить негодника. И такой случай в конце концов подвернулся.

Староста цеха скорняков не так уж часто выходил из дому, а если выходил, то двигался неспешно, задрав кверху свой мясистый и красный нос. Он считал, что скорняки — самые важные ремесленники в городе, и поэтому требовал, чтобы все встречные издали ему кланялись. Сам же он редко кому отвечал на поклон, разве что попадался какой-нибудь другой староста или член магистрата.

В тот день староста вместе с двумя приятелями, тоже скорняками, решил прогуляться по Старому городу. Поравнявшись с еврейским кварталом, все трое замедлили шаг, и староста сказал довольно громко:

— Погодите, евреи, не радуйтесь! Скоро вылетите отсюда, как миленькие. И духу вашего не останется в нашем городе.

Неизвестно, что он собирался сказать дальше, но ему пришлось прервать свою речь, потому что Голем выступил из-за угла, пересек улицу и взял уважаемого старосту цеха скорняков за шиворот так небрежно, словно это был какой-то мальчишка-подмастерье.

— Пусти! — заорал староста. — Пошел вон! Убирайся отсюда, мерзавец.

Но Голема эти слова, разумеется, не тронули. Подняв дрыгавшего ногами старосту повыше, он направился в центр квартала, к Еврейской ратуше. Приятели старосты некоторое время трусцой бежали рядом и уговаривали Голема не дурить и освободить их товарища по-хорошему, но Голем не обращал на них внимания. Тогда скорняки поотстали и пригрозили, что пойдут в город и вернутся с подкреплением. Но и эти доводы не подействовали на Немого.

Еврейская ратуша была трехэтажным зданием, а над ней еще высилась башня высотой этажа в четыре. И вот сюда-то Голем и затащил предводителя скорняков.

Тот вопил, кричал, ругал Голема, обзывал его всяческими словами, обещал сообщить обо всем императору, но, увидев, что дело принимает серьезный оборот и что Немой, не говоря худого слова, уже выпихивает его из башенного окошка, взмолился о пощаде.

— Смилуйся, отпусти! — пропищал староста. — Нет, нет, не отпускай, держи покрепче, идиот проклятый! Ты что, с ума сошел? Неужели ты в самом деле хочешь сбросить меня вниз? Ты, наверно, пошутил. Перестань валять дурака и давай поговорим по-человечески. Ну, ну, успокойся. Не станешь ведь ты брать на душу такой страшный грех, как убийство?

Души у Голема не было, но в голове у него что-то звякнуло, и он вспомнил слова раби Лева, который строго-настрого запретил убивать и калечить людей, даже если это были самые что ни на есть злобные враги еврейского народа. Голем втащил старосту обратно в окошко и поволок с башни вниз. Далее он проследовал на свое любимое место, на берег Влтавы, и, размахнувшись получше, зашвырнул скорняка на середину реки.

Выбравшись на берег, староста помчался домой и, даже не сменив мокрой одежды, принялся строчить пространнейшую жалобу императору. Однако император, прослушав послание, только посмеялся. Не то чтобы он так уж презирал скорняков, не то чтобы так уж радовался несчастью их старосты, но изгонять евреев из Праги он, откровенно говоря, не собирался.

Дело в том, что император почему-то всегда нуждался в деньгах, а евреи, в отличие от некоторых скорняков, исправно вносили налоги в казну его величества.

— Забавное происшествие, — сказал император своему секретарю и тут же обо всем забыл.

Но после этого случая никто не досаждал жителям еврейского квартала и никто не требовал больше их изгнания. Дни мира и благоденствия настали в еврейском квартале старинного города Праги.

А что же Голем? Не видя больше никакой нужды в прогулках по улицам, Голем облюбовал себе местечко на лавочке перед домом и целыми днями блаженно жарился на солнышке. Бедная Перл, проходя мимо дремлющего верзилы, нет-нет да и бурчала себе под нос:

— Сидит! Хоть бы плиту растопил, хоть бы воды натаскал! Хоть бы помог мне донести корзину с рын-ка! Сидит целый день, как пень!

— Не вздумай занимать Йосефа домашней работой, — предупредил раби Лев жену, каким-то образом догадавшись о ее мыслях.

— Никто его ничем не занимает, — ответила Перл. — Но если бы у него была совесть, он сам бы предложил немного помочь.

— Во-первых, у него нет совести, — сказал раби Лев, — а во-вторых, он создан не для того, чтобы таскать твои корзины.

— Разумеется, — буркнула Перл, — он создан для того, чтобы дрыхнуть и уплетать все, что я ни сготовлю.

Но она была несправедлива к Голему. Ел он ничуть не больше, чем любой нормальный человек. Размышляя над этим вопросом, раби Лев пришел к выводу, что великая сила Голема берется не столько от еды, сколько от его близости к природе. Видно, запахи земли и солнечные лучи питали его могучее тело не хуже, чем обычная пища. Иного объяснения невозможно было найти.

Как бы там ни было, но Голем продолжал блаженствовать на лавочке перед домом, а Перл продолжала с утра до ночи крутиться, как заводная.

Попробуй-ка управься — накормить такую семью, да еще этот Йосеф! — убрать, постирать, сбегать на рынок, натаскать воды, растопить плиту, вымыть посуду, выкупать ребятишек, починить одежду, испечь халы к субботе... Что там говорить!.. А этот лентяй, этот бездельник все сидит и сидит, как будто нарочно взялся дразнить ее. Перл смотрела, смотрела и, наконец, однажды не выдержала.

Дело было перед праздником Песах. В эти дни у Перл всегда было особенно много работы. Все перемыть, перечистить, перетереть — ведь в доме не должно остаться даже крошки квасного, — перевернуть, перестирать, перетряхнуть, перекупать и нарядить детишек, да еще приготовить кушанья для праздничной трапезы человек на двадцать, а то и тридцать, поскольку раби Лев имеет обыкновение приглашать к ужину учеников, бедняков, а то и просто случайных прохожих. Впрочем, Перл и сама любила, чтобы в праздник Песах за столом собиралось побольше народу. Но каково все это закупить, притащить и приготовить!

И вот Перл скребла, терла, мыла и чистила до тех пор, пока у нее не скрутило спину. С трудом разогнувшись, она выползла на порог и увидела Голема. Тот сидел в своей обычной позе и грелся под лучами нежного весеннего солнышка.

— Так, — сказала Перл, — хватит тебе дремать и отдыхать. Я сейчас пойду на рынок, а ты тем временем натаскаешь в дом воды, понял?

И она ушла, оставив Голема в некотором недоумении. С одной стороны, раби Лев велел ему исполнять все свои приказания, но, с другой стороны, он не запретил ему исполнять иные приказания. И если даже предположить, что приказания чужих людей исполнять не следует, то Перл в этом доме не чужая, более того, она жена раби, что называется, его половина, и если он, Йосеф, обязан исполнять приказания одной половины, то, видимо, это правило распространяется также и на вторую. Итак, пораскинув теми мозгами, что у него имелись, Голем принялся за работу.

Когда Перл вернулась с рынка, она увидела такую картину, возле ее дома собралась толпа народу и все дружно кричали:

— Потоп! Потоп!

И действительно, из-под двери широким ручьем текла вода. Сбегая каскадом по ступеням, она разделялась дальше на два потока, один из которых устремлялся к реке, а другой продолжал течь по улице по направлению к синагоге. Перл выронила из рук и корзину, и кошелку и сама еле устояла на ногах. На ее счастье, в это время в конце улицы показался раби Лев. Он сразу понял, что произошло.

— Так-так... — сказал раби. — Господь наслал на землю потоп за грехи человеческие. А этот потоп наслала на нас моя глупая жена, не пожелавшая прислушаться к моим словам. От всей души надеюсь, что мои книги, по крайней мере, не пострадали.

Раби протиснулся сквозь толпу, распахнул дверь своего дома и увидел Голема, поспешавшего к колодцу во дворе. Мигом набрав в оба ведра воды, старательный работник бегом вернулся в дом, выплеснул всю воду на пол и тут же опрометью кинулся обратно к колодцу.

— Остановись! — приказал раби. — Больше воды не требуется. Голем тут же повиновался, как ни в чем не бывало, поставил ведра на лавку и не спеша вернулся на свое место на солнышке. С этих пор Перл не пыталась давать ему поручения.

— Как священные сосуды нельзя употреблять для обыденных нужд, — сказал раби, — так и Йосефа нельзя превращать в простого работника. Он создан с особой целью и должен соответствовать своему призванию.

Перл вынуждена была согласиться. Если эта дурья башка не понимает, что значит "натаскать в дом воды", то уж, конечно, лучше его не трогать.

Но с течением времени история с водой стала казаться Перл уже не такой ужасной, а тут как раз раби Лев нашел жениха для сиротки Мирьям. Собрали приданое и назначили день свадьбы. И снова на бедную Перл свалилось столько дел и забот, что она совсем

потеряла голову. А Голем по-прежнему сидел на лавочке.

— Уж если это не святое дело — выдать сироту за хорошего человека, — сказала Перл, — то я вообще ничего не понимаю в жизни. А нука, священный суд, подымайся и принимайся за работу. Прежде всего сходишь в деревню к рыбакам и купишь хорошего свежего карпа. Вот тебе деньги, а вот кошелка. Принесешь рыбу домой и отдашь мне прямо в руки, понятно? А потом пойдешь на рынок и купишь яблок, ясно?

Голем кивнул и отправился в деревню к рыбакам, где ему предложили замечательного, огромного, только что пойманного карпа. Голем купил его, уплатил, сколько сказали; сунул рыбу в кошелку и двинулся в обратный путь. Но карп не желал смиренно сидеть в кошелке, он вился, бился, подпрыгивал и выскальзывал наружу. Голем ловил его, запихивал поглубже, но через минуту все повторялось снова. Тогда Голем вытащил беспокойную рыбу из кошелки и сунул себе за пазуху. Уж отсюда-то ей было не выскользнуть. Но карп и тут продолжал биться и крутиться. И в тот момент, когда он хлестнул Голема хвостом по лицу, бедняга не выдержал. Ни один пражский хулиган не позволял себе по отношению к нему подобных выходок. Голем извлек наглеца из-за пазухи, треснул разок кулаком по башке и с размаху швырнул в реку. Затем он вернулся с пустой кошелкой домой и знаками объяснил Перл, как было дело и почему он не сумел исполнить ее приказания.

— Ничего себе богатырь, ничего себе силач! — сказала расстроенная Перл. — Как же я справлюсь со всеми этими делами?

Этого Голем не знал. Даже если бы он не был немым, он вряд ли сумел бы ответить на этот вопрос. Перл забрала у Голема кошелку и сама отправилась к рыбакам.

А Голем? Голем пошел на рынок. Ведь если первая часть поручения оказалась ему не по плечу, это еще не означало, что следует отказаться от выполнения второй. Он отыскивал ларек, в котором продава-

лись яблоки, и выложил денежки. Но поскольку денег после покупки злополучного карпа осталось не так уж много, яблок он получил самую малость. И это ему не понравилось. Он принялся знаками объяснять торговке, что она должна дать ему еще.

— Ишь чего выдумал! — возмутилась торговка.
— Хочет, чтобы за его гроши я отдала весь ларек!

Немного поразмыслив, Голем решил, что женщина права. Это именно то, чего он хочет. Он поднял ларек вместе со всеми яблоками и торговкой в придачу на плечо и двинулся домой. И сколько бедная женщина ни кричала, ни плакала и ни просила опустить ее на землю, Голем продолжал шагать со спокойным и невозмутимым видом. Подойдя к дому раби Лева, он остановился в некотором раздумье. Дело в том, что ларек не пролазил в двери.

— Надеюсь, — сказал раби Лев жене, — что уж теперь-то ты не станешь поручать Йосефу никакой домашней работы.

— Чтоб он провалился, твой Йосеф! — проговорила Перл в сердцах.

Успокоить визжащую торговку оказалось не так-то просто. Раби Лев и Перл долго слушали ее вопли и причитания, пока не догадались, наконец, пригласить ее на свадьбу Мирьям. Это несколько смягчило пострадавшую, и она почти утихла. Правда, прежде чем уйти, она взяла с раби слово, что ларек будет водворен на место.

Разумеется, после этого случая никто уже больше не пытался нарушать блаженного покоя Голема и поручать ему какие бы то ни было дела. Целый год, если не больше, просидел тот на солнышке без всяких мыслей и занятий, пока однажды Хая, младшая дочка раби, не пришла к отцу и не попросила:

— Папа, сделай мне маленького Голема.

— Зачем тебе маленький Голем? — спросил раби Лев, несколько растерявшись.

— Чтобы делал все, что я захочу, — ответила девочка.

— Но почему ты думаешь, что я могу сделать Голема? — поинтересовался раби.

— А как же! — сказала Хая. — Ты ведь сделал нашего Йосефа.

"Вот так история! — подумал раби. — Я был уверен, что во всей Праге об этом знают только три человека — я сам, Яаков бен Хаим-Сасон и Исаак бен Шимшон. Но если тайна Голема стала известной даже такой маленькой девочке, как Хая, то что же говорить обо всех остальных!.. Это никуда не годится!"

Раби Лев провел ночь без сна, а под утро решил, что вернет Голема туда, откуда он был взят. "Пока не случилось какого-нибудь несчастья", — сказал себе раби.

Повидавшись с Яаковым и Исааком, раби обсудил с ними план действий.

— Видите, — сказал раби, — наши враги оставили свои козни и больше не досаждают нам ни словом, ни делом. Император благоволит к нам, и мы уже не нуждаемся ни в какой защите. Я думаю, было бы неразумно и даже опасно удерживать Голема в Праге или вообще в Богемии.

— Куда же мы его денем? — спросил Яаков.

— Обратим его в прах, из которого он был создан, — сказал раби.

— Пусть будет так, — сказали Яаков и Исаак.

И вот в ночь на второе адара раби Лев поднялся на чердак Старо-Новой синагоги в сопровождении Голема. Яаков и Исаак уже поджидали их. Раби Лев достал из ларя, что стоял у стены, четыре свечи и зажег их. Все трое прочитали псалом, а затем раби Лев сказал Голему:

— Ложись и усни.

Голем повиновался, улегся на пол и тотчас крепко уснул. Раби Лев приблизился к нему и вытащил у него изо рта кусочек пергамента с начертанным на нем Именем Бога.

— Я — воздух, — сказал затем раби.

Повторяя священную формулу, он обошел вокруг Голема раз, и другой, и третий. После того, как он закончил первый круг, на чердаке потянуло ветерком. После второго круга ветер окреп и затушил одну свечу, после третьего это был уже не ветер, а настоящий вихрь. Все свечи потухли, и мгла окутала чер-

дак. Раби Лев продолжал ходить по кругу. После того, как он закончил седьмой круг, ветер вдруг утих.

— Теперь твоя очередь, Яаков, — сказал раби. — Ты — вода. Сделай семь кругов справа налево. — И он шепнул Яакову на ухо священную формулу.

Яаков двинулся вокруг Голема. После первого круга за окошком упала капля дождя, после второго дождь зашуршал по крыше, после третьего хлынул настоящий ливень. Яаков продолжал ходить и бормотать священные слова. Как только он завершил все семь кругов, ливень утих и прекратился.

— Теперь твой черед, Исаак, — сказал раби Лев. — Ты — огонь. Сделай семь кругов слева направо. — И он шепнул ему на ухо священную формулу.

Как только Исаак сделал первый круг, за окном полыхнула зарница. После второго круга сверкнула молния, после третьего огненный смерч прорезал небо. Удары грома заглушали голос Исаака, но тот продолжал ходить вокруг Голема. Когда он завершил все семь кругов, гроза и буря утихли.

Раби Лев вновь зажег потухшие свечи, и трое мужчин увидели, что Голем исчез, а посреди чердака вышляется куча красной земли. Воздух, вода и огонь покинули глиняное тело Голема, и он опять стал тем, чем был всегда — прахом.

Раби Лев задул свечи. Трое мужчин молча покинули чердак. Раби Лев запер за собой дверь и спрятал ключ в такое место, где его никто не мог бы найти. С тех пор никто и никогда не подымался по лестнице, ведущей на чердак Старо-Новой синагоги, хотя сама синагога стоит в Праге и по сей день.

РАВВИН И МЫЛОВАР

ли однажды вместе раввин и мыловар.

— Что толку в еврейской религии? — спросил мыловар. — Посмотри, сколько бед и страданий в мире! Не помогают ни ты-

сячи лет познания добра, правды и справедливости, ни изучение Торы, ни мудрость праведников, ни высокие идеалы пророков. Если наша вера на самом деле истинна, почему все так плохо?

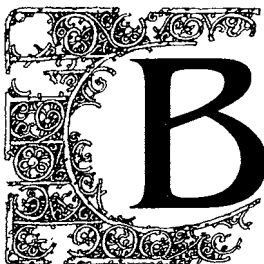
Ничего не ответил раввин. Пошли они дальше, видят — ребенок в сточной канаве играет. Весь грязный, перепачканный. И сказал раввин:

— Посмотри на этого ребенка. Ты говоришь, мыло людей от грязи отмывает, а он весь в грязи. Что толку в мыле? Его в мире хоть отбавляй, а ребенок остается грязным. Вот я и спрашиваю, так ли уж помогает мыло?

— Но, раби, — возразил мыловар, — не может помочь мыло, если им не пользоваться.

— Верно! — оживился раввин. — Так же и с нашей религией. Она не помогает, если не исповедовать ее изо дня в день всю жизнь!

ОХОТНИК И ПТИЧКА

давние времена жил один охотник. Мнил он о себе невесть что и так уверенно бахвалился перед людьми, что они поверили, будто и впрямь наделен он необычайными свойствами, и стали обращаться к нему за со-

ветами по всяким поводам. Если совет помогал, похвалялся охотник, что получил его от самого Бога, а если вредил — сваливал вину на того, кто к нему обращался. "Совет-то мой был хорош, — говаривал он, — да ты меня неверно понял, вот и не пошел он впрок".

Однажды отправился охотник в лес и расставил сети на птиц. Вскоре попалась в них красивая птичка. Она умела разговаривать человеческим языком и сказала охотнику так:

— Ты поймал меня, о, великий охотник. Но зачем я тебе? Что толку в птичке-невеличке? Продашь меня — много не выручишь, сам съешь — убедишься, что мясо мое не очень-то вкусное. Если же надумал ты посадить меня в клетку и выставить напоказ, то, клянись, я опозорю тебя перед всеми людьми. Расскажу им, какой ты хвостун. А воры придут — покажу, где ты прячешь свое богатство. Зато, если ты отпустишь меня на волю, позволишь вернуться в далекий край, откуда я прилетела, я дам тебе три совета, которые пригодятся тебе на все случаи жизни.

Охотник, как вам уже известно, очень гордился своим мнимым умением давать людям советы, так что птичка задела его за живое.

Желая проверить ее мудрость, он сказал:

— Ладно, будь по-твоему. Отпущу тебя на волю, но сначала дай мне свои хорошие советы.

На это мудрая птичка ответила:

— А что, если ты меня обманешь? Я раскрою тебе мои секреты, а ты возьмешь да и не отпустишь меня. Нет уж, сначала поклянись, что сдержишь свое слово.

Охотник поклялся.

Тогда птичка сказала:

— Садись под дерево и слушай мои наставления, которые тебе пригодятся на всю жизнь. Во-первых, запомни: никогда не старайся вернуть упущенного, как бы тебе того ни хотелось. Что упущено, то пропало. Во-вторых, если станут тебе рассказывать всякие небылицы, не верь в них — только дураки на них падки. И в-третьих, не берись за непосильное дело — добром это не кончится.

Выслушал охотник все наставления и подумал про себя: "А птичка-то и впрямь не глупа!" И решил он еще поднабраться от нее мудрости.

— А не знаешь ли ты и другие секреты? — спросил он. — Не поучишь ли меня еще уму-разуму?

— Знаю я еще одну мудрость, — ответила птичка, — но сначала ты выполни свое обещание, отпусти меня на волю, а уж тогда я тебе раскрою секрет.

Охотник так и сделал. Взмахнув крылышками, вылетела птичка из сетей и, усевшись на самой верхней ветке, сказала:

— Глупый ты человек! Дал мне улететь, а у птиц моей породы в сердце спрятаны редчайшие драгоценности! Даже в царской короне таких нет.

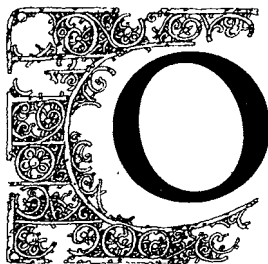
И птичка весело защебетала, насмехаясь над чванливым охотником.

Вы, конечно, представляете себе, в какую ярость пришел охотник, упустив такую добычу. Он полез на дерево, добрался до нижней ветки, стал карабкаться дальше, чтобы снова поймать птичку, но сорвался и, падая, сломал ногу. Охая от боли, он едва встал..

А птичка засмеялась и сказала:

— Вот видишь, как я была права! Говорила же тебе: упущенного не вернуть, и не старайся. А ты, выпустив меня из сетей, решил поймать снова. Во вторых, предупреждала я тебя: не верь небылицам. А ты, глупец, поверил, что в сердце у меня спрятан клад. Да это же сущая небылица! Бог никогда не создавал ничего подобного. И в-третьих, я тебя ведь предостерегала: не берись за непосильное дело. А ты полез на дерево. Ты же всего лишь человек, и место твое на земле. Стоит тебе от нее оторваться — и нет в тебе силы. А ты решил взобраться на доступную тебе высоту, да еще птичку поймать! Ведь только для птиц Бог проложил небесные пути. И, взмахнув крыльями, улетела птичка далеко-далеко, оставив охотника наедине с его думами.

СТЕКЛО И ЗЕРКАЛО

дин богатый, но скупой человек не считал, что нужно помогать тем, кто беднее его. Однажды позвал его к себе раввин и спросил:

— Поможешь бедной семье? Этим людям не на что купить ни хлеб, ни лекарства.

— Нет, — ответил богач, — не хочу раздавать свое добро.

Вышел раввин в другую комнату и вернулся оттуда с ручным зеркалом.

— Посмотри в зеркало и скажи, что ты в нем видишь, — сказал он.

Богач рассмеялся:

— То же самое, что увидел бы во всяком другом зеркале: свое отражение.

— А теперь, — сказал раввин, — посмотри в окно и скажи, что ты видишь на улице.

— Ничего особенного, — сказал богач, глядя в окно. — Улица как улица. Вон женщина спрашивает, как пройти куда-то. Ребенок играет в капитана, ведущего корабль. Люди сидят на скамейке и о чем-то беседуют. Старик переходит дорогу, опираясь на палку. И зачем тебе понадобилось, чтобы я смотрел на улицу? Ничего особенного там не происходит. Обычная жизнь.

— Вот-вот, — воскликнул раввин, — как раз это я и хотел тебе объяснить. Глядя в окно, человек видит жизнь, а глядя в зеркало — себя. Зеркало — всего лишь кусок стекла, такого же, как в окне. Но с обратной стороны оно покрыто серебром, которое заслоняет от тебя все на свете. Поэтому ты и видишь только себя. Так же и с твоим богатством. Оно, как серебро на зеркале, мешает тебе разглядеть, что происходит вокруг — на улице, в домах бедняков, в синагоге. Не смотри в зеркало своих богатств, смотри в оконное стекло — и ты увидишь настоящую жизнь.

Смущенно потупился богач, а раввин вышел из комнаты, оставив его наедине со своими мыслями.

ТРИ ВЕЛИКИХ ЧЕЛОВЕКА

Царь наложил суровый запрет на жителей своего города. Он собрал стражников и сказал:

— Смотрите, чтоб никто не выходил из дому после полуночи. Тот, кто в это время попадетсЯ на улице, будет казнен.

Однажды стражник, обходя город, заметил трех человек, а дело было за полночь. Остановил он их и очень строго сказал:

— Вы что, не слышали царского указа?

— Слышали, конечно, — сказал один из них, — только мне указ нипочем. Кто посмеет казнить меня? Передо мной все люди, хоть простые, хоть знатные, шапки снимают и даже короны.

"Видать, он и впрямь знатный человек, — подумал стражник. — Всем царям царь. Если я его задержу, не обобраться хлопот".

— И меня не смей трогать, — сказал второй. — Сыновья самих царей да великих князей обязаны меня слушаться.

"Ясное дело, — подумал стражник. — Он, поди, один из знатнейших вельмож в нашем царстве. Не стоит с ним связываться".

— Да и мне не мешай прогуливаться, — сказал третий. — Без меня ни один царь не наденет свои наряды.

"Видать, еще один из знатнейших князей в нашем царстве. Не стану его задерживать", — решил про себя стражник, а вслух почтительно сказал:

— Так-то оно так, господа благородные, только не могу я позволить вам ходить по улице после полуночи. Если узнает мой начальник, что я вас не задер-

жал, мне несдобровать. Не желаете ли до утра побыть в моем скромном доме?

Наутро привел он их к царю. И спросил царь первого из них:

— Ты говорил стражнику, что цари перед тобой шляпу снимают и даже корону. Кто же ты такой?

— Парикмахер я, ваше величество, — ответил тот.

Спросил царь второго:

— А ты говорил, что сыновья царей и князей обязаны тебя слушаться. Кто же ты?

— Учитель я, ваше величество, — ответил второй.

Спросил царь третьего:

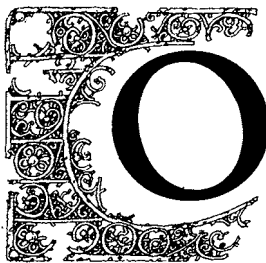
— Ты говорил, что без тебя цари свои царские одежды не наденут. Кто ты такой?

— Я портной, — ответил тот.

Тогда царь сказал:

— Вы на самом деле великие люди в царстве, поэтому не стану вас наказывать. Возвращайтесь с миром домой.

НИКУДЫШНЫЙ РАЗБОЙНИК

дин еврей потерял все свои деньги на неудачной сделке. Так разорился, что в один прекрасный день ему не на что было купить хлеб голодной семье. Пришлось бедному еврею пойти на крайности.

"Всемогущий Бог, — сказал он, — чего я только ни делал, чтобы прокормить семью честным путем, но все напрасно. Могу ли я сидеть сложа руки и смотреть, как бедствует семья? Нет! Так придется мне стать разбойником с большой дороги".

Взял он кухонный нож и пошел в лес поджидать жертву. Спрятался за куст, сидел, сидел — никто не идет. А тут и солнце заходить стало, и он, как благо-

честивый еврей, начал читать вечернюю молитву. Только он принялся за чтение — показалась телега, а на ней еврей сидит.

Не желая прерывать молитву, тот, кто решил стать разбойником, сделал путнику знак рукой, чтобы подождал. Тот подождал. Закончив молиться, грабитель подошел к нему и сказал:

— Шалом алейхем. Я разбойник. Давайте сюда деньги, пожалуйста.

— Как это я могу отдать деньги! — возразил проезжий. — Я бедный человек, еду на базар немножко заработать, чтоб семью прокормить. Дома — хоть шаром покати, и меня ждут голодные дети. Если я вернусь с пустыми руками, они же умрут!

— Ладно, — сказал новоявленный разбойник, — раз так, не надо денег, отдавайте подводу с лошадьми.

А проезжий опять возражает:

— Как же я без подводы на базар попаду? Как куплю и перепродам товар? Как доставлю его заказчиком?

Тут разбойник злиться начал:

— Ну, хоть кафтан давайте!

— И кафтан отдать не могу — ответил проезжий. — Зима на носу. Что же я надену, когда ударят морозы?

Теперь разбойник совсем разозлился:

— Ах так! Сейчас же отдавайте... отдавайте.. цирку!

Разжившись такой малостью, он решил, что из евреев разбойники не получают, и отправился — домой.

ПОТЕРЯННАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Жила в древнем Риме императрица, и была у нее замечательная жемчужина, которой она очень дорожила. Однажды во время прогулки жемчужина выпала из короны и — как в воду канула. Искала она ее и во дворце, и на улице, и в саду, и на базаре — нигде нет, пропала.

Объявила императрица: "Кто найдет жемчужину и вернет ее в течение тридцати дней, получит большое вознаграждение. Если же в указанный срок нашедший жемчужину ее не вернет, он будет казнен".

В это время ехал раби Шмуэль из Страны Израиля в Рим и услышал указ императрицы. Уже в Риме, идя по улице, он нашел жемчужину и понял, что это и есть та самая, которую императрица потеряла. Подобрал он ее, принес на постоялый двор и стал ждать, пока пройдет тридцать дней. На тридцать первый день понес он жемчужину во дворец.

— Когда ты нашел ее? — спросила императрица мудрого и богобоязненного еврея.

— В тот самый день, когда вы ее потеряли, как раз после объявления указа, — ответил он.

— Ты хочешь сказать, — удивилась императрица, — что слышал мой указ, знал, что нашедшему отрубят голову, если он не вернет жемчужину в течение тридцати дней, и молчал?

— Да, ваше величество, — ответил раби Шмуэль. — Я слышал указ. Все его слышали. Ваши гонцы трубили о нем на весь город.

— Почему же ты сразу не вернул жемчужину? — недоумевала императрица.

— Потому что хотел, чтобы вы поняли, что я возвращаю ее не ради вознаграждения и не из-за того, что боюсь казни, а из страха перед Богом, из желания следовать Его Учению. Ибо сказано в Торе:

"Что бы ни потерял твой ближний, ты должен вернуть ему, если найдешь".

Тогда императрица почтительно склонилась и сказала:

— Благословен Бог Израиля!

ДЫРОЧКА В ЗАБОРЕ

Приехал купец в дальний город товар закупать. Было у него в кошельке пятьсот золотых монет. "Если деньги при мне будут, их могут увидеть и украть, — подумал он, — спрячу-ка их, пока не понадобится расплачиваться за товар". Нашел он укромное место, вырыл ямку в земле и спрятал в нее кошелек, не заметив, что кто-то за ним подглядывает.

Только он отошел, как тот, кто подглядывал, выбежал из своего укрытия, откопал кошелек — и был таков.

Спустя несколько дней купец пришел за деньгами, искал, искал — нет кошелька. У него сердце оборвалось. "Ой, что же делать! — застонал он. — Все мои деньги пропали!" Оглядевшись внимательно по сторонам, он заметил дырочку в соседнем заборе. "Наверно, хозяин этого дома видел, как я деньги прятал", — решил он и тут же придумал, как их обратно заполучить.

Пошел купец к хозяину дома и представился ему: я, мол, купец из дальних краев, хочу познакомиться с порядочным человеком в этом городе.

— Слыхал я, что вы человек честный, — сказал он, — и прошу вас оказать мне услугу.

— Какую? — спросил бессовестный хозяин, который, как и предполагал купец, украл кошелек.

— Дело вот в чем. Приехал я товар закупать и привез с собой два кошелька с деньгами. В одном —

пятьсот золотых монет, в другом — восемьсот. По приезде я не знал никого, кому бы мог довериться. Что же я сделал? Пошел в укромное место и спрятал там кошелек. Теперь хочу спрятать и второй. Вот я и спрашиваю у вас совета: спрятать ли его в то же место, где первый, или отдать кому-нибудь на хранение? Видите ли, у меня здесь в городе есть дальние родственники, но я боюсь им доверить, не посоветовавшись с вами, потому что не знаю, какой славой они в городе пользуются. Так что вы мне посоветуете?

Почуввав возможность завладеть и вторым кошельком, вор поспешил ответить:

— Упаси вас Бог доверять людям, которых вы не знаете. И мне в том числе, — добавил он, чтобы не навлечь на себя подозрение. — Послушайтесь моего совета, сходите на то место, где вы спрятали первый кошелек, и посмотрите: если он никуда не делся, значит, место надежное, и лучше всего туда же и второй спрятать.

Чужеземец горячо поблагодарил за совет и сказал, что так и сделает.

Только купец ушел, схватил вор украденный кошелек, быстренько положил его на место, а сам спрятался за забором и стал подглядывать в дырочку, ожидая, когда купец придет второй кошелек прятать.

Купец же, найдя свои деньги, понял, что хитрость его удалась, очень обрадовался, забрал кошелек, и ноги его больше в этом городе не было.

А бессовестный хозяин дома так и ждет за забором, подглядывая в дырочку.

ЗАРЫТЫЙ КЛАД

ил в небольшом городке человек, и было у него два сына. Состарившись, раздал он перед смертью все свои деньги бедным. Сыновья слова не сказали, но про себя подумали:

"Почему это отец все деньги бедным раздает, а нам ничего не оставляет?" Понял мудрый отец, что у них на уме, и сказал:

— Дорогие мои сыновья, я скоро умру. Но я собрал большое богатство — целый клад, который после моей смерти достанется вам.

— Клад! — обрадовались сыновья. — Где же он? Где клад?

Посмотрел на сыновей старик-отец и сказал:

— Он зарыт у нас на большом поле, которое вы получите в наследство вместе с кладом. Когда меня уже не будет, пойдите на поле, отыщите клад и станете богачами.

Вскоре старый отец умер.

На следующий день пошли братья искать клад. Копали, копали — нет клада. Долго искали, наконец, один брат сказал:

— Гляди-ка, мы все поле уже перекопали, да так ничего и не нашли. Как были бедняками, так и остались.

— Твоя правда, — ответил другой брат, — бедняки мы и есть. Но раз уж мы перекопали все поле, давай засеем его пшеницей.

Так они и сделали. Хлеба взошли высокие. К концу жатвы у братьев оказались полные амбары пшеницы, да такой хорошей, что они выручили за нее на базаре много денег и очень довольные вернулись домой.

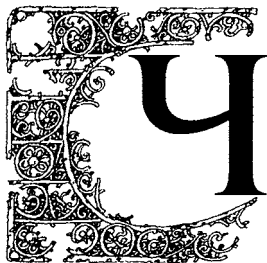
По дороге старший брат вдруг остановился, посмотрел на вырученные деньги и рассмеялся:

— Так вот он где, наш клад! Его-то и имел в

виду отец, когда говорил, что мы найдем клад, если перекопаем поле.

— Верно,— согласился младший,— наш труд и есть наш клад.

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Чтобы получилась мука, мельники растирают зерно между двумя огромными камнями — жерновками те камни называются. Нижний камень укреплен неподвижно, а верхний вращается на нем, и получается хорошая мука или, как говорят, мука тонкого помола для выпечки хлеба.

Молодому человеку наскучила жизнь в местечке. Покинул он дом и отправился на заработки в большой город. Там он стал продавцом в лавке, скопил денежки и купил себе красивые наряды, хорошие ботинки, а главное — золотое кольцо с драгоценным камнем. Поехал он навестить родные края и стал прогуливаться по улице, чтобы покрасоваться перед людьми.

Все местечко сбежалось посмотреть на городского франта. Любовались его нарядом, расспрашивали об успехах в большом городе. А он расписывал, какие там богатства, костюмом хвастался, ботинками, а пуще всего — кольцом с драгоценным камнем. Так стоял он в окружении восхищенных земляков, когда подошел к нему мельник и при всех спросил:

— Скажи, пожалуйста, много ли работы может выполнить твой камень?

— Бриллиант никакой работы не выполняет,— рассмеялся новоявленный горожанин.— Драгоценный камень — не инструмент. Достаточно того, что он просто существует.

— Мне известны драгоценные камни, которые еще и работой заняты,— спокойно сказал мельник.

— Неужели? — насторожился глупый молодой человек. — Хотел бы я на них посмотреть!

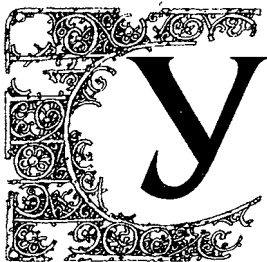
— Охотно тебе их покажу, хоть сейчас, — сказал старик. — Благо, далеко ходить не надо. Они побольше и подороже твоего. Пошли со мной, посмотришь.

— Они продаются? — спросил жадный молодой человек, надеясь заработать на драгоценных камнях.

Привел его мельник к себе домой и показал на мельницу, которая стояла как раз напротив.

— Видишь вон те большие камни? Жерновами называются. Они и побольше твоих бриллиантов, и подороже, да еще и работают каждый день на меня и на всех наших жителей. Не чета твоим!

БОГАЧ И ЕГО СЫН

У одного богача был очень ленивый сын, который терпеть не мог работать, а любил целый день бездельничать. Досыта ел, вволю пил, да еще и деньги на ветер пускал. Отец своими силами из бедняков выбился и поэтому хотел научить сына ценить и труд, и деньги. Повез он его в дальний город, определил к помещику, у которого была большая, хорошо налаженная усадьба, и договорился, что сын будет учиться хозяйство вести, а за работу в первый год получит всего сто рублей.

Зная, что у паренька богатые родители, хозяин не слишком строго с него спрашивал и хорошо с ним обходился: позволял много отдыхать и прилично одевал.

Когда год прошел, получил парнишка заработанные деньги и, вернувшись домой, отдал их отцу.

Отец взял деньги, повел сына к реке и у него на глазах выбросил их в воду. А тот не очень-то задумался над странным поведением отца и совсем не

огорчился из-за потери денег.

На следующий год отец определил сына к другому хозяину, который тоже положил ему за год всего сто рублей и тоже, зная о его богатых родителях, обходился с ним мягко: работой не перегружал, сытно кормил, хорошо одевал. Через год вернулся сын домой и снова отдал деньги отцу. Как и в прошлый раз, отец выбросил их в реку. Деньги пропали, а сыну и горя мало.

Теперь он уже подросток, стал высоким и сильным. На следующий год опять определил его отец к другому хозяину, но не сказал, что парень ему сыном приходится. И о зарботке не договаривались, условились только, что будет обучаться юноша вести хозяйство.

С первого же дня хозяин заставлял его работать от зари до зари, кормил скверно, одевал и того хуже. Работа была тяжелой для парня, привыкшего к легкой жизни. Целый день он трудился в поте лица, а хозяин с него глаз не спускал. Только он останавливался дух перевести, как тот его лентяем обзывал и кричал:

— Ты что же, хочешь, ничего не делаая, деньги получать?

Но мало-помалу привык парень к тяжелой работе. Вскоре он так хорошо ее выполнял, что хозяин иногда даже хвалил его.

Так прошел год. Одежда юноши изорвалась вкопец, руки загубели. Распрощался с ним хозяин, заплатив за весь его труд всего сто рублей. Снова вернулся парень домой, снова отдал деньги отцу и снова тот повел его к реке. Собрался уже было отец выбросить деньги, но сын схватил его за руку:

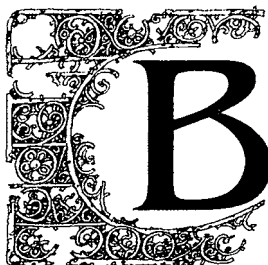
— Отец, не выбрасывай денег!

— А какая разница, выброшу я их или нет? — удивился отец. — Ты же получишь в наследство все мое богатство!

— Нет, отец, пожалуйста, не выбрасывай. Эти деньги я заработал тяжким трудом, поэтому они мне дороги.

Порадовался отец, видя, как сын переменился.

ОТРАЖЕНИЕ

Выстроил царь роскошный дворец и велел двум своим лучшим художникам расписать две противоположные стены в огромном зале для приема гостей.

— Только каждый пусть расписывает по своему замыслу, не глядя на работу другого, — сказал царь.

Один живописец был трудолюбив, второй — страшный лентяй. Трудолюбивый сразу же взялся за кисть. Рисовал он долго, вкладывая в работу всю душу, день и ночь обдумывал сюжеты, делал наброски — словом, тяжело трудился. Наконец, отведенная ему стена была разрисована чудесными картинами: создание птиц и зверей при сотворении мира, сцены в раю, которые он сам придумал, красавица Сара*, величественный Моше, библейские герои... Картины были как живые.

Второй художник бил баклуши, день и ночь кутил в компании пьянчуг и думать забыл о назначенном сроке, а когда ему напоминали, говорил:

— У меня времени — хоть отбавляй. Вот найдет на меня вдохновение — мигом все сделаю. Я не похож на моего собрата, это ему нужно работать не покладая рук, а я гений и за один день нарисую то, над чем он будет просиживать ночами.

Так проходили день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, а тут, глядишь, и год кончается, и до назначенного срока остаются считанные дни.

Взглянув, наконец, на свою пустую стену и увидев, что противоположная уже вся расписана, схватился ленивый художник за голову. Три дня и три ночи обдумывал он, что бы такое сделать, и придумал-таки! Он даже подпрыгнул от радости.

*Сара — прапраматерь еврейского народа, жена Аврагама. Тора рассказывает о ее необычайной красоте.

Наутро купил лентяй оранжевой краски, выкрасил свою стену, да так отполировал, что она заблестела как зеркало.

Когда наступил назначенный срок, пригласил царь на открытие зала много знатных гостей. Войдя туда, направились они к стене трудолюбивого живописца и начали восхищаться его картинами — ничего красивее они в своей жизни не видели.

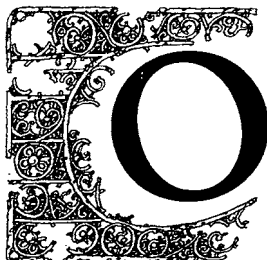
Наконец, приказал царь раздвинуть занавес, разделявший зал на две части, и все повернулись к стене ленивого художника. А на ней... те же картины! Каждая черточка, каждая точка неотлично похожи — ну, прямо, как две капли воды!

Царь сразу все понял, но ничего не сказал. Он даже похвалил ленивого художника за такое сходство. Однако, когда пришло время расплачиваться, царь ему отомстил.

Он велел принести два мешка золотых монет и высыпать их возле стены трудолюбивого художника — золото отразилось на противоположной стене.

Указывая на нее рукой, обратился царь к ленивцу: — Вот твое вознаграждение. Бери себе это золото, оно блестит не хуже того, что лежит у стены напротив. Только его ты и заслужил за свой труд.

ЧВАНЛИВЫЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

днажды кузнец, сапожник, плотник, мельник и портной повстречали земледельца.

— Я самый главный, — сказал он, — и работа моя важнее вашей. Если я не буду пахать, сеять и жать, вы без

пищи останетесь.

Услышав такие слова, все рассердились. На следующий день, когда земледелец работал в поле, у его телеги сломалась ось. Пришел он к кузнецу и говорит:

— Сделай милость, почини поскорей ось.

— Не стану чинить,— отвечает кузнец.

— Почему? — спрашивает пахарь. — Я в жатву без повозки как без рук.

— Говорил ты вчера, что главнее всех и работа твоя самая важная? — засмеялся кузнец.— Вот теперь всем и скажи, что земледельцу без кузнеца как без рук.

Стал его пахарь упрашивать, а тот свое твердит:

— Заяви при всех, что я без тебя могу обойтись,— почию.

Пришлось-таки земледельцу заявить во всеуслышание: "Кузнец без земледельца обойтись может, а остальные — нет". Тогда кузнец починил ось.

А сапожник, плотник, мельник да портной сердились по-прежнему.

Наступила пора собирать урожай. Приходит пахарь к сапожнику и просит сшить сапоги.

— Не буду,— говорит сапожник.

— Почему же? — спрашивает пахарь. — Каково мне босиком по колючей стерне ходить!

— Скажи при всех, что сапожник обходится без земледельца,— сошью,— засмеялся сапожник.

Делать нечего, пришлось чванливому пахарю заявить, что не только кузнец, но и сапожник без земледельца обходится, а остальные — нет.

Когда миновала пора жатвы, пришел земледелец к мельнику и просит зерно смолоть.

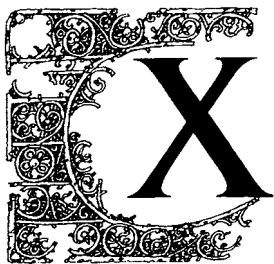
— Не буду,— говорит мельник,— сначала заяви при всех, что и мельник без земледельца обходится.

Пришлось тому снова при всем народе признать: не только кузнец да сапожник, но и мельник без земледельца обходится.

Так было и с плотником, и с портным, пока, наконец, совсем пристыженный земледелец не заявил перед всем городом:

— Как всем не обойтись без земледельца, так и земледельцу не обойтись без всех.

КАКОВО БЫТЬ БЕДНЫМ

Холодной зимней ночью жена сапожника родила ребенка. Сапожник был так беден, что ему не на что было купить ни хлеба, ни дров. Побежал он к раввину. Тот, как обычно, сидел над Торой. Излил перед ним сапожник свою душу.

— Я и сам беден,— сказал раввин,— ничем не могу тебе помочь. Пойдем к одному из богачей нашего местечка, посмотрим, не поможет ли тебе он.

Подошли они к роскошному дому самого богатого человека в местечке и постучались в дверь.

— Кто там? — спросил сонным голосом богач.

— Это я, раввин.

Богач встал с постели, быстренько оделся и открыл дверь.

— Входите, раби, — любезно пригласил он.

— Да нет, спасибо,— сказал раби,— давайте поговорим здесь.

— Зачем же,— возразил богач,— на дворе собачий холод, у меня зуб на зуб не попадает.

— Времени жаль, — сказал раби, — дело у нас срочное.

— Хотя бы дверь закройте,— раздраженно сказал богач,— не переносу такого холода.

Начал раби рассказывать про Тору, которая велит помогать бедным, про Аврагама и трех его гостей, приводил слова пророка Йешаягу *, напоминал, чему учили другие пророки, что написано в Талмуде, что сказано в мидрашах, вспоминал разные случаи из жизни, приводил нравоучительные примеры...

— Раби, переходите к делу,— не выдержал бо-

* Йешаягу — пророк, живший во времена царя Хизкиягу (VI в. до н. э.)

гач,— я помираю от холода!

— Так в этом же все дело и состоит,— оживился раби.— У вас всего несколько минут дверь открыта, вы уже замерзаете, а каково приходится этому бедняку! Жена у него только что родила, а ему нечем отопить дом, детишки сидят голодные. Видите, насколько ему хуже, чем вам! Вы и пяти минут лишений не можете выдержать, а он терпит их всю жизнь!

Дал богач сапожнику много денег, и тот с равным разошлись по домам, радуясь, что не нарушена заповедь помогать ближнему.

ПО-ДРУЖЕСКИ

Нерадивая хозяйка положила на подоконник только что испеченный хлеб студиться. А в это время мимо пробежали прожорливая кошка и голодная собака. Оба прыгнули на горячий каравай и сбросили его на землю. Они встали над ним, задрав хвосты; кошка сердито шипела, собака грозно рычала.

— Это мой каравай,— сказала кошка,— я первая его увидела.

— Нет, мой,— сказала собака,— это я его сбросила на землю.

На ветке вяза, что нависла над домом, сидел старый хитрый филин. Увидев, как ссорятся кошка с собакой, он слетел вниз и сказал:

— Не ссорьтесь, вы же друзья. Все мы друзья между собой. Я помогу вам решить спор. Поговорим спокойно. Из-за чего у вас раздор получился?

— Эта жадина-кошка заявляет, что весь каравай должен ей достаться,— сказала собака.

— Все утро выслеживала я, пока хозяйка хлеб испечет, и, дождавшись, когда она положила его на подоконник, прыгнула за ним. А эта обжора-собака

навалилась на него и заявляет, что он достанется ей! — закричала кошка.

— Если вы существа разумные, отойдите оба от хлеба, и я улажу дело по чести и совести,— сказал филин.— Вы мне доверяете?

— Ладно,— согласились они,— мы тебя послушаемся.

Взял филин весы, аккуратно разделил каравай на две неравные части и положил на чаши весов. Одна из них, конечно, опустилась ниже другой.

— Ты что же, не можешь сделать куски одинаковыми? — разозлилась кошка и грозно выгнула спину дугой.

— Сейчас постараюсь,— сказал филин. Он отщипнул большой кусок с нижней чаши. Теперь перевес оказался на другой стороне. Тогда филин отхватил большой кусок с другой стороны. Снова перетянула первая чаша. И так раз за разом отщипывал хитрый старый филин от вкусного каравая, пока на весах не осталось по крохотному кусочку с каждой стороны.

— Стоит ли друзьям ссориться из-за такой малости? — сказал он, съел оба кусочка и, смеясь, взлетел на верхнюю ветку высокого вяза.

НАГРАДА

Н икогда еще не сваливалось на бедного портного такое счастье! Шел он, понутив голову, по дороге и вдруг видит — кошелек под кустом лежит, а в кошельке, к его великой радости, двести золотых монет оказалось.

Но недолго длилось счастье. Вечером в синагоге служка объявил, что первый богач местечка потерял кошелек с деньгами и просит того, кто его нашел, вернуть кошелек, как и положено по Закону, а он, со своей стороны, обещает щедрое вознаграждение.

Целый день бедный портной боролся со своей совестью. "Ничего с богачом не станет! Не обеднеет! А у тебя жена и дети вот-вот с голоду помрут",— говорило в нем Зло.

"Нет,— говорило в нем Добро,— это не твои деньги, а в Торе сказано: нашел чужое добро на дороге — верни хозяину".

Охая и вздыхая, постучался бедный портной в дом богача, дрожащей рукой протянул ему кошелек и сказал:

— Вот ваши деньги. Мне они нужны больше, чем вам, но я не могу нарушить заповедь. Забирайте свой кошелек и давайте мне вознаграждение.

"Ну и дурак же этот портной,— подумал про себя богач.— Вернуть такие деньги! Этому болвану и вознаграждение-то не стоит давать, можно и не сдержать обещания". Поэтому вслух он сказал:

— Вознаграждение? Никакого вознаграждения тебе не положено. В кошельке было триста золотых монет, а теперь, я смотрю, в нем только двести. Сто ты украл. Ты — вор.

— За мою честность меня же еще воров обзывать! — закричал бедный портной. — Скупердяй паршивый! Я с тебя получу вознаграждение, как ни вертись!

Назавтра раввин уже разбирал жалобу бедного портного. Обидчик и обиженный стояли перед ним, а все местечко сбегалось послушать, какое решение вынесет раби.

— Вы утверждаете, что в кошельке было триста золотых монет? — спросил раввин богача, пристально глядя ему в глаза.

Богач был известен своей скупостью.

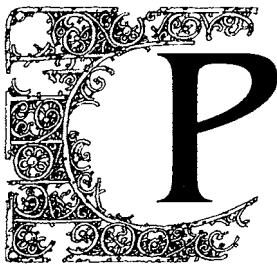
— Да,— сказал богач,— в кошельке было триста монет, он вернул только двести. Сто украл, да еще и вознаграждение требует. Нахальство какое!

— Значит, так,— сказал раввин,— в том кошельке, что вы потеряли, было триста монет, а в том, что нашел бедный портной,— только двести. Ясно, что портной нашел не ваш кошелек. А по закону, если нельзя обнаружить хозяина потери, она переходит к тому, кто ее нашел. И потому вот мое решение: ко-

шелек переходит к портному, и делу конец!

Всем очень понравилось мудрое решение раввина. Так богачу и надо! Пусть не нарушает слова!

ТОЧНЫЙ РАСЧЕТ

Рассказывают, что известный поэт и ученый раби Аврагам ибн Эзра* плыл однажды на корабле в далекие края с пятнадцатью учениками. На этом корабле плыли еще пятнадцать пиратов не считая команды и капитана. Однажды подул такой сильный ветер, что волны поднялись высотой с гору. Корабль вертело и крутило как щепку. Борта скрипели и трещали.

Капитан заявил, что, если не избавиться от лишнего веса, корабль утонет, и все найдут себе могилу на дне морском. Поэтому он приказал команде отобрать половину пассажиров — пятнадцать человек — и бросить их за борт.

Раби Аврагам понял, что его ученикам грозит опасность. Что же он сделал? Пошел к капитану и сказал:

— Я вас понимаю. Пятнадцать человек нужно бросить за борт, другого выхода нет. Лучше, чтобы погибла только половина пассажиров, чем все. Но как вы не боитесь решать за Бога, кому остаться в живых, а кому умереть? Вы что, Его посланник на земле?

— Что же мне делать, раби? — спросил, растерявшись, капитан. — Если не избавиться от лишнего веса, через пару часов мы все будем на дне морском.

— Я вот что советую, — сказал раби Аврагам. —

*Раби Аврагам ибн Эзра — известный исследователь Торы, философ, поэт, врач, астроном и грамматик (XI-XII вв.). Много путешествовал — в частности, по Средиземноморью.

Бросим жребий, и пусть Бог решает.

Капитану совет понравился, и он спросил:

— А как будем бросать жребий?

Раби Аврагам ухватился за возможность спасти своих учеников, столь отверженных изучению Торы, и ответил:

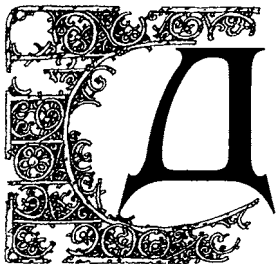
— Мы с вами рассадим пассажиров в круг и будем отсчитывать слева направо. Каждого девятого бросят за борт. Пройдя первый круг, продолжим отсчет, начиная с того, кто окажется следующим за тем, на кого пал жребий, и так, пока не наберем пятнадцать человек.

Капитан обрадовался такому выходу из столь сложного положения и согласился. Раби Аврагам рассадил всех пассажиров в следующем порядке: четыре ученика — пять пиратов — два ученика — один пират — три ученика — один пират — один ученик — два пирата — два ученика — три пирата — один ученик — два пирата — два ученика и один пират. Отсчет начался с первого из четырех учеников и пошел по часовой стрелке.

Когда жеребьевка кончилась, выяснилось, что каждый девятый, которому выпал роковой жребий, оказался пиратом, и таким образом все пираты погибли, а все ученики остались в живых.

Хотите проверить — посчитайте сами.

СКОЛЬКО ПРИЧИТАЕТСЯ КАЖДОМУ?

Двое заблудились в лесу. У одного было с собой пять ломтей хлеба, у другого — три. Бродили они, бродили и повстречали еще одного заблудившегося, у которого и вовсе не было никаких припасов. Как хорошие евреи они поделили хлеб между всеми. К счастью, спасение пришло как

раз, когда у них кончилась провизия. Тот, у которого не было припасов, в благодарность за то, что его накормили, дал двум другим восемь золотых монет. Первый заявил, что ему причитается из них семь, второй утверждал, что первому положено только пять, а остальные три — ему. Когда спор изложили раввину, он постановил, что первый по праву требует для себя семь монет. Как же раввин нашел такое решение?

Очень просто. Разделил каждый ломоть на три порции. Первый, у которого было пять ломтей, внес пятнадцать порций, второй — девять. Всего получилось двадцать четыре порции. Каждый съел треть от общего количества, то есть восемь порций. Первый, который внес пятнадцать, а съел только восемь, лишился семи частей своих запасов. Второй, внесший девять порций и съевший только восемь, лишился всего одной части своих запасов, поэтому ему и полагается всего одна монета, а первому — семь.

КАК БОГ ОВЕЧКУ ЗАЩИТИЛ

аловалась овечка Богу:

— Дорогой Бог, Творец вселенной! Многим злым существам дал Ты жизнь в мире Своем, и многие из них меня преследуют, хотят убить. А мне

Ты не дал никакой защиты от них.

Проникся Бог жалостью к слабому созданию Своему и сказал:

— Милая и славная овечка, справедливы твои жалобы. Скажи, что Я должен сделать, чтобы помочь тебе? Хочешь — Я дам тебе острые зубы, и будешь ты кусать тех, кто на тебя нападает? А хочешь — пошлю тебе острые когти вместо твоих мягких копытцев?

— Не надо мне ни острых зубов, ни острых когтей, как у свирепых хищников, — отвечала овечка. — Нет ли у Тебя защиты получше, дорогой Бог?

— Ладно, — сказал Бог, — дам тебе, к примеру, ядовитое жало.

— Ядовитое?! — заволновалась овечка. — Ни за что! Не нужен мне яд. Все ненавидят ядовитых змей и насекомых.

На это Бог, благословенно Имя Его, сказал:

— Тогда пошлю тебе огромные рога.

— Владыка мира, не хочу я такой защиты. Если Ты пошлешь мне рога, как у дикого буйвола, я еще, чего доброго, могу кого-нибудь забодать ненароком.

Улыбнулся Бог и сказал:

— Ты ничего не хочешь из того, что Я предлагаю, как же Я тебе помогу?

— Если мне, чтобы защитить себя, придется убивать или ранить других, — ответила овечка, — оставь меня беззащитной.

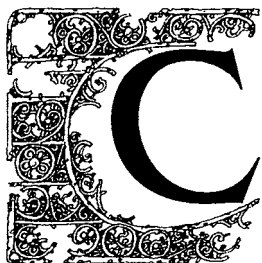
Тогда Бог наклонился, погладил милую овечку и сказал:

— Нет, дорогая овечка, не оставлю. Я тебя беззащитной, раз ты сама готова страдать, только бы не обидеть других. Я придумал, что сделать. Пошлю тебе шубу из тонкой шерсти, а ты отправляйся к человеку и поделись ею с ним. Он полюбит тебя за то, что ты дашь ему теплую одежду, и будет охранять тебя от врагов.

И овечка ушла от Владыки, одетая в шубу из тонкой шерсти, мягкой и белой, как снег.

ВО СЛАВУ БОГА

создав людей, Бог собрал вокруг себя ангелов и спросил:

— Что скажете о мире, который Я сотворил?

— Он воистину достоин Творца, — ответили ангелы.

— А как вам видится человек — венец творения?

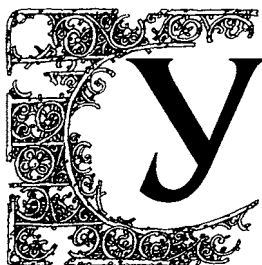
— И он прекрасен, — сказали ангелы. — Одного лишь ему не хватает.

— Чего же? — спросил Бог.

— Поющего сердца да голоса, чтобы непрестанно славить Тебя на весь мир, как здесь у нас на небесах, — ответили ангелы.

И тогда, как говорят наши мудрецы, Бог создал музыку, и птичьи голоса, и шепот ветра, и журчанье воды, чтоб никогда не иссякли хвалебные гимны в Его честь. А человека наделил Он голосом и песню вложил в его сердце.

ЧТИ ОТЦА СВОЕГО

одного юноши была очень дорогая жемчужина, такая красивая, что служители Храма захотели ее купить, чтобы украсить наряд первосвященника, который тот надевает в канун самого святого из святых дней

— Йом Кипура. Пришли они к юноше, и тот с радостью принял их в своем доме.

— Сколько ты просишь за жемчужину? — поинтересовались они. — Мы хотим украсить ею наряд

первосвященника, который он надевает в Йом Кипур, когда благословляет весь народ Израиля.

— Тысячу монет,— ответил хозяин.

— Согласны, — сказали служители Храма, — цена вполне подходящая.

Вышел юноша за жемчужиной в другую комнату, но тут же вернулся и огорченно сказал:

— Я не могу вам ее дать.

— Ах, вот как! — воскликнул один из служителей.— Ты набиваешь цену? Ладно, даем тебе полторы тысячи монет.

Но молодой человек отрицательно покачал головой.

Хотя служителей и рассердило, что юноша поднимает цену, видя, как им хочется купить жемчужину, они все же предложили ему две тысячи, а потом и три — такой она была красивой. Но молодой человек по-прежнему отрицательно качал головой.

Теперь они его просто возненавидели: вот уже два часа, как он не соглашается уступить жемчужину, а ведь они дошли до пяти тысяч!

Вдруг в глубине дома раздался неясный шум. Прислушался юноша и, бросив на ходу: "Согласен", — выбежал в другую комнату.

Когда он вернулся с жемчужиной в руках, старший служитель начал отсчитывать пять тысяч, приговаривая:

— Ой, как некрасиво! Ой, как нехорошо с твоей стороны пользоваться тем, что у нас нет выхода! Мыслимо ли заламывать такую цену!

— Вы меня не поняли,— сказал молодой человек.— Я вовсе не отказывался продать вам жемчужину — я не соглашался брать за нее больше, чем попросил с самого начала.

— Так почему же ты не хотел ее отдавать? — спросил другой служитель.

— Потому что, выйдя за ней в соседнюю комнату, увидел, что там спит отец, а жемчужина на его кровати лежала. Я люблю и чту своего отца так, что и за пять тысяч не стал бы его будить.

— Тогда почему же ты все-таки ее принес? — спросил третий.

— Потому что когда вы предложили пять тысяч, я услышал шум в комнате отца и понял, что он проснулся. Вот вам жемчужина, а мне дайте, как мы и уговорились, тысячу монет.

— Ты молодец,— сказал четвертый служитель. — Ты чтить отца своего и следуешь Талмуду, который велит соблюдать уговор, даже если он заключен только на словах. Значит, ты не пользуешься случаем обмануть людей. Лучшего места, чем наряд первосвященника, не придумать для жемчужины, купленной у такого сына. Ты, юноша, дороже ее самой!

НЕБЛАГОДАРНЫЙ СЫН

Было это давно. Один богатый человек стал все чаще и чаще хворать. Позвал он своего единственного сына и сказал:

— Сын мой, состарился я и трудно мне вести хозяйство. Вы с женой люди расторопные, понятливые, дам я вам весь скот, и будете им заниматься. Незачем вам ждать моей кончины, чтобы жить в достатке.

Поцеловал сын отца, поблагодарил и пообещал заботиться о нем. Отвел ему хорошую комнату в своем доме и прислугу приставил, чтоб ухаживала за ним. И пошли дела сына в гору. К великой его радости, родился у него ребенок и жена стала думать лишь о том, как бы для него денег накопить, чтобы богатым был, когда вырастет. Вот и стали они с мужем скряжничать да только о деньгах и помышлять. Постепенно начали они отказывать старому отцу во всем. Сначала прислугу отняли, а потом и комнату.

Разбогатеv, завели они моду важных гостей в дом приглашать, а старика за стол с ними сажать стеснялись.

— Смотри, суп пролил, старый хрыч,— кричала на

него невестка при всех гостях.— В стойле тебе место!

И действительно, устроили ему закуток в стойле, но вскоре и оттуда прогнали: скота у них прибавилось — девать некуда. Перевели старика в сарай с тряпьем и хламом. Теперь он был совсем забыт и заброшен.

Но не всеми. Маленький внук помнил о нем и каждый день навещал своего дедушку. Тайком навещал, потому что мать не разрешала ему заходить в грязный сарай. Она кричала и на него, и на деда, если узнавала, что тот целует внука. А еще пуще сердилась она, узнав, что и внук деда целует.

Однажды молодой отец увидел, что сын затеял странную игру с тряпками и одеялами, и решил поиграть с ним чуток — много времени он теперь тратить не мог, был занят делами да мыслями, как побольше денег накопить.

— Что ты тут делаешь, сынок? — спросил он ласково.

— Играю в папу и сына,— ответил мальчик не глядя на отца и продолжая сосредоточенно раскладывать одеяла в одну кучу, а тряпки — в другую.

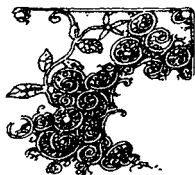
— А как ты играешь в эту игру? — спросил отец.

— Очень просто. Беру из дому одеяла и кладу их в одну кучу, а старые тряпки из сарая — в другую.

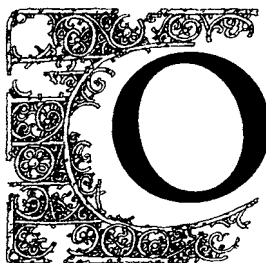
— А почему ты называешь это игрой в папу и сына?

— Очень просто. Я — твой сын, ты — мой папа. Когда ты состаришься, как мой дедушка, я дам тебе тряпки, а себе возьму хорошие одеяла, чтобы мне было тепло и удобно.

Понял тут молодой отец, как дурно поступает он со своим старым отцом. Поцеловал он сына и поблагодарил его за то, что тот раскрыл ему глаза на великий грех, который он совершает.

ПЛОДЫ ВЕРЫ

Отправился царь со своим войском на войну. По дороге увидел он старого человека, сажавшего инжир, и спросил:

— Сколько тебе лет? Ты согбен и руки твои дрожат. Должно быть, ты очень стар.

— Верно, ваше высочество, — сказал старик, — мне перевалило за сто.

— Зачем же ты выбрал себе такую работу? — удивился царь. — Подходящее ли дело старику сажать молодые деревца?

— Дорогой мой царь, — ответил старик, — всю жизнь я их сажал, и, если Бог продлит мои дни, буду кормиться их плодами. Если же умру раньше, чем они принесут плоды, ими будут кормиться мои сыновья, как в молодости кормился и я плодами тех деревьев, что посадили ради меня мои предки.

Более трех лет воевал царь в далеких краях, а когда возвращался домой, снова увидел того же старика. Теперь старик и вовсе согнулся в три погибели, а руки еще больше дрожали, но он продолжал работать. Он собирал первый урожай, и в его корзинке лежали плоды того инжира, что посадил он более трех лет назад.

Подойдя к царю, низко поклонился старец и сказал:

— Я — тот самый человек, что сажал деревья в этом саду, когда ты отправлялся на войну. Теперь я снимаю с них первые плоды и с радостью отнесу их в Храм *. Богу было угодно, чтобы я отведал эти плоды. Отведай же их и ты, мой царь.

Поблагодарил царь старика и приказал своим слугам наполнить его корзинку золотыми монетами в награду за веру этого человека в будущее.

*Тора предписывает приносить каждый год часть плодов нового урожая в иерусалимский Храм.

МУДРАЯ ЦАРИЦА

В далеком краю правила одна очень мудрая царица. Подданные любили ее за доброе сердце. Она всегда старалась сделать народ свой счастливым.

И Бог подарил ей семерых сыновей, которые выросли и стали красивыми юношами. Пришло время, когда, почуввав близкий конец, решила она передать корону самому лучшему и мудрому из них. Позвала царица всех семерых и сказала:

— Сыновья мои, сейчас я вас испытаю. Кто окажется самым мудрым, тому и править царством. Скажите мне, какой самый мудрый поступок совершил бы каждый из вас, став владыкой?

Каждому хотелось стать царем, и каждый, стараясь превзойти остальных, доказывал, что он самый мудрый. Но царица прервала их спор:

— Нет, сыновья мои, мудрости в вас нет, иначе вы не стали бы ею бахвалиться. Но, может быть, мы найдем среди вас самого доброго. Скажите мне, как проявил бы каждый из вас свою доброту, став владыкой?

Снова каждый постарался превзойти остальных — на сей раз в доброте.

— Хватит, хватит! — воскликнула царица. — Напрасны ваши старания, сыновья мои. И мудрости в вас нет, и добротой вы не вышли. Но, может быть, один из вас окажется самым храбрым. Ему я и отдам корону.

И снова каждый бахвалился, как мог. Один сказал, что сражался с дикими зверями, другой хвастал тем, что одолел великана, третий — что, победив врага на поле боя, выгнал его из страны, и так далее.

— Нет, сыновья мои, — вздохнула царица, — вы не герои. Настоящие герои не восхваляют самих себя. Но когда поняла она, что жить ей осталось уже

совсем немного, спохватилась, что так и не решила, кому передать корону. На сей раз задумала царица поговорить с каждым сыном в отдельности.

— Сын мой,— сказала она каждому из них, — ты и твои братья отправитесь путешествовать по свету и через год привезете мне подарки. По ним я решу, кому из вас быть царем. Собирайтесь в путь, сыновья мои, и да хранит вас Бог.

Так они и сделали. Когда через год вернулись сыновья, расцеловала их царица и велела показать подарки.

— Долго искал я по свету, пока не нашел подарок, достойный моей матери. Вот платье, расшитое чудесным шелком и украшенное дорогими камнями; второго такого в мире нет,— сказал старший и положил перед царицей платье.

— Объездил я все страны, пока не нашел подарок, который порадует мою мать. Вот пара замечательных башмаков из чистого золота; красивее их нет на свете,— сказал второй и поставил перед царицей золотые башмаки.

И так каждый показывал свои подарки. Третий сын привез жемчужное ожерелье, четвертый — столовое серебро ручной работы, пятый — прекрасную дорогую картину, шестой — чудесную корзинку с фруктами, которые были совсем как настоящие, только еще красивее.

И лишь седьмой, самый младший, пришел с пустыми руками.

— А ты не нашел для меня подарка? — удивилась царица.

Покраснел младший и замялся в смущении: найти-то он нашел, да показать не решается. Приказала ему царица немедленно принести подарок. Юноша вышел, и каково же было удивление всего двора, когда он вернулся, ведя за руку девочку лет двести. Все начали перешептываться: "Что означает этот подарок?", а царица приказала всем замолчать и спросила:

— Скажи мне, сын мой, чем ценен твой подарок?

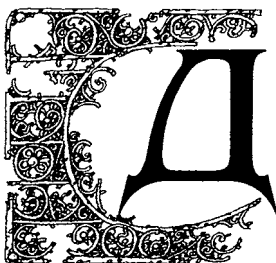
— Искал я по всему свету, — ответил младший сын,— каких только диковин не рассмотрел, но чем

больше я видел, тем больше убеждался, что царице они не подойдут. Подарок, который можно купить за деньги, не обрадует мою добрую мать. Не успел я так подумать, как попалась мне на глаза девочка, которая стояла на улице и плакала. "Кто ты, славная девочка, и почему плачешь?" — спросил я ее. Задрожала она и, словно испугавшись меня, отпрянула назад, но ответила: "Сирота я, без отца и без матери. Злые люди прогнали меня из родительского дома, где я оставалась одна, и никто не хочет меня приютить. Бродила я долго-долго, а теперь заблудилась совсем и не знаю, что делать". Услышав ее рассказ, подумал я: "Возьму-ка я этого покинутого ребенка и привезу моей матери — такой подарок за деньги не купить!"

Так сказал младший сын и подвел девочку к царице. Та со слезами на глазах расцеловала ее.

— Дорогой сын,— взволнованно проговорила царица,— нет слов, чтобы выразить, как ты растрогал меня, сказав, что не за деньги приобрел для меня подарок. Я могу только добавить, что приобрел ты его за свою доброту. Корону заслужил мой младший сын,— добавила она, и всем стало ясно, что подарки, купленные за деньги, не могут сравниться с приобретенными за доброту.

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ*

Две женщины пришли к царю Шломо, чтобы он их рассудил.

— Господин мой,— сказала одна,— мы с этой женщиной живем в одном доме. Я родила ребенка, а через три дня разрешилась от бремени и она. Кро-

*"Соломон" — так звучит по-русски имя царя Шломо. "Соломоновым решением" принято называть мудрое и простое решение запутанного вопроса.

ме нас в доме никого нет. Ночью у этой женщины умер ребенок, потому что во сне она случайно легла на него. Пока я спала, она встала и, взяв моего сына, положила в свою постель, а умершего мальчика подсунула мне. Проснулась я утром, хочу покормить ребенка — а он мертв. Присмотрелась получше и вижу: не тот это мальчик, что я родила.

— Нет,— сказала вторая женщина,— мой это ребенок, а тот, что умер,— ее.

— Ничего подобного,— возразила первая,— мертвый — ее, а живой — мой.

Так спорили они перед царем Шломо, пока он их не прервал:

— Одна говорит одно, другая — другое. Сейчас выясним, кто прав,— сказал он.— Подать мне меч! Принесли царю меч, и он приказал:

— Разрубить ребенка пополам и дать каждой женщине по половине!

— О, мой господин,— закричала женщина, родившая этого ребенка,— отдай его ей, только не убивай!

— Рубите его,— сказала вторая,— пусть не достанется никому.

— Не рубите ребенка,— сказал царь,— отдайте его первой женщине. Настоящая мать — она.

МАЛЕНЬКИЙ СУДЬЯ

или по соседству два лавочника. Один торговал оливковым маслом, другой — бакалеей. Лишь тонкая перегородка разделяла их лавки. Однажды вечером удалось бакалейщику подсмотреть через дырочку в перегородке, как торговец маслом подсчитывает деньги. Стал бакалейщик внимательно считать каждую монету, которую торговец маслом складывал в столбик, и та-

ким образом узнал, что у того есть ровно сто золотых монет.

Был бакалейщик человеком жадным и задумал присвоить себе эти деньги. Выскочил он на улицу и стал кричать:

— Деньги украли! У меня украли деньги!

На крик его сбежались люди, появился и стражник.

— Кто украл? — спрашивают.

— Откуда мне знать! — отвечает он.— Никто в лавку вечером не входил, поблизости был только сосед мой, что маслом торгует, лавка у него к моей примыкает.

— Сколько денег пропало? — спросил стражник.

— Ровно сто золотых монет,— ответил бакалейщик.

Вошел стражник в лавку торговца маслом, осмотрел ее внимательно и нашел в кассе сто золотых монет.

— Вор! — закричал бакалейщик.— Это мои деньги!

— Не вор я, — сказал торговец маслом,— и деньги эти мои.

— Идите к судье,— сказали люди,— он человек умный, сразу узнает, чьи деньги.

И оба торговца предстали перед судьей. Один говорит — мои деньги, другой говорит — нет, мои.

Судья не смог сразу решить, на чьей стороне правда, и сказал:

— Отправляйтесь домой и приходите через неделю, я вам тогда и скажу, кто честный, а кто вор.

Так они и сделали.

Думал-думал судья, да так ничего и не решил. Дня через два гулял он в городском саду. Сидя на скамейке под деревом, услышал он, как дети болтают между собой об этой истории с украденными деньгами, которая уже нашумела на весь город. Один мальчик сказал другому:

— Давай играть в суд! Я буду судья, и мы узнаем, который из лавочников говорит правду.

— Давай, — согласился второй.— Будь ты судьей, только, чур, умным!

Маленький судья уселся на камень, а маленький лавочник сказал:

— Это мои деньги,— и тут же возразил за второго торговца: — Нет, мои.

— Принесите мне таз с горячей водой,— потребовал маленький судья.— Теперь опустите в него монеты. Если на воде появится хоть капелька жира, значит, монеты держал в руках торговец маслом, у него всегда руки жирные. А если на монетах масла нет, значит, это деньги бакалейщика. Он торгует такими товарами, которые следов на монетах не оставляют.

Тогда настоящий судья подошел к нему, погладил по голове и сказал:

— Ты очень умный мальчик. Спасибо тебе, теперь я знаю, какое вынести решение.

Поцеловал он умного ребенка и ушел. Когда через несколько дней к судье снова явились оба торговца и весь город сбегался послушать, чем кончится дело, он сказал:

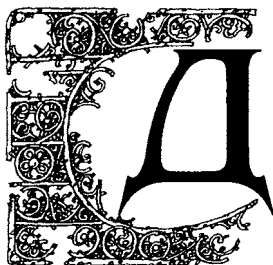
— Принесите таз с горячей водой и опустите в него монеты.

Сразу же на воде заблестели жирные пятна, люди все поняли и закричали:

— Это деньги торговца маслом! Честь и хвала нашему умному судье!

— Не мне, а еврейскому мальчику,— сказал судья.— Это он подсказал мне правильное решение.

КОЛОКОЛ ПРАВОСУДИЯ

Давным-давно в одном городе жил добрый и честный царь. Приказал он выстроить на базарной площади высокую башню, а когда она была готова, велел повесить на ней колокол с длинной веревкой, которая спускалась почти до земли.

— Это Колокол Правосудия,— объяснил царь. — Если человека незаслуженно обидят, пусть он прихо-

дит сюда и звонит в колокол. Соберутся судьи, вынесут, не мешкая, честный приговор, зло будет наказано, а справедливость восторжествует.

Так все и было. Кого бы ни коснулась несправедливость, тот приходил и звонил в колокол. Собирались судьи и, ко всеобщей радости, выносили праведное решение.

Но когда добрый царь умер, о колоколе позабыли. Только старики в городе еще помнили, как быстро и честно вершился когда-то суд. Веревка истончилась, истрепалась, стала короче. Теперь и дотянуться до нее не всякий мог. К ней так давно никто не прикасался, что дикий виноград вперемежку с плющом плотно обвили ее, и висела она без всякой пользы.

Жил в этом городе очень богатый и очень скупой человек. Была у него сильная красивая лошадь. Но когда она состарилась, стала прихрамывать и не могла больше ходить в упряжке, богач прогнал ее со двора.

— Не можешь на меня работать— убирайся вон и корми себя сама, — сказал он. — Зачем мне тратить .ся, если от тебя нет проку.

Поплелась бедная лошадь куда глаза глядят.

Некому было ее пожалеть, негде было ей приклонить голову. Стоило лошади начать щипать траву, как собаки с лаем бросались на нее и гнали прочь, а злые мальчишки, смеясь, швыряли в нее камнями.

Так прошло много дней, и однажды в жаркий полдень бедная лошадь случайно забрела на базарную площадь. Она уже давно ничего не ела и была очень голодна.

Увидев на веревке плющ и виноград, она вытянула шею и стала жадно их щипать. От ее щипков начала дергаться веревка, и впервые за много лет зазвонил колокол.

— Что за звон? — спросили молодые жители города.

— Не иначе как Колокол Правосудия, — ответили старики.— Неужто он снова звонит? Мы не слышали его уже много лет. Наверно, кто-то ищет справедливости.

Заслышав колокольный звон, старые судьи вспом-

нили былые времена, когда их вызывали восстанавливать справедливость, кряхтя, вышли из своих домов и засемили к базарной площади.

Вот тебе и на! Оказывается, это старая лошадь дергает за веревку, и поэтому колокол звонит. Судьи готовы были уже разойтись, когда кто-то крикнул:

— Да ведь это лошадь известного скряги! Он запрягал ее в свою лучшую карету, а теперь, когда она состарилась и ослабела, выгнал на все четыре стороны. Бедное бессловесное создание пришло искать правосудия.

— Правосудия! Правосудия! — закричал весь народ.

Расселись судьи посреди площади, и стражник привел жадного богача.

— Ты не исполнил свой долг перед этим преданным животным, — сказали судьи. — С тебя штраф в тысячу золотых монет. На эти деньги ты обязан купить конюшню и пастбище для старой лошади, чтобы ей хватило пищи до конца ее дней.

— Таково наше решение, — сказал главный судья, — а все жители должны благодарить старую лошадь за то, что она вернула в наш город справедливость.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ДВУХ БРАТЬЯХ, КОТОРЫХ УНЕСЛО НА КОРАБЛЕ В ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ, И ОБ ИХ ЧУДЕСНОМ СПАСЕНИИ

В одном городе жили два брата. Одного звали реб Хаим, другого — реб Шимшон. Реб Хаим был очень богат: сундуки его ломились от золота и серебра. А реб Шимшон был совсем нищим, но зато какой это был праведник! День и ночь он сидел в синагоге и учил

Тору. Однажды реб Хаим послал за реб Шимшоном и сказал ему:

— Послушай, брат мой любимый, ты вконец обнищал, твои жена и дети голодают. Иди ко мне в управляющие, а я уж позабочусь, чтобы твоя семья ни в чем нужды не знала.

На том и порешили. Реб Шимшон стал управляющим у своего брата. И с тех пор у реб Хаима дела пошли как нельзя лучше. За что бы он ни брался, все ему удавалось по Божьей милости. И все за заслуги его брата перед Господом.

Однажды реб Шимшон пришел к реб Хаиму и сказал, что должен поведать ему тайну, но сделать это можно только там, где не будет лишних ушей, поэтому им придется нанять матросов с капитаном, взойти на корабль и выйти в открытое море. И уже там, в море, он ему все расскажет. Так они и сделали.

Вот они отплыли, и только реб Хаим и реб Шимшон завели разговор, как вдруг налетел страшный вихрь и понес корабль неведомо куда. Зарыдали братья, но плачь не плачь, а ветер все крепчал, пока не унес корабль совсем на другой край океана, в Ледовитое море. Наступил вечер. Реб Хаим и реб Шимшон помолились, попросили Господа, чтобы он вернул их домой, к женам и детям, и легли спать. А на следующий день, когда реб Шимшон проснулся, он увидел вокруг еще несколько кораблей, которые тоже занесло ветром в это Ледовитое море.

Тогда, не долго думая, реб Шимшон выламывает доску из своего корабля, перебрасывает ее другим концом на соседний корабль и отправляется посмотреть, что там происходит. Вот они с братом перебрались на тот корабль и видят: кругом лежат люди, мужчины и женщины, умершие от голода, а рядом с ними — груды золота и серебра. Тут реб Хаим нашел торбу побольше и начал набивать ее золотом и серебром. А реб Шимшон тем временем пошел от корабля к кораблю и видит: повсюду лежат одни мертвецы. И уже решил: и меня, стало быть, ожидает такой конец.

Короче говоря, он все шел и шел. Вдруг видит: стоит стена, конца-края нет. И стена эта вся исписа-

на именами погибших. Тогда реб Шимшон взял, переписал все эти имена и говорит:

— Господи, помоги мне выбраться отсюда, и я пройду по всем городам и назову людям эти имена, чтобы женщины перестали быть агунами, а мужчины смогли снова жениться.

И, уповая на то, что Бог его не оставит, реб Шимшон вынул ножик и начал карабкаться по стене: поставит одну ногу, зацепится ножиком, подтянется и поставит другую... Вдруг кто-то спустил реб Шимшону веревку и поднял его, так что он во мгновение ока очутился на самом верху стены.

А реб Хаим тем временем набил свою торбу золотом и серебром и взвалил ее на спину. Тут он увидел реб Шимшона на верху стены и тоже захотел на нее взлезть. Но только занес ногу, как мешок с золотом потянул его назад, он упал и чуть не убится. Вот стоят братья, один — наверху, другой — внизу, и громко оплакивают свою судьбу. Так и пришлось им расстаться.

Реб Хаим вернулся на корабль, прочитал псалмы и попросил Бога, чтобы он помог ему, помня заслуги его брата.

А реб Шимшон тем временем огляделся и видит: стоит дерево. Само высокое, ствол толстый, все усыпано спелыми плодами. Тут он почувствовал голод, нарвал этих плодов, поел, и такими они показались ему вкусными — пальчики оближешь. Потом, чтобы ночью дикие звери не растерзали его, реб Шимшон залез на это дерево и заночевал там.

Наутро он снова отправился в дорогу. Путь его лежал через лес: деревья там были удивительно красивые, а плоды очень вкусные. Вот бредет он по этому лесу и плачет, вспоминая своих жену, детей и несчастного брата, который остался на корабле. Так он шел и шел, вдруг видит: холм, а в холме — дверца. Подошел поближе, распахнул эту дверцу, а оттуда вылетел страшный вихрь, повырывал с корнем деревья в лесу, и, достигнув Ледовитого моря, подхватил корабли и вынес их в открытый океан. Так реб Хаим был спасен.

Вернулся реб Хаим домой и рассказал обо всем, что с ним произошло. Тогда жена и дети реб Шимшона оплакали своего мужа и отца и уже отчаялись его увидеть.

А реб Шимшон тем временем все блуждал по лесу. Брел он брел, пока не завидел вдалеке большой и красивый царский дворец. Подходит он ко дворцу и видит юношу, одетого во все белое. Тут реб Шимшон присмотрелся: да это же его ученик! Тот тоже узнал его и говорит:

— Раби, как вы сюда попали?

— А ты как сюда попал? — спрашивает в ответ реб Шимшон.

— Я-то уже давно на том свете, — говорит юноша. — А это и есть Райский сад.

— Если так, — отвечает ему реб Шимшон, — покажи мне дорогу, по которой я мог бы добраться домой, к жене и детям.

— Сам я, раби, — говорит ученик, — не могу ничего сделать, пойду, спрошу праотцов, — и скрылся за дверью.

Вскоре он вернулся, вручил реб Шимшону яблоко и при этом сказал такие слова:

— Вот вам подарок. А идти надо по этой тропинке. Как выйдете на шлях, там уж спросите, и вам укажут путь.

Потом он благословил реб Шимшона, тот ушел, и все вышло по сказанному. Реб Шимшон прошел по тропинке, вышел на широкую дорогу и вскоре добрался до какого-то города.

Вошел в город и видит: повсюду бродят женщины и дети, стенают и рыдают. Стал он спрашивать, что случилось, но никто не отвечает. Что проку от нищего бродяги? Наступил вечер, и реб Шимшон подумал, что пора позаботиться о еде и ночлеге. Так он и сделал: постучался в первый попавшийся еврейский дом и попросил, чтобы его пустили переночевать и чем-нибудь накормили. Хозяин дома пожалел его и пригласил к столу. Во время ужина реб Шимшон говорит хозяину:

— Прошу вас, добрый человек, скажите мне, почему в вашем городе по всем улицам бродят жен-

щины с детьми и плачут, да и мужчины такие печальные?

Отвечает ему хозяин:

— К чему мне рассказывать вам, мил человек, о нашей беде? Все равно нам уже никто не поможет.

— А все-таки, расскажите! — попросил реб Шимшон.

И тогда тот еврей рассказал ему вот что:

— Понимаете, мил человек, город наш — столица. Здесь у нас живет сам царь. И вот теперь единственная дочь царя заснула мертвым сном, и никакие средства, никакие лекарства не могут ее разбудить. К ней уже приглашали врачей со всех концов света, но никто из них не знает лекарства от ее болезни. Тогда царь издал указ, угрожая, что если его единственная дочь умрет, он прогонит всех евреев из города, а их добро заберет себе в казну. Мы постились, молились, плакали, но ничего не помогло — царевна уже при смерти.

Говорит ему реб Шимшон:

— Послушайте, что я вам скажу: идите к вашему царю и скажите ему, что к вам пришел бедняк, который берется вылечить его дочь.

Тут хозяин встает, смотрит на реб Шимшона и смеется:

— Вы что, дорогой мой, сдурели или совсем с ума сошли, — говорит. — Врачи со всего света не знают лекарства от этой болезни, а вы говорите, что вылечите. Молчите уж лучше, а не то вас еще камнями побьют.

— Вам-то какая забота, идите и скажите, что я вылечу царскую дочь, а если не вылечу, отвечу головой.

— Помните, что вы можете погубить не только свою жизнь, но и наши.

— Идите, идите, — говорит реб Шимшон. — Я все беру на себя.

Тут хозяин подумал: "Пожалуй схожу, как знать, может быть это сам Господь послал нам доброго ангела в образе человека. И он спасет нас".

Подумав так, хозяин отправился к царю. Пришел

во дворец, и его сразу же пропустили. Падает он царю в ноги и говорит: — Царь-государь, так мол и так, пришел ко мне какой-то бедняк, который берется вылечить твою дочь. А если не вылечит, голову свою положит. Только об одном прошу тебя, царь-государь. Если, Боже упаси, царевна все-таки умрет, не гневайся на нас.

Отвечает ему царь:

— Ладно, пусть придет, но если не вылечит царевну, не миновать ему смерти. Ну, а тебе ничего за это не будет.

Еврей пошел и передал все реб Шимшону.

— Хорошо, — говорит реб Шимшон. — Иду.

И отправляется к царю. А как пришел он во дворец, царь сразу велел его пропустить. Вот входит он в залу, где сидят царь с царицей и знаменитых врачей без числа. Смотрят они на бедняка в лохмотьях и смеются.

— Это он вылечит царскую дочь?!

А царь его и спрашивает:

— Ты хвалился, что вылечишь царевну?

Тут реб Шимшон падает ему в ноги и говорит:

— Да, я берусь вылечить твою дочь. А если не вылечу, головой отвечу.

— Хорошо, — отвечает царь.

— Тогда, — говорит реб Шимшон, — оставьте меня с царевной на два часа, и чтобы больше там никого не было. Я ее посмотрю.

Его впустили к царевне, а царь с царицей встали под дверь и приготовились слушать. Каждая минута казалась им годом!

Подошел реб Шимшон к царевне и видит: лежит она, глаза закрыла, вот-вот умрет. Тогда он берет и подносит ей к носу то самое яблочко. Потянула она ноздрями воздух и шевельнулась. Реб Шимшон берет и второй раз подносит ей это яблочко и при этом говорит:

— Вдохни.

Вдохнула она и чувствует, как возвращаются к ней силы и как к ее щекам приливает кровь. Так прошло два часа. Только два часа. Вошли царь с царицей

и видят: дочь их уже ожила, уже понимает, что ей говорят. Они очень обрадовались. А реб Шимшон им и говорит:

— Теперь я пойду домой, отдохну, а потом приду опять.

— Хорошо, — отвечает царь и благодарит его.

Потом велит запрячь карету и отвезти реб Шимшона домой. А утром реб Шимшон снова пошел, заперся у царевны на два часа и опять дал ей понюхать яблочко, и делал так до тех пор, пока она не начала видеть и говорить.

— Послушай, — говорит тогда ей реб Шимшон, — ты никому не должна рассказывать, как я тебя лечил. А будут тебя спрашивать, отвечай, что я лечил тебя молитвой. Если же проговоришься — умрешь.

Царевна пообещала ему молчать. Прошло два часа. Вошли царь с царицей, а дочь их уже говорит, уже видит! Царь поблагодарил реб Шимшона и сказал:

— С сегодняшнего дня ты будешь зваться "господином доктором". Одну тебя в дорогое платье, сделаю тебя генералом, а ты оставайся у меня, пока до конца не вылечишь мою дочь.

Реб Шимшон согласился и остался во дворце до тех пор, пока царевна совсем не исцелилась. И все ему оказывали большие почести. После того, как царевна выздоровела, спрашивает царь реб Шимшона, чего тот хочет. Отвечает реб Шимшон:

— Ничего я от тебя не хочу. Подари мне только город, в котором я живу.

Говорит ему царь:

— Городишко твой больно мал, одни халупы да развалюхи. А потому побудь у меня в гостях еще год. А я пока велю заново отстроить его и поставить тебе в нем дворец, а уж потом подарю.

На том и порешили. Реб Шимшон зажил у царя в большом почете, учил Тору, молился и служил Богу. А как год стал подходить к концу, царь устроил большой бал, позвал всех своих министров и оказал реб Шимшону великие почести. Потом царь дал ему с собой золота и серебра и послал вперед гонцов объявить, что все должны встречать реб Шимшона с по-

четом и уважением. С тем реб Шимшон уехал, и повсюду его принимали как самого царя.

Приехал он в свой родной город, а его дворец еще не достроен. Тогда он пошел к своему брату и спросил, нельзя ли ему, богатому человеку, остановиться в этом доме. А так как он не стал говорить реб Хайму, кто он такой на самом деле, тот его и не узнал. Живет у брата реб Шимшон и однажды вдруг слышит музыку. Спрашивает тогда:

— Что это там такое?

А ему отвечают:

— Свадьба хозяйской племянницы. Отец этой девушки пропал, и никто не знает, где он.

Тогда реб Шимшон говорит:

— Я тоже хочу пойти на свадьбу, хочу посмотреть ваши обычаи.

Отвечают ему:

— Ах, как вашей милости будет угодно.

Как пришел реб Шимшон на свадьбу, все стали ему кланяться в ноги, а жених посадил его рядом с собой. Женихом был ешиботник, и теперь жениху должны были задавать вопросы, а он — отвечать на них. Начали его спрашивать, да только он не очень-то хорошо отвечает. А был там один юноша, который ответил на все вопросы. Пригляделся к нему реб Шимшон хорошенько и видит, что юноша к тому же и умен и красив. Тогда реб Шимшон попросил привести мать невесты и рассказал всем, кто он такой на самом деле. Затем велел, чтобы женихом был тот юноша, который ответил на все вопросы. А потом весело сыграли свадьбу.

Реб Шимшон прожил в этом городе до самой смерти, учил Тору, молился и сделал евреям много добра.

ДВА БРАТА, БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

или-были два брата. Один богатый, другой — бедный. Богатый был большим удачником. За что ни возьмется — все ему про меж пальцев вязнет. А у бедного, не дай Бог, все из

рук валится. Ну просто ни в чем не было ему удачи! Бедный брат все ходил к богатому, пусть, мол, поможет. И богач всегда помогал ему всем, чем мог. Сначала просто давал по несколько гульденов, потом даже ссудил небольшим капиталом, чтобы бедняк сам расторговался. Но удача бедному брату так и не улыбнулась, и он все беднел. Тогда богач понял, что ни в чем не будет его брату удачи. Однажды он позвал его к себе и говорит:

— Послушай-ка, братец, сдается мне, что ни в чем нет тебе удачи. Так что с этого дня будешь получать недельное содержание: каждый четверг — по пятерке.

— Ну, пятерка так пятерка, — думает бедный брат, — слава Богу и на этом.

Короче говоря, бедняк так и стал ходить каждый четверг за своей пятеркой. Вскоре после этого у богатого умерла жена. Через пару месяцев после ее смерти он снова женился. А брат тем временем так и ходил к нему за деньгами. Однажды говорит богачу молодая жена:

— Послушай-ка, муженек, что тебе с того, что даешь ты своему брату эти пятерки, Возьми его к себе управляющим и плати ему сотню чистыми в месяц, все лучше, чем держать гою за те же деньги. И тебе хорошо, и ему хорошо. Он будет на тебя работать, будет получать деньги. И ты будешь доволен: вот, твой брат работает и милостыни не просит.

Богатому совет понравился.

— А ведь жена-то права! — думает.

И вот в четверг бедный брат приходит за своими

деньгами, а богач ему и говорит:

— Послушай-ка, братец, сегодня ты получишь в последний раз свои пять монет, а на той неделе переезжай со всем своим семейством ко мне на фольварк. Сделаю тебя своим управляющим, и будешь получать сотню чистыми в месяц.

Не понравилось это бедняку. Он-то привык бездельничать, а теперь от работы не отвертишься. Подумал бедняк, подумал, но выбирать не приходится. Пошел он домой и рассказал все жене. А в начале новой недели, в воскресенье, потащился в Домбровка на фольварк.

Не успел он переехать, как богач повез его смотреть уголья, леса, поля, стада — все больших денег стоит. Да и за работниками глаз да глаз нужен.

— Вот, отдаю все это в твои руки, — сказал богач.

Однажды богатый брат послал бедного в поле посмотреть, как там идет работа. Поле было недалеко, в двух шагах, но уж очень идти не хотелось. Короче говоря, отделаться бедняку не удалось, и пришлось идти. Шел он, шел, пока не подошел близко к тому полю. Вдруг видит: впереди что-то белеет на стоге сена. Тут он испугался и подумал: идти ему дальше, или не идти? Наконец, подошел поближе и видит: на стоге сена сидит белый гусь. Тогда говорит ему бедняк.

— Послушай-ка, гусь, плохая ты птица, лети отсюда, ну-ка, уходи по-хорошему, как ты меня напугал!

Отвечает ему гусь:

— Никакой я тебе не плохой, никакой я тебе не хороший. Я — твое злосчастье. Куда ты, туда и я за тобой.

Тогда бедняк ему и говорит:

— Если ты мое злосчастье, пожалей хоть мою жену и детей, отвяжись от меня!

Отвечает ему гусь:

— Отвязаться от тебя не могу, могу только посоветовать, что тебе делать. Сначала отправляйся домой и продай все, что у тебя есть. Потом купи коня и подводу и уезжай отсюда — счастье тогда само найдется. Только учти: как уедешь, сразу вспомнишь, что что-то забыл дома, но ни в коем случае не возвра-

щайся с дороги, иначе будешь еще несчастливей, чем теперь.

Выслушал его управляющий и говорит:

— Ладно, будь по-твоему.

Сразу же пошел домой. Все продал, купил коня и подводу, взял жену и детей и уехал.

Едва они отъехали, один из детей попросил пить. Принялись искать воду, а ее нигде нету. Тогда жена бедняка вспомнила:

— Боже мой! Я забыла кувшин на чердаке. Сделай милость, — говорит мужу, — сходи домой за кувшином.

— Да как же я пойду, — отвечает муж, — ты что, хочешь накликать на меня злосчастье?

Короче говоря, она его просила, просила, пока не умолила. Бедняк вернулся домой, залез на чердак, и едва взял в руки кувшинчик, слышит странный голос:

— Здравствуй, хозяин, я тебя тут жду — не дождусь, уже думал — сиротой остался. Теперь я от тебя больше никуда не денусь.

Тут бедняк понял: беда-то какая, злосчастье к нему назад вернулось. Он попытался выбросить кувшинчик, но не тут-то было! Тот словно прилип к нему.

— Ну, что делать, — подумал бедняк, взял кувшинчик и пошел к жене.

Начерпали воды, дали ребенку напиться. Бедняк все пытался избавиться от кувшинчика, но у него ничего не выходило. Кувшинчик все время возвращался обратно, пока однажды бедняк не придумал вот какую штуку: он велел жене набить кувшинчик камнями. И когда они проезжали мимо большого болота, забросил его в трясины. Кувшинчик пошел ко дну и больше не возвращался. После этого бедняк отправился дальше и ехал, пока не приехал в город Линек.

В Линеке бедняк стал водовозом и через несколько дней перезнакомился со всем городом. Однажды в четверг после полуденной молитвы случилось ему покупать рыбу. Спрашивает он у голя:

— Почему товар?

А тот ему в ответ:

— Пятнадцать крейцеров.

Принялись они торговаться, и, короче говоря, водовоз купил несколько рыбешек за десять крейцеров и пошел домой. Стала жена чистить рыбу и нашла в одной рыбке плоский камешек, и толком даже не рассмотрев, выкинула его в мусор. Дети вытащили этот камешек из мусора и стали им играть, а вечером, наигравшись, забросили его под кровать.

Пришел водовоз с вечерней молитвы и видит: что-то блестит под кроватью. Он подходит поближе посмотреть, что это такое блестит, и видит — камешек. Взял водовоз камешек в руки, и в комнате стало светло, как днем. Ну, раз такое дело, так и керосина больше покупать не надо. И стал он беречь этот камешек, как зеницу ока. Камешек теперь не валялся под кроватью, как раньше, а стоял на шкафу и освещал весь дом. Короче говоря, камешек так и светил у водовоза несколько месяцев.

Однажды вечером мимо дома проезжал линекский граф. Захотелось ему закурить сигару, и как раз не было огонька. Граф увидел в доме у еврея свет и послал к нему кучера за спичкой. Вскоре кучер возвращается ни с чем: нет у еврея спичек.

Рассердился граф:

— Ты бы хоть лампу принес.

Он-то еще издали увидел свет. Короче говоря, гой опять пошел к еврею — уже за лампой.

А водовоз ему и говорит:

— И лампы у меня тоже нет. У меня камень светит.

Гой вернулся к графу и сказал:

— И лампы тоже у него нет.

Тут граф разозлился не на шутку:

— Что? Я своими глазами видел свет, а ты говоришь, что нету огня. Вот сейчас сам пойду и посмотрю.

Тут граф встает и идет к еврею. Вошел он в комнату, да так и остолбенел — таки нет лампы! Только на шкафу что-то светится. Граф спрашивает еврея:

— Где ты это взял?

Тогда рассказал ему еврей всю историю, как однажды он купил рыбу и нашел в одной рыбке светящийся камешек, который и посейчас светит. Тогда граф ему говорит:

— Знаешь что, вот тебе за него десять гульденов.

— Нет, — отвечает еврей, — за десять гульденов этот камешек лучше у меня останется.

— Вот тебе сто гульденов, — говорит граф.

— Нет, — отвечает еврей, — мне ничего не надо, потому как возьми я сто гульденов, они у меня вмиг растают, а с этим камешком мне хотя бы керосин покупать не надо, а светить он может вечно.

— Ну, раз так, — говорит граф, — дам я тебе десять тысяч гульденов.

Как еврей это услышал, так сразу смекнул, что вещь-то стоящая, и граф, верно, может дать за нее и сто десять тысяч.

— Нет, — отвечает, — не продам.

Короче говоря, граф говорит:

— Знаешь что, я дам тебе все Залитинское поместье со стадами и всеми угодьями.

Как услышал это еврей, тут уж он уступил, поехали они к нотариусу, заключили сделку и еврей поселился в поместье.

Так бедняку наконец улыбнулось счастье, и вскорее он стал большим богачом. К тому же он не забыл делать добро, в помощи никому не отказывал, за что в Линке все его уважали.

Теперь давайте вернемся к другому брату — богачу. Пришло ему как-то на ум, что надо бы съездить к брату:

— Кроме него у меня никого нет. Я ему всегда помогал, дай-ка съезжу в Линек, узнаю, как у него дела.

Подумал так и сразу же поехал в Линек. Въезжает он в город, и попался ему навстречу мальчонка. Спрашивает у него богатый брат:

— Где живет Йоселе-водовоз?

А мальчик отвечает:

— Не знаю.

Тогда богач подходит к одному старому еврею и опять спрашивает:

— Где живет Йоселе-водовоз?

А еврей ему в ответ:

— Помилосердствуй, не говори "водовоз", сегодня его зовут реб Йоселе-помещик. Он — хозяин Залитин-

ского поместья. Половина города живет за его счет.

Тогда богатый брат спрашивает:

— Откуда у него богатство?

— Не знаю, — говорит еврей. — И никто не знает.

Богатый запряг фуру и поехал в Залитин. Брат встретил его, как ни в чем не бывало, расцеловался с ним, очень хорошо его принял и показал все свои поля и стада. Потом, перед тем, как уехать, спрашивает богач брата:

— Скажи-ка мне, братец, где ты все это взял?

Тот отвечает ему что-то уклончиво, но богач прицепился, как репей, и не отставал, пока брат ему все не рассказал: про гуся, потом про кувшинчик, который к нему привязался, потом как он проезжал мимо большого болота, что рядом с Долиной, и забросил в него кувшинчик, и как с тех пор удача ему стала улыбаться. Выслушав рассказ, богач сразу распрощался и уехал. А на обратном пути заехал к Долинскому болоту. Не иначе, как он хотел откопать кувшин и отвезти своему брату назад, потому что покой ему не давало, что тот вдруг разбогател. Богач копал и копал, пока не выкопал кувшинчик. Тут слышит он из кувшинчика странный голос:

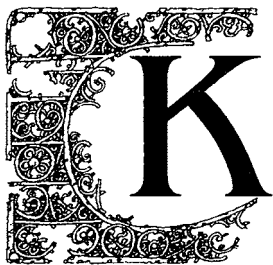
— Ой, дай Бог тебе здоровья, хозяин. Я теперь от тебя никуда не денусь. Другой меня бросил, а ты откопал.

— Нет, — говорит богач, — твой хозяин другой человек, лучше меня. Я тебя к нему отвезу.

— Нет, — отвечает кувшинчик. — Я от тебя никуда не денусь. Ты меня откопал, а тот меня бросил. Никуда я от тебя не денусь. Ты богатый, будет тебе где меня держать.

Попытался богатый выбросить кувшинчик, но не тут-то было! Тут понял богач, что выбирать не приходится, и на том поехал домой. И с той поры все у него пошло прахом. Не прошло и недели, как он обнищал. Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

"ВЫ ТАКИХ БЛАГ НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТЕ"

Когда Александр Македонский* завоевывал мир, попал он к одному африканскому племени, жившему на уединенном острове. Племя это никогда не воевало и не отнимало чужих земель. Великого полководца привели в шалаш вождя, и тот очень радушно принял гостя: поставил перед ним золотые финики, золотой инжир и лепешки из чистого золота.

— У вас едят золото? — спросил Александр.

— Нет, это специально для тебя, — ответил вождь. — Я уверен, что у вас в стране еды достаточно, так что за простой пищей ты не пришел бы, тебе, видать, золотая нужна, все завоеватели хотят золота.

— Не за золотом я сюда пришел, — сказал Александр. — Я хочу познакомиться с вашими обычаями и нравами.

— Так тому и быть, — сказал вождь. — Можешь посмотреть, какие у нас тут порядки. Видишь, вот пришли двое справедливости искать.

Первым приблизился к вождю тот, что был обижен:

— Великий вождь, купил я у этого человека кусок земли. Стал ее распахивать и нашел большой клад. Не мой он, я же покупал только землю. А бывший хозяин не хочет брать его обратно.

Тогда выступил обидчик:

— Совести у меня не меньше, чем у этого человека, и что хорошо, а что плохо, я понимаю не хуже его. Я продал ему землю вместе со всем, что к ней относится, значит, и клад отошел к нему.

Хорошенько все обдумал вождь и сказал, обращаясь к обиженному:

* Александр Македонский — царь Македонии (IV в. до н.э.), завоевавший множество стран от Греции и до Индии и включивший их в единую могущественную империю.

— У тебя, как я знаю, есть сын двадцати лет. Верно?

— Верно, — сказал тот.

— А у тебя, — обратился вождь к обидчику, — дочка лет шестнадцати. Так вот мое решение: пусть его сын женится на твоей дочери, и вы подарите им клад на свадьбу.

Крайне удивился Александр такому обороту дела:

— Какое странное решение ты принял! У нас в стране рассудили бы иначе.

— Тебе мой приговор показался несправедливым? — спросил вождь. — А как бы вы рассудили у себя в стране?

— По правде говоря, — ответил Александр, — я посадил бы обоих в темницу, отнял бы у них клад, и на эти деньги увеличил бы войско для новых завоеваний.

Хорошенько обдумал вождь его ответ, встал, сурово посмотрел на могущественного Александра и спросил:

— Над вашей страной сияет солнце?

— Конечно, — ответил тот. — Что за странный вопрос!

— А дожди идут, когда наступает их время?

— А как же! — сказал Александр, вконец озадаченный.

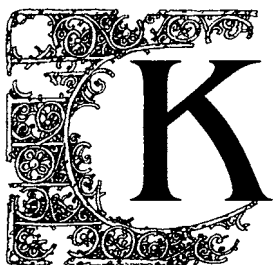
— Значит, у вас много домашних животных, которые пасутся на лугах, много зелени, много растений. Верно?

— Очень много. Всякого скота полно — и овец, и коров, и лошадей, — ответил Александр.

— Тогда все понятно, — сказал вождь. — Это для них, для невинных и безобидных животных, — и солнце, и дождь в той стране, где живут такие люди, как ты. Вы таких благ не заслуживаете.

ДЕРЕВЯННАЯ НЕВЕСТА

Когда-то жил-был царь с царицею, и была у них единственная дочь. Она была очень красивая и умная. Однажды, когда царь заговорил с нею о замужестве, она ему так ответила:

— Да, я выйду замуж, когда найдется умный парень, который после этого разговора с тобой сделает меня говорящей. А отныне я немая.

После этого сколько раз он не пытался заговорить с нею, она не отвечала: ни да и ни нет. Она нема и все...

Убедившись, что он ничего не может сделать, чтобы она стала говорящей, он объявил: "Кто добьется, чтобы принцесса заговорила, за того я отдам ее в жены".

Нашлось много желающих, которые хотели жениться на принцессе. Пришли принцы, графы и другие знатные люди, но никто не мог добиться, чтобы она заговорила. Они использовали все средства, чтобы добиться от нее хоть слово, и ничего не получилось. Обращались к ней с вопросами, рассказывали ей сказки, задавали загадки, анекдоты рассказывали, чтобы рассмешить ее, а она — говори ей и стене — все одинаково. Не отвечает и баста. И они вынуждены были уйти с опущенными носами.

И все же однажды выискался парень совсем простой, который взялся заставить ее заговорить. Его привели к принцессе. Он говорил с нею, говорил, но когда увидел, что она не отвечает на его умные слова, так он под конец так сказал:

— Послушай, прекрасная принцесса, я тебе расскажу удивительную сказку. Тебе полезно будет это послушать.

В одном городке было несколько мастеров, которые не имели работу и без дела бродили по улицам. И вот они однажды собрались вместе и договорились между собой всем вместе перебраться в дру-

гой город другой страны и там отыщется для них работа. Среди этих ремесленников были рубщик, резчик, художник, дамский портной, сапожник и ребе, который обучал детей говорить на иврите, молиться. И вот они собрались вместе со своими инструментами и принадлежностями, захватили с собой еду и пустились в путь. Они шли, шли и к вечеру очутились возле дремучего, большого и глубокого леса, где в ночное время можно было заблудиться. И они решили пока переночевать здесь возле леса, а завтра утром они решат, как двигаться дальше. Но перед тем как ложиться спать, они договорились, что каждый из них должен по очереди продежурить час, чтобы в случае появления зверей или разбойников разбудить всех. Бросили жребий, кто за кем должен дежурить. Выпало, что первым дежурит лесоруб.

Все легли спать, а лесоруб нарубил дров, зажег костер и грелся. Он увидел, что возле него лежит колода. Так как он томился от безделья и нечего было делать, то он достал топор, рубанок и обтесал эту колоду. Между тем окончилось время его дежурства, и он разбудил резчика, а сам лег спать. Резчик тоже подбросил дрова к огню и тоже томился от безделья. Увидев обструганную колоду, он решил, что можно что-то смастерить из нее. И он выточил красивую женскую фигуру. Время его дежурства тоже прошло и он разбудил художника, а сам лег спать. Художник тоже подбросил дров в огонь и тоже томился от безделья, и вдруг он увидел, стоит выточенная женская фигура. И он подумал, что можно вдохнуть в нее больше жизни. Он достал свои кисти и краску и так красиво ее разрисовал, что она действительно ожила. Художника сменил дамский портной, и он увидел, что стоит голая женщина. Портной подумал, что фигура у нее красивая, надо ее одеть. Снял он мерку и раз, два, — она уже одета в красивое и модное одеяние. Прошло и его дежурство, и портной разбудил сапожника, а сам тоже лег спать. Когда сапожник увидел, что стоит нарядная, красивая дама совсем босая, он тут же подумал: "Не гоже так. Надо смастерить ей пару ботинок". Снял он мерку и раз, два —

она уже обута в красивые ботинки. Сапожника сменил ребе. А сапожник уже тоже спит крепким сном. Когда ребе увидел, что стоит перед ним какая-то красивая женщина, он сначала крепко испугался и думает себе — как она сюда попала? Может, это бес какой-то. Увидев, что она не трогается с места, он набрался смелости и заговорил с нею. Но она не ответила. Его это затронуло за живое, и он ей сказал:

— Так ты молчишь, значит? У меня не молчат. Когда я начну тебя учить, то ты у меня помимо воли заговоришь!

И он учил ее и учил, пока она действительно не заговорила.

Между тем уже рассвело. Все проснулись, и видят, что ребе стоит и разговаривает с какой-то красивой женщиной. Они удивились и спрашивают у него:

— Кто она, эта дама?

— Эту девушку я нашел в лесу, — ответил ребе. — Она была немая, и я научил ее говорить, и она будет моей невестой.

Все стали ее разглядывать и, присмотревшись, каждый из них узнал свою работу.

— Если бы не я, — сказал дровосек, — ее бы на свете не было, я первый обтесал колоду.

— Коль не я, она бы колодой оставалась. Ведь я выточил эту красивую фигуру. Так что мне она принадлежит.

Тут же отозвался и художник:

— Что мне фигура, когда нет в ней жизни? Она остается мертвым трупом. Ведь я же ее оживил своими дорогими красками. Поэтому она мне и принадлежит.

Тут же вызвался и портной.

— Фэ, евреи! Некрасиво ругаться из-за чужой голый особы, которая только что была совсем голая. Ведь я ее одел с ног до головы и привел ее в людской вид, поэтому она и принадлежит мне.

— Какой людской вид был на ней, когда она совсем босая была? — сказал сапожник. — Когда я ей смастерил пару ботинок, только тогда она приобрела людской вид, поэтому она мне и принадлежит.

А ребе свое твердил:

— Эта девушка была немая. Я добился, чтобы она заговорила, поэтому она только мне и принадлежит.

И никто из них не хотел уступить.

И так они спорили и ругались, пока не решили пойти в город, чтобы там по закону решили их спор.

По дороге они проголодались и вошли в трактир подкрепиться. Там они трактирщику рассказали про свою тяжбу.

Трактирщик присудил, что девушка принадлежит сапожнику, потому что он ее обул.

— А теперь я у тебя спрашиваю, красивая и умная принцесса, правильно ли присудил трактирщик?

И тут принцесса не могла уже промолчать, потому что ей досадно было за глупое заключение трактирщика, и у нее вырвалось:

— Неправильно присудил! Девушка принадлежит ребе, потому что он сделал все, чтобы она заговорила...

И как только царь и его придворные услышали, что принцесса заговорила, они очень обрадовались, и они тут же подбежали к парню, который заставил принцессу заговорить, и они его на руках принесли к принцессе.

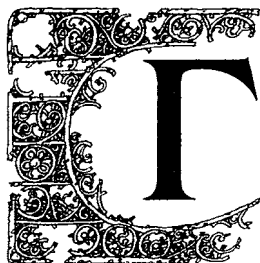
— Вот этот и есть тот умный парень, которого желает твоя душа, — сказал владыко.

— И за него я-таки замуж выйду, — ответила принцесса.

Радость в доме еще больше увеличилась, начали править свадьбу. Заиграла музыка, и стало совсем, совсем весело.

ЛИСА И ВИНОГРАД

Толодная лиса бежала мимо сада и увидела сквозь забор, что на кустах висели огромные кисти зрелого винограда. И очень захотелось ей полакомиться им. Но забор плотный и высокий — ни пролезть, ни перепрыгнуть. Металась она вокруг забора туда и сюда, наконец отыскала щель. Пробовала протиснуться сквозь нее, но никак не удавалось. Слишком тучная она была, а щель слишком узка. И тут у нее возникла мысль: надо похудеть. И она три дня и три ночи пролежала возле щели, похудела как щепка и тогда пробралась в сад.

Лиса ведь существо хитрое, но не умное. Не догадалась, что надо грозди отрывать, перебрасывать через забор, а потом есть их вволю. И она три дня и три ночи ела виноград, пока не пополнила и стала тучная как прежде. Пробовала она пролезть назад через ту же щель, через которую попала в сад. А не тут-то было: никак не могла выбраться из сада. Пришлось ей снова пролежать возле щели три дня и три ночи, пока снова похудела как щепка, только тогда ей удалось выбраться из сада. Бежит она в лес и по дороге думает: "Чего же я добилась? Вошла в сад худая и изможденная и выбралась оттуда такая же худая и изможденная".

Точно так бывает с человеком. Когда он появляется на свет Божий, он хилое беспомощное существо. Когда становится взрослым, тогда к нему не подступись. Требуется честного отношения к труду, а сам хапает где только можно, не зная границ в этом. Затем надвигается старость. Знакомые и бывшие приятели не хотят встречаться с ним, да и близким он становится в тягость. Так и влечет тягостное существование до конца своей жизни. Все было бы иначе, если бы с молодых лет делал добрые дела людям. Его бы

уважали и в старости. И родные к нему иначе относились бы. Оставил бы о себе добрую память. И умереть было бы ему не так страшно. Бог знает, может в рай попал бы. Быть может, и в самом деле существует загробная жизнь. Возможно, на самом деле душа отделяется от тела и существует на том свете... Ведь недаром столько веков люди верят в это...

СОБАКА СРЕДИ ВОЛКОВ

стretились волк с собакой. Волк был хорошо упитанный, гладкий и бодрый. А собака худая, хилая — кожа и кости на ней. Еле душа в теле.

— Чего ты так исхудала? — спросил волк у собаки.

— Эх, — отвечает собака, — плохо живется бездомным собакам. Бросит кто-либо кость, сразу начинается драка за нее. Достается кость самому сильному. Остальные уходят с синяками и ссадинами. И у меня такая доля.

Волк пожалел собаку и дал ей дельный совет.

— А ты, собака, переходи к нам, к волкам, сразу станет легче жить.

— А как я перейду? Ведь недаром среди людей есть поговорка такая: "Волк собаке не товарищ". Волки собак не любят. Увидят, сразу загрызут.

— Так ты умей сообразить, и все будет хорошо. Увидишь, где волки коня загрызли, так ты надуйся, хвост трубой подними, подойди смело и ешь досыта.

Собаке совет этот понравился. Увидит, где волки добычу поедают, поднимет хвост трубой, надуется, подходит и начинает тоже кормиться. И все сходит гладко.

Собака быстро освоилась среди волков, набрала вес, округлилась и мало чем отличалась от волков.

И вот однажды видит собака, что волк загрыз

овцу и обедает. Собака тут же надулась, подняла хвост, подошла к туше и начала тоже есть.

Волк посмотрел на нее внимательно и говорит:

— Эй, ты собака. Я ведь знаю, кто ты.

Оказалось, она напоролась на того волка, который посоветовал ей так делать.

КТО БОЛЕЕ ДОСТОИН ВЫПОЛНИТЬ ЭТУ ЧЕСТЬ

И з давних пор завещано, что выполнить волю родителей считается большой честью. И вот однажды глава семьи обратился к своим наследникам:

— Дети, принесите мне воды, очень хочется пить.

— Ой, отец просит воды! — засуетились все в доме. — Выполнить такую просьбу — это большая честь. Кто же больше достоин из нас выполнить ее?

Думали, гадали и остановились на Боре. Ведь он самый старший из детей, к тому же — отличник.

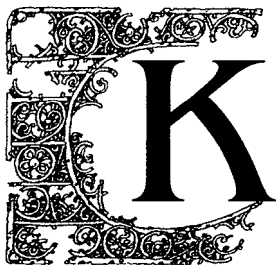
— Так-то оно так, — ответил Боря. — Но не забудьте, что Мирочка у нас единственная сестрица. Давайте ей окажем эту честь.

— Очень приятно было бы удостоиться этой чести, — ответила Мира, — но ведь больше всех отец любит меньшего братика нашего Изю.

— Если это такая большая честь, — ответил Изя, — то она принадлежит отцу. — Пусть пойдет, принесет себе воды и напьется.

САМЫЙ ЦЕННЫЙ ТОВАР

Купеческий обоз с товарами двигался из Минска в Бобруйск. Среди них был молодой человек, скромно одетый. Он вез с собою небольшой чемодан.

— В каком возу ваш товар?
— спросили у него.

- Он вместе со мною, — ответил молодой человек.
- Понятно. — Значит, золотом торгуете.
- Не угадали.
- Значит, бриллиантами.
- А ценней не хотите назвать?

Тут уже никто не ответил. Не знали, какой товар еще более ценный.

По дороге на них напали разбойники, ограбили всех. У молодого человека тоже отобрали чемодан, раскрыли его, порылись и, ничего не взяв, вернули ему назад.

Когда немного улеглись страсти, кто-то из купцов, указав на молодого человека, сказал:

— Хвастался, что везет товар дороже золота и бриллиантов, а у него там вошь на аркане. Даже грабителям нечем было поживиться.

На это последовал ответ:

— А то, что я везу с собою, не дается ограблению. Более того. Я свой товар реализую, и он нисколько не убавляется, а наоборот, прибавляется.

— Так скажите в конце концов, что же везете с собою? — не отставали от него купцы.

— Знания, — ответил он. — Я в Вильно четыре года проучился, университет окончил. Еду в Борисов учительствовать. И среди взрослых буду проводить просветительную работу.

В МИНСКЕ И ПИНСКЕ — ВСЕ ОДИНАКОВО

В старину обитатели черты оседлости очень редко когда удалялись за пределы своего жительства, часто не бывали даже в одной из ближайших деревень. И вот однажды трубочист Михл из Пинска решил пешим ходом отправиться в Минск посмотреть, как выглядит этот город, как там люди живут, чем занимаются, что они там едят, как одеваются и прочее. Минск он выбрал потому, что Пинск и Минск почти одинаково звучат. Стало быть, и много родственного в этих городах. Единственным транспортом передвижения, который тогда существовал, был гужевой — на подводах передвигались.

И вот разузнал Михл, в какую сторону надо двигаться, встал рано утром, вложил в торбу несколько буханок хлеба и все, что надо для молитв, и двинулся в путь.

Шел он прямым путем, как ему указано было, ничего ни у кого не расспрашивал, так как, кроме еврейского, никаких других языков не знал и ни одного еврея по пути не повстречал. Время определял по солнцу.

Вечером, когда солнышко зашло, он остановился у перелеска и решил заночевать.

Рядом была криница. Покушал он хлеба, запил криничной водой. Совершил вечернюю молитву и лег спать. И чтобы не перепутать направление, в какую сторону продолжать идти завтра, положил ботинки носками в сторону дороги, что ведет в Минск.

Спал Михл так крепко, что не заметил, как подошел к нему бродяга. До мешка добраться было ему невозможно, потому что он служил подушкой спящему. Взял бродяга в руки ботинки, осмотрел их и разочаровался. Одни латы на них, подошва протерта. Никто их не купит. И самому бродяге они не нужны. Положил обратно, только носками не в сторону Мин-

ска, а наоборот. Случайно так получилось.

На рассвете Михл проснулся, помолился Богу, позавтракал и снова тронулся в путь.

К вечеру добрался до большого города. "Не иначе, как Минск", — подумал он. Зашел в город, добрался до центральных улиц и видит, — все точно так же, как и в Пинске. И дома такие же. Оказывается, что все города построены на один и тот же манер. Интересно, есть ли тут такая же улица, где он проживает. Оказывается, — есть. И даже дом такой же, где он проживает, тоже есть. И квартира такая же. И клямка такая же в двери. И тут у него возникло желание зайти в эту квартиру, посмотреть, кто там живет. Заходит он и, Бог ты мой, — точно такая же женщина, как его жена, стоит у печи и огонь разжигает. Не иначе, как ужин готовит мужу. Она так занята делом, что на вошедшего никакого внимания не обращает.

— Хозяюшка, — обратился он к ней. — Можно ли у вас переночевать?

Она встрепенулась, посмотрела на него, схватила вилку и давай его дубасить.

— Ах, ты негодник! Так перепугал меня, что я чуть в обморок не упала...

— Надо же! — подумал Михл, — и норов такой же, как у моей жены.

Ушел он и решил пойти переночевать в синагогу. Разыскивать, где находится синагога ему не пришлось. Он уже знал, что улицы и дома во всех городах одинаковые, и одинаково расположены. Зашел в синагогу и, так как вечерняя молитва уже закончилась, застал там только службу. И служба был такой же, как и в Пинске.

— Ты что, Михелэ, уже из Минска вернулся? — спросил у него служака. И тут Михла надоумило спросить:

— А в каком же городе я нахожусь?

Служка посмотрел на него удивленно и спросил:

— Ты что, пьяный или с ума спятил? Родился в Пинске, всю жизнь прожил в Пинске и забыл, как этот город называется.

Только теперь до Михла дошло, что перепутал он дорогу и вернулся назад в Пинск...

ЯЗЫК ПТИЦ

ил один человек. Ежедневно он ходил в синагогу и, когда проходил мимо хауза, бросал в него лепешку. Как-то человек заболел, слег и, чувствуя, что умирает, перед смертью наказал сыну: "Каждый день бросай по лепешке в хауз, чтобы рыбы ели и тебя благославляли".

После смерти отца сын ежедневно бросал в хауз по лепешке. Настал день, когда рыбы заявили: "Что для нас одна лепешка? Мы не наедаемся".

И одна из них проглотила парня. Оказавшись внутри рыбы, юноша научился языку рыб, птиц и животных.

Однажды рыба попала в сеть, и ее купил человек по имени Хохом. Дома его ждала дочь, удивляясь, что отец в субботний вечер опаздывает. Когда Хохом пришёл домой, она сказала: "Почему вы пришли поздно? Разве не знаете, что у нас нет ни масла для лампы, ни свечей, ни керосина. Поэтому в светильник я залила уксус".

Отец ответил: "Не беспокойся, дочка. Я из-за рыбы опоздал. В ночь на воскресенье прочитаем молитву, чтобы Бог превратил уксус в масло".

Во время чистки рыбы изнутри раздался голос: "Потише, потише чистите, осторожно, не порежьте мне шею". Девушка испугалась и позвала отца. Тот разрезал рыбу, из нее вышел красивый юноша и рассказал о случившемся с ним.

Хохому парень понравился. Он отдал ему в жены свою дочь. Прошло время, и у молодых родился ребенок. Однажды в дни праздника Сукот молодые спали во дворе. Вдруг во двор прилетела ворона со своими птенцами. Один из птенцов сказал матери: "Мне захотелось попробовать человеческий глаз! Спустишь вниз, выключу глаз ребёнку и вер-

нусь обратно". Ворона-мать стала возражать: "Если поймают, мы не сможем ничем тебе помочь". Птенец ответил: "Если попадусь, отдадите семь корчаг золота тому, кто меня освободит".

Птенец (сын вороны) слетел вниз, клюнул ножку ребенку, затем ручку, носик, а когда хотел клюнуть в глаз, парень поймал его. Увидев это, ворона закаркала: "Если бы этот парень понимал наш язык, я бы ему семь корчаг золота дала, лишь бы освободить тебя". Парень, услышав это, сказал вороне: "Я твой язык знаю. Давай мне семь корчаг золота, и я освобожу твоего сына". Повела парня ворона, показала ему, где лежат семь корчаг золота, и парень отдал пойманного птенца.

На следующий день купил семь ишаков, нанял семь человек, взял семь мешков и стал перевозить золото. Чтобы не привлекать внимания, один раз везет глину, другой раз золото. Ишакам это не понравилось, и один из них сказал: "До каких пор он на нас будет золото возить, получая удовольствие, а мы испытывать мучения?" Решили ишаки подраться между собой на улице. Мешки порвутся, золото рассыпется, увидят это люди, сдадут золото в царскую казну, а они освободятся. Парень, услышав это разговор, вместо золота насыпал в мешки глину.

Как и договорились, ишаки стали лягаться и хотели разорвать мешки, но парень быстро погнал их домой. Как следует побил упрямых ишаков и сказал: "Я понимаю ваш язык. Столько овса и всего другого поедаете, а работу не хотите выполнять". Получив взбучку, ишаки успокоились, и парень спокойно перевез все золото домой.

На это золото он построил много домов со множеством комнат. Как-то вечером жена спросила: "Откуда у тебя столько золота, ценностей, домов, имущества? Откройте мне секрет". Муж ответил: "Завтра я открою тебе секрет". Но он не знал, что если расскажет кому-нибудь свой секрет, то умрет.

Петухи услышали их разговор и стали между собой обсуждать: "Наш хозяин секрет жене откроет, после этого умрет, а что с нами будет, кто нам будет

корм давать?" Один из петухов сказал: "Нас десять, каждый из нас десятью женами управляет, оберегает, и они слушаются нас. Как это хозяин с одной женой не управится, не сладит?" А другой спросил: "Что же он должен сделать, чтобы секрет не выдать и жену сохранить в подчинении?"

"Взять камчу и крепко побить жену, другой раз про секрет не будет спрашивать," — ответил петух.

На следующий вечер муж позвал жену в чулан и сказал: "Сейчас расскажу тебе свой секрет!" Взял двуязыкую камчу и побил ее. Жена после этого зареклась спрашивать о секретах. На следующее утро петухи сказали: "И медведь делается ученым при помощи палки".

ВСЁ, ЧТО ИМЕЮ, — ПОД НОГАМИ...

ил-был один ткач. Целыми днями он работал. Что за день заработает — проест, а что останется — под пол в золотую корчажку складывал. Потом, поставив на нее обе

ноги, напевал:

— Что имею — под ногами, что имею — под ногами...

Недобрые люди, услышав эти слова, подумали: "Наверное, он много денег скопил, раз так поёт. Вот бы посмотреть, что у него под полом". Когда ткач отлучился из дома по какому-то делу, они раскопали землю под полом и увидели золотой кувшинчик, наполовину наполненный золотом. "Вот в чем смысл песни", — смекнули вору и забрали скопленное многолетним трудом ткача, засыпали и разровняли тайник. Однажды хотел бедняга-ткач положить деньги под пол и вдруг увидел: нет ни золотой корчажки, ни

золота. "Погорел", — сказал ткач и запел другую песню:

— Если бы было — заполнил, если бы было — заполнил...

Воры, что взяли корчажку, услышав такие слова, подумали: "Жаль, что он наполнил не до верха, после надо было взять". И дождавшись, когда ткач ушел из дома, принесли наполовину наполненный золотой кувшинчик и положили на прежнее место.

Вернувшись, ткач увидел кувшинчик, надежно спрятал и стал напевать:

— Борода напрасно надеявшегося на заднице обнищавшего...

— Борода напрасно надеявшегося на заднице обнищавшего...

АЛАПОСТАК И СТАРУХА

или-были старуха и Алапостак. Как-то старуха сказала Алапостаку: "Я пойду на базар, молоко поставлю под корзину, смотри, чтобы кошка не выпила".

Когда бабушка ушла, Алапостак выпил молоко и сделал вид будто кошка его вылакала, а сам спрятался за тандыр.

Бабушка пришла с базара. Увидев, что молоко исчезло, стала звать: "Алапостак, Алапостак!" Но он не отзывался. Поискав, нашла его за тандыром. Алапостак бросился бежать, бабушка — за ним. Наконец, поймала за хвост, но он вырвался и убежал, а хвост остался в руках у бабушки. Алапостак вернулся и просит: "Отдай мой хвост!", а старушка в ответ: "Отдай моё молоко".

Алапостак пошел к корове и попросил: "Корова, корова, дай мне молока!" Корова ответила: "Прине-

си мне зеленых листьев, дам тебе молока".

Алапостак пошел к дереву и говорит: "Дерево, дерево, дай мне зеленых листьев".

Дерево отвечает: "Дай мне воды, потом я тебе дам листья".

Алапостак пошел к водоносу и говорит: "Водонос, водонос, дай мне воды!" Водонос сказал: "Дай мне яиц, потом я дам тебе воду".

Алапостак пошел к курице и говорит ей: "Курочка, курочка, дай мне яиц".

Курица сказала: "Дай мне зерна, я дам тебе яиц". Алапостак пошел к лавочнику: "Лавочник, лавочник, дай мне зерна".

Дал лавочник зерна Алапостаку. Тот дал зерно курице, у курицы взял яйца, отдал водоносу, у водоноса взял воду, отдал дереву, у дерева взял зеленые листья, отдал корове, у коровы взял молоко. Отдал бабушке молоко, взял у нее свой хвост, пошел к сапожнику и говорит: "Сапожник, сапожник, пришей мне хвост".

Сапожник хвост пришил, а вместе с ним и зашил попу.

Потом Алапостак полез на дерево и стал есть тутовник, отчего у него разболелся живот. А попа-то у него зашита, из-за этого на двор сходить не может. Пошел он к сапожнику. Сапожник открыл ему попу да и сам выпачкался. Пришлось пойти на речку и чисто вымыться.

ПЛЕШИВЫЙ

В одном государстве был царь. У него была красавица дочь. Лицо ее красотой солнце затмевало.

Царь объявил: "Я отдам свою дочь за того, кто сможет мне три неправдоподобных, уму непостижимых истории рассказать".

Он не хотел разлучаться с дочерью, сердце не позволяло. Предлог придумал, чтобы молодые люди не смогли справиться с заданием, а несправившихся — казнить, чтобы впредь никто не проявлял интереса к его дочери, и она от него не ушла.

Напрасно приходили юноши, сыновья знатных людей, с намерениями взять в жены красивую царскую дочь, но три лживых истории рассказать не смогли, Всем им царь головы снял, а из голов соорудил башню.

Один плешивый услышал про это и сказал: "Пойду к царской дочери свататься. Мне три лживых слова сказать, словно глоток воды выпить".

У этого плешивого была бабушка. Она пекла блины, слоеные пирожки, а лысый выносил их на базар на подносе и продавал. Вот приходит он к своей старой бабушке и говорит: "Сделайте приготовления и дайте мне, я отправлюсь царскую дочь взять".

Старушка запричитала: "Смерти ищешь? Многие ушли и не справились. Разве ты сможешь? Откажись от этой затеи".

"Нет, — ответил лысый. — "Да" скажете — уеду. "Нет" скажете — все равно уеду".

Тогда старушка приготовила все, о чем просил плешивый, и он уехал. Когда подъехал к воротам царя, стражники спросили у него: "Зачем приехал?" Он ответил: "Царскую дочь взять приехал".

Один сказал: "Смерти захотел, плешивый?" Другой добавил: "Жизнь твоей душе надоела, плешивый?"

"Что бы ни было, пожертвую свою кровь за царскую дочь. Приму смерть на свою голову, но три лживых истории расскажу", — ответил лысый, вошел в ворота и поклонился царю. Стал царь смеяться над ним: "Плешивый, не боишься голову потерять? Ты башню не видел, что ли? Полюбуйся, вон сколько голов не смогли сплести лжи, а ты сможешь? Ну, смерть твоя, видно, пришла. Завтра голова станет в ряд с теми головами. Говори свои истории".

"Воля вашего величества, чтобы я болезни вашей головы принял. Ложка моей крови — жертва за ресницу вашей дочери. Порода человека такова, что у него на лбу начертана судьба. Я, как и все люди,

рискую и живу надеждой", — сказал плешивый и начал рассказывать.

"Однажды я убил птичку. Из нее получился батман мяса и 32 килограмма сала. Из этого мяса и сала я быстро приготовил вкусный, жирный плов и с удовольствием поел. Руки у меня стали жирные, и я не знал, обо что же их вытереть. Встал и вытер о голенище сапога. Еда настолько меня сморила, что я, смазав одно голенище, крепко заснул. Сквозь сон слышу шум большой драки. Проснулся и вижу: голенища моих сапог друг друга колотят: "Почему хозяин тебя смазал?" — кричит одно голенище другому. Встал я, поколотил обоих, да так сильно, что моя собственная голова отлетела.

Иду дальше, вижу: голова моя посередине базара стоит и торгует водкой. Прошел немного, смотрю — голова моя катается на льду. Ударил свою голову и поставил ее на место.

Как вы считаете, эти истории соответствуют действительности? Лживее их не бывает!" — завершил свой рассказ лысый.

Видит царь, что действительно, истории, которые рассказал плешивый, — невероятная ложь. "Я не нарушу своего слова. Какое мне дело, что он сын бедняка? Денег и богатства у меня самого во множестве", — сказал царь и отдал свою дочь за плешивого.

Плешивый стал зятем царя и достиг своих заветных желаний, чего и всем желаем.

НЕУДАЧНИК

В одном городе был царь. У него была единственная дочь. Девушка была некрасива. Постепенно она подросла, настала пора ей выйти замуж. Но никто ее не сватал. Царица

была опечалена, переживала, что ее дочь останется старой девой.

Однажды, когда у нее от горести зашло сердце, заплакав, она пошла к царю и, плача, сказала: "Я умру, не могу перенести эту беду. Почему моя единственная дочь должна остаться старой девой? Сделайте что-нибудь".

Царь, подумав, сказал: "Зачем горюете и переживаете? Пошлите за свахами, расскажите им, и они сами найдут выход, отыщут жениха".

Царица вышла от царя и послала за свахами. Когда пришли свахи, она им рассказала о своем горе. "Не горюйте, найдем вашей дочери хорошего парня", — сказали свахи и ушли.

В том же городе жил мужчина. У него был сын. Юноша был хороший, но весьма неудачлив. К какому бы делу ни приступал, получалось все наоборот. Короче, брал в руки золото, а оно превращалось в песок. Взял жену — жена умерла. Стал купцом — потерпел убыток, дом купил — он сгорел.

Пока отец жив был, жили неплохо. Когда отец умер, положение парня с матерью стало очень стесненным. Ни к одному делу не мог он приложить руки, чтобы не иметь урона. Свахи подумали: этому парню подходит дочь царя, ведь царь даст за ней много денег и солидное приданое. В довольстве будут жить.

Сделка была одобрена. Царь за парня с неудачливой судьбой отдал свою дочь. Устроили свадьбу. Царевна пришла в дом к мужу с солидным приданым и большим количеством денег. Жизнь их стала протекать в довольстве, родились дети. Пока были деньги, жизнь проходила в достатке. Когда же все кончилось, то положение опять стало стесненным. Царь несколько раз оказывал помощь. Но дочь стеснялась просить у отца деньги. Решила со свекровью, что пора мужу заняться делом, он семейный, до каких же пор будет сидеть в надежде на казну царя. Парень нашел работу, стал работать. Но опять судьба, все та же судьба, — потерпел неудачу. Женщины опять держали совет: "Чем бы ему заняться, чтобы неудачи не иметь?" Одна из них,

подумав, сказала: "Лучше всего, если мы его научим быть врачом. Пусть ходит по городам и лечит людей".

Стали его готовить. Купили чемодан, положили в него лекарства и начали объяснять, что от болей в желудке человеку, у которого запор, надо давать касторовое масло. Человеку, у которого кашель, надо варить и давать анис. Затем положили детскую резиновую клизму. "А это, говорят, если у детей болит живот, кишечник не работает. Набрав кипяченой воды, в дырочку заднего прохода надо пустить. А если болят глаза, то их надо промывать холодным чаем".

Парень эти советы запомнил, простился с матерью, женой, детьми и уехал.

Прибыл он в один большой город. Трубачи-герольды объявили: "Большой табиб приехал в город, от всех болезней исцеление находит".

Парень прожил в этом городе месяца два-три, но ни один больной к нему не пришел.

В этом же городе правил царь, у которого была единственная любимая дочь. Он берег ее как зеницу ока. Однажды царевна тяжело заболела. Всех знаменитых врачей пригласили, но они исцеления от болезни не могли найти. Мать девушки пришла к царю и, рыдая, сказала: "За табибом, про которого трубачи оповещали, пошлите человека. Может быть, он исцелит нашу дочь".

Царь послал двух визирей: "Чтобы того табиба, где бы он ни был, нашли и привели!" Поехали оба визиря, нашли табиба, посадили его в коляску и привезли. С чемоданом в руке зашел он к больной. В комнате сидели несколько известных врачей. Они стали следить за действиями табиба.

Он открыл чемодан и стал вспоминать назначение инструментов, которые принес с собой. Взял резиновую клизму, попросил воды. Набрав в клизму воды, опять стал думать. Советы, которыми напутствовали его мать и жена, он уже забыл и не знал, что же делать. Помнил только, что клизму надо воткнуть в дырку, но в какую — забыл. Взяв клизму, подошел к тяжелобольной. Увидел ноздрю. "Наверное, эти самые

дырки и есть", — подумал он и вставил клизму в нос больной. Когда пустил воду, большая побледнела и затряслась. Все врачи, которые были в комнате, тоже побледнели, а таиб, испугавшись, вытащил клизму из носа. Как только он вытащил клизму, из ноздри выползла змейка. Больная открыла глаза и постепенно стала приходить в себя. Вскоре она поправилась. А табибу за то, что вырвал дочь из когтей смерти, царь подарил полцарства.

ЭЗУМКАШ

Жил один собиратель дров — Эзумкаш. Каждый день он собирал дрова и приносил домой. Но приносил дров мало. Однажды он сказал жене: "Дай мне побольше лепешек — я дров побольше принесу".

Жена испекла семь лепешек. Взял он лепешки и пошел.

По дороге ему попался круглый мраморный камень. Под тем камнем жили семь шайтанов. Эзумкаш, сев на камень, стал приговаривать: "Семерых съем, семерых съем!" Черти испугались: "Не ешь нас. Мы тебе котел и шумовку дадим. Шумовкой по котлу ударишь — что захочешь, будет приготовлено. Плов захочешь — плов приготовит, шашлык захочешь — шашлык приготовит, самсу захочешь — самсу приготовит".

Эзумкаш взял котел с шумовкой и пошел в опий-курильню. Владельцем той курильни был его близкий друг. Тотчас же он угостил Эзумкаша большой чашкой опия. Собиратель хвороста выпил опий и опьянел. Вручил котел и шумовку своему другу и сказал: "Ты шумовку о котел не ударяй и не говори, чтобы кушанья приготовил. А то котел что за-

хочешь приготовить. Да смотри: котел и шумовку не потеряй". Сказал и уснул.

Владелец курильни забрал котел и шумовку домой и все рассказал жене. Жена говорит ему: "Сначала хоть раз посмотрите, приготовит ли котел какое-нибудь кушанье?" "Твои слова разумны", — согласился владелец опийкурильни. Взял шумовку, удалив по котлу и говорит: "Сготовь плов".

И действительно, получился замечательный плов. Муж и жена съели плов и заказали кавардак. Тотчас котел приготовил кавардак. "Вот такие дела, — сказала жена и послала хозяина на базар: "Сейчас же купите котел и шумовку — такие же, как эти. Когда Эзумкаш спросит, вместо его шумовки и котла отдайте ему купленные на базаре".

Владелец курильни пошел на базар, купил такие же, как у Эзумкаша, шумовку и котел и принес в опийкурильню. Через некоторое время собиратель хвороста проснулся, попросил свою шумовку и котел. Его друг отдал ему шумовку и котел, купленные на базаре.

Эзумкаш, не зная об этом, пришел домой и с радостью говорит жене: "Вот котел и шумовку принес. Все, что твоей душе угодно, этот котел и шумовка готовят и доставят. Плов хочешь, шашлык хочешь, пельмени хочешь — все быстро сварят и подадут".

Жена не поверила: "Сначала пусть хотя бы суп с клецками сварят".

"Ладно", — согласился он. Взял шумовку и, удалив по котлу, сказал: "Суп с клецками свари и уху".

Но сколько не бил, а кушанья нет. Котел и шумовка уже разбились вдребегзи, а ничего нет. "Кто-то вас надул. Разве могли котел и шумовка сами по себе что-нибудь приготовить?", — воскликнула жена Эзумкаша.

"Ты мне еще семь лепешек испеки и дай, — говорит Эзумкаш жене. — Я тебе много хвороста принесу". Женщина послушала своего мужа, испекла еще семь лепешек и отдала ему. Эзумкаш взял лепешки, пошел к тому же мраморному камню, сел и опять стал приговаривать: "Семерых съем, семерых съем".

"Не ешь нас, мы тебе другую вещь дадим", — стали его уговаривать шайтаны. И дали ему линейку-аршин. А этот аршин был не простой. Какой материал ни попросишь: шелк-муар, парчу, бархат — все он сделает и доставит.

Глупый собиратель дров взял аршин и снова зашел в опийкурильню. Увидев его, владелец курильни сказал: "Опять ты что-то принес". Наполнил чашку опиумом и преподнес Эзумкашу.

Выпив большую чашку опиума и опьянев, Эзумкаш вручил аршин владельцу курильни и проговорился: "Ты не говори, чтобы аршин тебе дал ситец, шелк-муар, бархат, а то даст". Сказал и уснул.

Владелец опийкурильни, взяв аршин, пошел домой и все рассказал жене. "Ну-ка, попросите ситец или бархат. Если даст — значит, правда. Если не даст — значит, он вас обманул". Взяв аршин в руки, приказал: "Давай ситец". И ситец появился. "Давай бархат" — появился бархат. "Давай шелк-муар" — появился шелк-муар. Жена говорит: "Пойдите на базар, такой же аршин купите и Эзумкашу отдайте".

Пошел хозяин курильни на базар, купил такой же аршин и принес в опийкурильню. Когда Эзумкаш проснулся и спросил про свой аршин, хозяин ему тут же принес купленный на базаре.

Эзумкаш пошел домой. Придя, сказал жене: "Что желаешь, попроси: ситец, бархат, шелк-муар. Все исполнит этот аршин".

"Пока хотя бы ситец дал, — обрадовалась жена Эмумкаша, — потом остальное попросим".

Взял Эмумкаш аршин. "Дай ситец", — говорит. Но ситца не было и в помине. "Дай бархат". Бархата тоже не было. "Опять тебя, глупого, обманули! Где ты видел, чтобы аршин все, что захочешь, выполнял?". Сказав так, жена Эмумкаша начала упрекать: всегда вы меня обманываете, одни только неприятности из-за вас".

Эмумкаш жену успокоил и попросил: "Ты мне еще лепешек испеки, я соберу много дров. Заживем мы лучше". Жена успокоилась, замесила тесто, испекла семь лепешек и отдала мужу.

Взял Эзумкаш лепешки, пошел к мраморному камню и говорит: "Семерых съем, семерых съем". Черти испугались, вынесли ему палку. "Секрет этой палки таков: "Бей" скажешь — бьет, "спокойно" скажешь — остановится".

Взяв палку, Эзумкаш опять в опийкурильню пошел. Как только увидел его хозяин курильни, быстро принес полную косу опия. Выпил Эзумкаш опий, отдал хозяину палку. "Не говори — "бей", а то будешь бит", — предупредил и тотчас уснул.

Владелец опийкурильни, войдя в дом, сказал палке: "Бей". Палка как начала бить, у кого желчь лопнула, у кого ноги перебиты. Хозяин опийкурильни к Эзумкашу, а палка за ним бежит и лупит его вовсю.

"Вставай, возьми свою палку, а то она меня убьет. Котел твой отдам, шумовку и аршин отдам. Весь бархат и шелк-муар тоже верну. Только освободи меня," — вопил владелец курильни.

"Спокойно, спокойно", — сказал Эзумкаш, взял палку и спрятал за пазуху. Владелец опийкурильни котел, шумовку, аршин вынес и отдал вместе с тканями Эзумкашу со словами: "Возьми твои вещи и уходи. Больше сюда не приходи, сгинь". И запер дверь.

Эзумкаш, взяв котел, шумовку и аршин с палкой, радостный пошел к жене и все ей рассказал. Стали они благодаря котлу и шумовке иметь вкусные кушанья. Аршин им бархат и другие нужные ткани давал, одеждой их обеспечивал. То, что они видели и не видели, стало для них одинаково доступно. Они достигли своих заветных желаний. И нам этого достигнуть.

"РУКАВ, УГОЩАЙСЯ!"

ил богатый человек. Однажды в доме у одного бая был туй. Богача пригласили на пиршество. Он подумал: "Если я пойду в новом халате, то мне окажут уважение.

Посмотрю, какое мне окажут уважение и почтение, если я пойду в старой одежде".

Оделся он в поношенную одежду и пошел на торжество. Пришел — угощение идет полным ходом. Всех именитых богачей посадили на видном месте, оказывают им почет и уважение.

Этого же человека в старой одежде, как только он вошел в дверь, слуги немедленно выдворили на улицу. "Твое место не здесь. Если наш хозяин тебя увидит, нас поругает. Здесь, на улице подожди. Если обед останется, мы тарелку принесем, покушаешь и без скандала уходи домой".

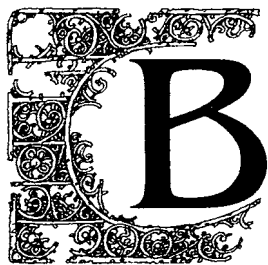
"Желаю вам здоровья. Я не голодный, только один раз в жизни на туй полюбоваться хотел, но и того Бог не пожелал. До свидания," — сказал бай и ушел домой.

Снял старую одежду, надел свою обычную, богатую. Сел в коляску и вернулся на торжество. Как только он вошел в дверь, слуги подбежали к нему, приняли его обувь, спрятали надежно, чтобы не потерялась, людей ведь много. Шубу повесили, ему самому оказали внимание. Хозяин услышав, что прибыл богач, прибежал, взял его под руку, провел на лучшее место. Тут же принесли почетному гостю рыбу, курицу, отваренные ребра и грудинку барана, овощи, плов.

Гость, увидев столько почтения и уважения, сказал: "Рукав, угощайся!" Сидевшие рядом люди спросили: "Что значат ваши слова?" Он рассказал: "Давеча я пришел сюда в старой одежде, и меня выставили

на улицу. Я пошел домой, надел новую одежду и вернулся. Теперь меня усадили на лучшее место, оказывают уважение, плов и другие угощения подносят. Все это благодаря богатой одежде. Вот почему я и сказал: "Рукав, ешь, это твоя доля!" В этой одежде мне оказали уважение, принесли кушанья, я тоже рукав уважил и почтил".

РОГА

В одном городе жил человек с женой и тремя сыновьями. Сыновья выросли, обзавелись семьями и отделились. Все жили хорошо. Но вот заболела у человека жена и умерла. После смерти матери дети зачастили к отцу, каждый день приглашали его к себе. Каждый старался, чтобы отец жил у него. Прошло несколько месяцев. Видит отец, что дети любят его и уважают. Думает про себя: "Кому останется мое богатство, если я умру? Лучше разделю деньги при жизни". Вызывает сыновей и, разделив, отдал им все, что имел.

После этого несколько месяца сыновья относились к отцу хорошо. Однако потихоньку они стали забывать его и занимались только своими делами. Плохо стало отцу, никто за ним не ухаживал. "Что делать, чтобы вернуть былое уважение?" — задумался он.

Через некоторое время вызвал он младшего сына и говорит: "Я не все свое наследство разделил между вами. Часть богатства я спрятал вот здесь, под своей кроватью, в земле. Никто об этом не знает, я никому не говорил. Только тебе говорю. После моей смерти выкопашь и заберешь".

Через два-три дня вызвал среднего сына и повторил то же самое: "Под кроватью, где я сплю, спрятана часть богатства. Эту тайну только тебе открываю. Не говори братьям. После моей смерти приходи и бери".

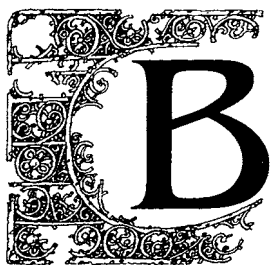
Потом говорит старшему сыну: "Я открою тебе тайну. Ты мой старший сын. Братьям только не говори. Я не все свое богатство раздал вам. Под моей кроватью часть богатства зарыта. Когда я умру, возьмешь".

Дети, узнав это, стали по-другому относиться к отцу, вернулось былое уважение. А отец решил: "Напишу сыновьям завещание, а то они, как и я, разделят свое имущество между своими детьми при жизни".

Прошло время, отец постарел и умер. Дети похоронили его и вернулись домой. Сидят в комнате, молчат, но не расходятся. Младшему надоело, и он сказал: "Почему вы не уходите? Отец мне говорил, что под тем местом, где он спал, зарыто богатство, я должен его взять, как он велел". Средний брат сказал: "И мне он говорил так же". Старший брат удивился: "И мне точно то же говорил отец".

Все трое начали копать под кроватью. В небольшом углублении обнаружили всего-навсего рога коровы и какую-то бумажку. Оказалось — это завещание, а там написано: "Только простачки при жизни раздают свое имущество. Если кто при жизни делит свое богатство, то надо бить его этими рогами".

СУДЬБА

В одном городе жили два брата. Старший был богат, а младший беден и находился в услужении у старшего. Что старший брат ни прикажет — младший, не говоря ни слова, выполняет. Правда, старший его не обижал. Жена младшего брата выполняла домашнюю работу своей снохи. Жена старшего брата всегда рожала девочек, а младшего — сыновей.

Однажды обе снохи снова забеременели. Были они между собою дружны. Как-то сидели и разгова-

ривали, и коснулся разговор рождения детей. Жена старшего брата стала горевать: "Опять, наверное, рожу дочь. Беременность так же проходит, как и прежние. Умру с неисполненным заветным желанием иметь сына".

Младшая сноха стала ее успокаивать: "К радости родите сына, надежду на Бога не теряйте. Мир — место надежды, без нее существует только шайтан".

Потом между собой уговорились: если одна родит сына, а другая дочь, то помолвят детей. Жена бедного спросила: "Если я рожу сына, вашу дочь за бедняка отдадите, не будете считать для себя унижительным?" "Нет, Бог один, и слово мое одно!" — ответила жена старшего брата.

Во время этой беседы старший брат прислал записку: "Въезжаем на базар, в такое-то место. Пришлите еду, напитки и все необходимое, не мешкая. Снохи все приготовили и с младшим братом отослали напитки, фрукты, сладости, пирожки, сушеный урюк, соленые косточки, мясо, масло, рис и прочее.

С пятнадцатью-двадцатью состоятельными людьми старший брат устроил угощение за городом. Время провели весело, слушали певцов, отдохнули как следует. Ближе к вечеру искупались и вернулись в город.

Наутро старший брат обнаружил, что при нем нет золотых часов. Стал вспоминать, где их оставил. Вспомнил, что перед купанием часы с цепочкой повесил возле хауза. Тут же послал младшего брата: "Принеси мне мои часы из купальни".

"Разве часы остались целыми и невредимыми до сих пор? Их оттуда унесли, наверное," — возразил младший. "Ты все же пойди, посмотри, может быть, целы".

Младший брат пошел. Войдя в купальню, увидел, что, действительно, золотые часы с цепочкой висят на гвозде. Он хотел их снять, но незнакомый высокий человек не дал это сделать. На возражения он ответил: "Если это часы твоего брата, то принеси от него записку, тогда отдам".

Сколько ни просил младший брат, ни уверял, что напрасно посылает за запиской, тот был неумолим.

А когда младший брат спросил: "Кто вы такой?" — ответил: "Когда принесешь записку, тогда и скажу".

Ничего не поделаешь, пришлось младшему брату вернуться ни с чем. Придя, рассказал о происшедшем. Старший брат не поверил: "Тебе, видно показалось. Зачем я буду писать незнакомому человеку?" Младший брат настаивал: "Напишите, ака, прошу вас. Незнакомец сказал, что только с вашей запиской отдаст, не иначе".

Выпросил-таки у брата записку и на другой день отправился. Придя, увидел: стоит тот человек возле часов. Подал ему записку. Прочитав, незнакомец вручил золотые часы с цепочкой: "Теперь получай и неси, я спокоен".

"Вы мне обещали сказать, кто вы такой", — напомнил младший брат. "Скажу", — отвечает. — Я Судьба-Мазол твоего брата, охраняю его самого и его имущество". "Скажите, дядя, у меня тоже есть Судьба-Мазол?" — спросил младший брат. "Да, и у тебя тоже есть Судьба-Мазол, только он спит, его надо разбудить", — ответил тот. "Но как же его разбудить и где он?" "Я тебе покажу. Ты его разбуди. Твой Судьба-Мазол еще больше и лучше, чем у брата. Когда разбудишь, он будет охранять тебя, и ты хорошо проживешь".

Договорились о встрече. Младший брат отнес часы и отдал брату.

На другой день отпросился и пошел к Судьбе-Мазол своего брата. Тот привел его и показал его собственного Судьбу-Мазол, который действительно крепко спал. Начал младший брат его будить, но никак не мог добудиться. Вроде бы начинает просыпаться, промычит что-то, повернется на другой бок и опять засыпает. Долго бился бедняга. Потом притащил бревно, начал расталкивать спящего. Тот, наконец, через несколько часов очнулся. Младший брат взмолился: "Вставай, хватит спать, помоги, у меня большая семья".

"Теперь не беспокойся, — сказал Мазол. — Сделай, что я скажу, и твое положение улучшится. Если я проснулся — все будет хорошо. Через несколько

дней постарайся уйти от брата, перейди с семьей на другую квартиру. Купи ишака и арбу, потом приходи ко мне, и я тебе скажу, что надо делать".

На том и договорились.

Между этими событиями и разговорами обе снохи разрешились. Опять старшая родила дочь, младшая — сына. Однажды младшая сноха собралась в баню. Уложила младенца в люльку, накормила. Перед уходом попросила старшую прислушаться, если ребенок заплачет, покачать. "Хорошо", — согласилась старшая. Но когда младшая сноха ушла в баню, осмотрела жилье и говорит себе: "Как же я свою дочь за сына бедняка выдам. У них ничего нет. Плохо будет моей дочери".

И надумала спрятать мальчика.

Пошла на базар, купила большой арбуз. Вынула из него сердцевину, взяла из люльки спящего мальчика, положила в арбуз, половинки склеила, пошла к речке и опустила его в воду. Пришла домой, надела траурное платье, натерла до красна глаза и ждет сношку. Когда та пришла, со слезами стала ей рассказывать, что ребенок заплакал, она стала кормить его грудью, а он поперхнулся и умер. Она, мол, его тотчас похоронила, чтобы избавиться от лишних хлопот. Бедняжка поплакала, поплакала и опять начала работать по дому.

Младший брат, вернувшись от своего Мазол-Судьбы, пошел к брату и сказал: "Ака, я хлеб ваш ел много, трудился мало, прошу меня уволить".

Брат его уговаривал остаться, спрашивал, чем он недоволен, хотел прибавить жалованье, но младший брат был непреклонен. Получив расчет, снял квартиру и переехал с семьей. Купил ишака и арбу. Потом пошел к своему Мазол-Судьбе и сказал: "Все сделал, как ты велел. Что делать теперь?" Мазол-Судьба показал ему место, где было много навозу: "Этот навоз накладывай в арбу и вези на такое-то поле. Потом у тебя все будет".

Начал младший брат возить навоз. Возит и возит. И вот однажды заехал к речке, хотел напоить ишака, видит — на берегу большой арбуз. Обрадовался на-

ходке, взял арбуз, ребятам угощение, думает. Принес арбуз домой. Пообедали. Когда жена хотела резать арбуз, оттуда голос послышался: "Мамочка, режь осторожнее, не порань меня".

Мать очень испугалась. Взялся отец надрезать арбуз, и когда разрезал пополам, там оказался мальчик, которого мать признала по родимому пятнышку. Все очень обрадовались, что мальчик нашелся. Поняли, что старшая сноха хотела уничтожить мальчика, и рассорились с ней.

Прошло время. Как-то младший брат пошел проверить, все ли в порядке на поле, а там все в золото превратилось. Младший брат собрал золото, купил хороший дом, детей обул-одел как следует и постепенно стал обеспеченным, уважаемым человеком.

Старшая сноха, увидев их благосостояние, захотела помириться и выдать свою дочь за сына младшего брата. На радостях все помирились, устроили хорошее угощение.

Все достигли своих заветных желаний, чего и нам желаем достичь.

САНОВАР И РОЗА

ил царь. Было у него три сына. Настало время, когда царь состарился и сказал сыновьям: "Старым я стал. Когда умру, три ночи подряд сторожите на моей могиле".

Вскоре отец помер, похоронили его как подобает. В первую ночь охранять могилу должен был старший сын. Но он попросил младшего: "Сходи вместо меня сегодня на могилу, а завтра я вместо тебя пойду".

Младший сын очень любил отца. Когда наступил вечер, он, ни слова не говоря, взял чапан и пошел к могиле. Ночью к нему подошел белый конь и спро-

сил: "Кто ты такой?" Парень ответил: "Я сын царя". Конь сказал, что он тоже сын царя. Парень поцеловал коня в лоб, вырвал у него два волоса и положил в карман.

На следующий день средний сын пришел к младшему и тоже попросил о замене. Младший сын провиденное ночью никому не сказал, опять, взяв чапан, ушел. Во вторую ночь явился желтый конь, состоялся такой же разговор. Ответив как и в первый раз, младший сын поцеловал коня в лоб, взял два волоса и положил в карман.

И в третью ночь младший сын ушел, никому не поведав о происшедшем. В эту ночь явился черный конь и так же спросил: "Чей ты сын?" Юноша повторил ответ, вырвал у коня два волоса и положил в карман.

Еще при жизни отец наставлял сыновей, чтобы они обучились какому-либо ремеслу, хотя бы пастуха. Братья, не нарушая завета, отправились заняться пастушеством. Пришли они в один город. В городе было вывешено объявление: "Человек, который поднимется на коне на сорок ступенек и из рук царской дочери большую чашу вина выпьет, желание ее исполнит, тот станет зятем царя".

Младший брат про это объявление не ведал, старшие же, оставляя его дома, сами гуляли по городу. Ходили ко дворцу и смотрели, как люди поднимаются по ступенькам.

Однажды старшие братья беседовали дома об увиденном. Младший сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. На другой день, когда братья ушли, он, сняв одежду, спалил два волоса, взятых у белого коня. Конь тотчас явился. Надев одежды, которые были на коне, поехал к замку царя. Увидев его, люди удивились: откуда взялся этот человек? Все, кто пытался подняться, падали на второй-третьей ступеньках; он же сразу на пятнадцать ступенек поднялся. Тогда его, называя зятем царя, подняли и внесли в царские покои. Но царь не согласился: "Сначала на сорок ступенек взойди на коне, большую чашу вина из рук моей дочери выпей, выполни ее желание, потом моим зятем будешь считаться".

Старшие братья были при этом, но своего брата не узнали.

Младший брат ушел. Опять поцеловал белого коня в лоб, вырвал у него два волоса и положил в карман. Конь ускакал, а юноша, надев свою одежду, прикинулся ничего не знающим, стал работать по дому.

На второй день он спалил волоски желтого коня. Желтый конь тотчас явился. Юноша, как и вчера, сел на коня и поехал во дворец, но на сорок ступенек подняться не смог.

На третий день он вызвал черного коня. Нарядившись в великолепные сверкающие одежды, сел на коня и приехал в царский дворец. Ударил коня плеткой, на сорок ступенек поднялся. Только из рук царской дочери большую чашу вина хотел выпить, как девушка сказала: "Подожди пить, сначала мою загадку отгадай!" Парень спросил: "В чем заключается твоя загадка?" Девушка ответила: "Что сделала Роза Сановару и что Сановар сделал Розе?" Парень сказал: "Дай мне срок. Если я через год эти слова не пойму, можешь выйти замуж за другого".

Девушка согласилась, парень уехал.

Сорок дней и сорок ночей ехал он. На сороковой день встретился ему дом с высокими красивыми воротами. Дом был окружен садом с цветником. Там проводили свою жизнь красавицы-феи. Путник вошел в сад, прилег и заснул от усталости. Взгляд одной из фей, гуляющих по саду, остановился на юноше. Она подошла поближе, и его красота покорила фею. Она стала обвевать юношу своими крыльями. Крыло задело парня, он проснулся и увидел, что рядом стоит красавица. Фея спросила: "Ты зачем сюда приехал?" А парень в ответ: "Что сделала Роза Сановару и что Сановар сделал Розе?" Фея, услышав эти слова, поразилась и предупредила его, чтобы он вернулся с гибельного для него пути. Но парень был настойчив: "Что бы со мной не случилось, умру, но познаю смысл этих слов".

Пери спросила: "Возьмешь меня в жены?" Парень ответил: "Да". Пери сказала: "Сорок дней и сорок ночей будешь ехать, в последний день такой же замок

увидишь. Среди фей моя средняя сестра находится. Спроси у нее, она знает".

Парень пустился в путь. Через сорок дней и ночей достиг замка. Этот замок был красивее первого. Парень вошел, повстречался с сестрой первой феи. Она сказала, что ничего не ведает и тоже попросила взять ее в жены. Парень опять согласился. Тогда вторая пери сказала, что у нее есть старшая сестра. Сорок дней и сорок ночей до ее дворца надо идти. Может, она знает.

Юноша опять тронулся в путь и добрался до третьего дворца. Встретился с феей. "Что случилось?" — спросила она. Юноша в ответ: "Что сделала Роза Сановару и что Сановар сделал Розе?" Фея предупредила, чтобы он не пытался узнать эту тайну, это очень опасно. Но парень настаивал: "Что бы со мной не случилось, я должен узнать смысл этих слов".

Фея тоже попросила взять ее в жены. Парень согласился, чтобы он сорок дней и сорок ночей оставался у нее во дворце, а она в это время расскажет, как добраться до дома Сановара. Вняв ее словам, парень остался.

И пери начала свой рассказ. "Сначала сорок ночей и сорок дней будешь на коне ехать. Увидишь дворец, который еще лучше и роскошнее нашего". Затем научила его заклинанию, чтобы конь в ворота смог попасть незаметно и пройти на конюшню. А сам он, войдя во двор, должен отвесить поклон Необыкновенному старику. Тот скажет: "Если бы не поклон, убил бы тебя".

"Несмотря на угрозу, — продолжала фея, — ты возьмешь веник и подметешь весь двор, чтобы ни одной соломинки не осталось. Будешь сидеть и ждать прихода Сановара. Как только Сановар войдет, он увидит чистый двор и спросит: "Отчего двор так блестит?" Необыкновенный старик ответит: "Один раб пришел, двор убрал и подмел".

Сановар, поднявшись во дворец, ляжет на постель, прикажет позвать раба. Ты, как только придешь, ни слова не говоря, должен так растирать Сановара, чтобы он устал. После этого Сановар спросит: "Для чего

приехал?" Тогда задашь свой вопрос. Сановар, услышав его, даст тебе такую пощечину, что твоя голова повернется в сторону. Еще раз ударит — и голова примет прежнее положение. Потом Сановар уйдет в свою спальню.

На второй день опять надо двор подмести. Сановар, придя с работы, спросит у Необыкновенного старика: "Почему сегодня двор еще чище?" Необыкновенный старик опять позовет тебя, и ты, как и в прошлый раз, разотрешь Сановара. Когда Сановар спросит про твое намерение, опять задашь свой вопрос. Сановар еще сильнее ударит тебя по лицу, от чего оно повернется на бок. Когда ударит во второй раз, лицо вернется в прежнее положение.

На третий день, как в первый и во второй, ты должен подмести двор и ждать. Сановар, вернувшись, домой, тебя позовет. Ни слова не говоря, будешь растирать Сановара. Он скажет: "Не изменил ли ты свое желание? Если нет, тогда это твой последний день".

Взяв за руку, введет тебя во внутренний двор и скажет: "Чтобы узнать эту тайну, погибло несколько тысяч молодых людей".

Покажет мертвых и их палачей, чтобы испугать тебя. Ты должен сказать: "Что бы со мной ни случилось, я узнаю тайну, ради этого я готов умереть".

Сановару станет тебя жалко, так как ты очень хорощ собой. Не отступай, проси Сановара, чтобы свою тайну открыл, чтобы ему самому легче от этого стало.

После того как Сановар откроет свою тайну, попросишь, чтобы он тебя не убивал, пока не помолишься. Подойди к дереву и прочти молитву, а затем произнеси заклинание и очутишься по ту сторону улицы за высоким забором. Затем еще одно заклинание прочти — конь твой явится. Необыкновенного старика обязательно поблагодари за доброту и уезжай".

С этими словами фея закончила свое напутствие и велела трогаться в путь.

Проехав сорок дней и сорок ночей, юноша добрался до дома Сановара. Произнес заклинание, и конь перенесся в конюшню, начал есть овес. Парень, вой-

дя во двор, отвесил поклон Необыкновенному старику. Тот ответил: "Если бы не поклон, пролил бы твою кровь".

Парень, не говоря ни слова, взял веник, подмел двор так, что ни одной соломинки не осталось. Сановар пришел, увидел чистый двор, удивился и спросил: "Отчего двор так блестит?" Необыкновенный старик сказал: "Один раб пришел, к тебе имеет дело".

Сановар велел прислать раба. Парень пришел и, не говоря ни слова, стал массировать Сановара. Когда тот устал, он спросил у юноши, чего он хочет. Парень спросил: "Что сделала Роза Сановару, что Сановар сделал Розе?" Сановар, услышав эти слова, рассердился и ударил парня по лицу так, что голова повернулась влево. Еще раз ударил — голова выпрямилась.

На второй день произошло то же самое. На третий день Сановар долго увещевал юношу, чтобы он отказался от желания узнать тайну. Показал, сколько людей из-за дочери царя погибло. Но, несмотря на это, парень продолжал настаивать, и тогда Сановар начал свой рассказ.

"У меня была жена. Звали ее Роза. Я ее так любил, что каждый день сорок баранов резал и готовил кушанья. Остатки отдавал собаке. Однажды я лежал в постели, а Роза сидела рядом. Я задремал. Внезапно из-под циновки показалась бумага. Роза, тихонько встав с места, взяла бумагу, прочитала, поцеловала ее и, надев богатые одежды, ушла. Я не выдержал и незаметно пошел за Розой. Моя собака побежала следом. Сколько я ее ни прогонял, она не отходила. Шли долго. Когда подошли к горе, Роза вошла в пещеру, я не вытерпел и пошел за ней. Как только я вошел в пещеру, оттуда выбежал див. От него дочь царя, которую ты хочешь взять в жены, имеет четверых детей. Дети в царском саду под большим урюковым деревом живут.

Как только я вошел в пещеру, другой див, который любил Розу, начал драться со мной. Когда мы боролись, Роза высыпала мне под ноги просо, чтобы я упал и див меня убил. Но моя собака схватила дива

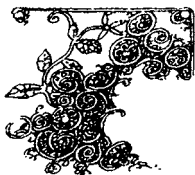
за горло и задушила. После всего случившегося я привел Розу домой, а потом построил клетку, чтобы она не могла сбежать. Каждый день, зарезав сорок баранов, даю мясо сначала собаке, а остатки Розе и сорок раз ударяю ее кнутом", — закончил свой рассказ Сановар и сказал парню: "А теперь я тебя убью!" Парень взмолился: "Не убивайте меня нечистым. Разрешите, я пойду к дереву, помолюсь, а после этого можете убить. Я никуда не убегу, стены забора высокие, ворота заперты". Сановар согласился.

Парень произнес заклинание, которому научила фея, перелетел через забор и очутился на улице. Еще одно заклинание произнес — и к нему явился конь. Сев на коня, поблагодарил Необыкновенного старика и ускакал. Сановар, узнав о бегстве, разгневался, что его тайна раскрыта, и повесился.

Юноша по дороге захватил фей, приехал в свой город. Запер всех троих в комнате и, никому тайну не раскрыв, поехал во дворец. "Зять царя приехал", — говорили все, радуясь, и начали готовить пир.

Юноша сказал царю, что хочет вместе с ним посмотреть сад. Попросил, чтобы пришел крестьянин с кетменем и выкопал яму под большим урюковым деревом. Как только крестьянин начал копать, из-под дерева выскочил див. Под деревом находились четверо детей. Парень сказал царю: "Эти четверо — дети вашей дочери, а див ее муж. И хотя вам будет горько, но никто вашу дочь не возьмет в жены. Я прошел смертельный путь, чтобы узнать тайну вашей дочери, и вернулся, чтобы открыть ее вам". Произнеся эти слова, сел на коня и уехал.

Братья, взяв троих фей в жены, сыграли свадьбу и стали жить да поживать. Они достигли своих заветных желаний, чего и нам всем желаем.

СКАЗАНИЯ

САМУИЛ

Светильник Божий еще не погас, и Самуил лежал в храме Господнем, где ковчег Божий. И воззвал Господь к Самуилу.

Пока еще не зашло солнце Элия, взошло солнце Самуила. “Восходит солнце — и заходит солнце”, — говорит Екклезиаст. Прежде чем закатиться солнцу одного праведника, Господь зажигает солнце другого праведника (*Иома, 38; Бер.-Р., 58*).

“Когда состарился Самуил, то поставил сыновей своих судьями над Израилем”. — “Но сыновья его не ходили путями его и уклонялись в корысть”.

Не следовали примеру отца своего. Праведный Самуил обходил все города израильские и творил суд в каждом городе. “Из года в год он ходил и обходил Вефиль, и Гилгал, и Мицпу и судил народ”. Сыновья же его поступали иначе: сидели в городах своих неотлучно, дабы увеличивать доходы помощников и писцов своих.

Они же и при десятинном приношении лишнюю меру брали, и товарами брали у купцов, и всякие другие подарки вымогали.

(*Шаб., 56*)

САУЛ

За что удостоился Саул царского сана? За кроткий нрав свой.

Когда пропали ослицы у Киса, отца Саулова, Саул, взяв с собою одного из слуг, отправился на поиски. Обойдя несколько округов и придя в землю Цуф, Саул сказал слуге: “Пойдем назад, чтобы отец, оставив мысль об ослицах, не стал беспокоиться о нас”: слугу он ставил на один уровень с собою. А чтобы уклониться от царской власти, для которой он указан был Самуилу Богом, он спрятался в обозе (*Тосеф.*).

Когда Саул со слугой поднимались в город (где

находился Самуил), то встретили девиц, вышедших черпать воду, и спросили: “Есть ли здесь прозорливец?” Те отвечали:

— Есть; вот он впереди тебя; только поспешай, ибо он сегодня пришел в город, потому что сегодня у народа жертвоприношение на высоте. Когда придете в город, застанете его, пока он еще не пошел на ту высоту, к трапезе; ибо народ не начнет есть, доколе он не придет; потому что он благословит жертву и после того станут есть званые. Итак, ступайте, теперь еще застанете его.

Зачем они наговорили столько?

— Потому что женщины болтливы, — отвечал Рав.

Р. Самуил же объяснял это так:

— Чтобы подольше любоваться красотой Саула, про которого сказано: “Молодой и красивый; и не было никого из израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа” (*Бер., 48*).

Подошел Саул к Самуилу и спросил: “Скажи мне, где дом провидца?”

— Я — провидец, — отвечал Самуил.

И сказал Господь Самуилу:

— Ты провидец? А Я покажу тебе, что ты не провидец.

Показал это Господь Самуилу при помазании на царство отрока Давида: когда Самуил, еще не зная, которого из сыновей Иессея избрал Господь в цари, увидел Елиава, он сказал: “Верно, сей перед Господом помазанник Его!” Но Господь сказал Самуилу:

— Не смотри на вид его и на высоту роста его. Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце.

(*Сифрэ, Мидр. Сам.*).

Когда Господь сказал Саулу: “Иди и порази Амалика и истреби все, что у него — от мужа до жены, от отрока до младенца, от вола до овцы”, — взмолился Саул к Господу, говоря:

— Господи! Если погрешил человек, чем повинно животное? Если грешны взрослые люди, чем дети виноваты?

Раздался Голос Небесный:

— Не будь слишком милосердным, Саул!

А в то время, когда Саул повелел Доегу: “Ступай и умертви священников Новийских”, Небесный Голос воззвал:

— Не будь чрезмерно жестоким, Саул!

“Саул и народ пощадили Агага, царя амаликитян¹⁾”.

— Таков порядок вещей, — говорил по этому поводу р. Иегошуа бен Леви: кто милосерд к злодеям, тот становится злодеем для милосердных. Саул, пощадивший Агага, казнил священников Новийских.

(*Иома, 22; Иалк.*)

“И поклялся ей Саул Господом”.

Саул, который именем Господа клянется колдунье, подобен женщине, которая, находясь у своего возлюбленного, клянется ему жизнью своего мужа.

(*Ваик.-Р., 26; Танх.*).

ДАВИД-ПАСТУХ

“Господь испытывает праведного”, — говорит Псалмопевец.

В качестве пастуха испытал Господь Давида — и Давид оказался превосходным пастухом.

“От дворов овчих взял его”. Отдельными отарами пас Давид овец своих, давая каждой группе более подходящий, по возрасту ее, корм: одним верхушки кормовых трав, т.е. более нежные их части, другим — средние, третьим — нижние части злаков.

И сказал Господь:

— Кто умеет так заботливо вскармливать пасомых им, каждого сообразно потребностям его, тот да будет народным пастырем Израиля, — как гласит стих Псалтири: “И от доящих привел его пасти народ свой, Иакова, наследие свое, Израиля”

(*Шем.-Р., 2; Иалк.*).

¹⁾ Заклятейших врагов Израиля.

ГУСЛИ ДАВИДА

“**В** полночь встаю я, чтобы славить Тебя”.
Гусли висели над ложем Давида, против отвер-
стных оконных. Когда наступала полночь, дуно-
вание северного ветра проходило, шевеля струны гус-
лей, и они сами собою звучать начинали. Тогда вста-
вал Давид с ложа и все время до наступления утренней
зари проводил в изучении Мудрости Господней.

— О том, — говорил рав Исаак бар рав Ада, — и
гласит стих Псалмопевца:

“Воспрянь, слава моя,

— Воспрянь, псалтырь и гусли!

И встану я рано,

Чтобы славить Тебя,

Господь мой!”

”Да буду вечно я в Твоем жилище жить,

Покоиться под кровом крыл Господних”.

Мог ли надеяться Давид жить вечно? Нет, не лич-
ного бессмертия просил он у Господа, но о том лишь
была молитва его, чтобы песнопения и славословия его
вечно звучали в храмах Господних.

Сказание гласит:

Заклучив книгу “Псалтирь”, возгордился Давид и
воскликнул перед Господом:

— Творец! Есть ли другой на свете, который по-
добно мне сумел бы воспеть славу Тебе?

Явилась тут лягушка и сказала:

— Не спесивься, Давид! Кваканьем своим я боль-
ше, чем ты, славословлю Господа...

(Бер., 3; Иеруш., 11. Шира).

СОЛОМОН И МУДРОСТЬ ЕГИПЕТСКАЯ

“**И** была мудрость Соломона выше мудрости всех
сынов востока и всей мудрости египтян”.

В чем состояла мудрость египтян?

Когда Соломон решил приступить к построению храма, он послал к фараону Нехо с просьбой прислать, за известную плату, искусных мастеров для этой постройки. Что сделал фараон? Призвал астрологов и сказал им так:

— Наблюдайте по звездам и укажите мне тех из зодчих, которым предопределено умереть в этом году, ихто я и пошлю к Соломону.

Когда люди, посланные фараоном, явились к Соломону, “мудрейший из людей” узрел через Духа Святого, что людям этим назначено умереть в том же году. Дал им Соломон каждому по савану и отправил их обратно с письмом, в котором он писал фараону:

“У тебя, по-видимому, недостает саванов для погребения покойников. Получай людей своих обратно вместе с саванами”.

(*Бам.-Р., 19; Песик.*)

ХРАМ И ДОМ СОЛОМОНОВ

Был у Соломона чудесный червь, носивший название шамир. Червь этот обладал свойствами тесла и гранила. Помощью шамира обтесывался строевой камень для храма и дома Соломонова и производилось гранение драгоценных камней для хошена.

Червь был величиною с ячменное зерно, и самые твердые предметы не могли противостоять его чудесным свойствам. Сохраняли его завернутым в шерстяную вату в свинцовом сосуде, наполненном ячменными отрубями.

Шамир был принесен к Соломону орлом из рая, где этот червь хранился с вечера шестого дня творения¹⁾

(*Сот., 45; Шох. Т.*).

“И сделал он в храме окна с откосами”.

Такие откосы делаются обыкновенно от наружной стороны стены к внутренней ее стороне, чтобы дать свету извне широко разливаться по внутренне-

¹⁾ См. далее, гл. XXIV.

сти здания. Окна же в храм имели откос в обратном направлении, ибо из храма этого исходил божественный свет, озарявший весь мир.

(Танх.; Иалк.).

“Построил также Соломон дом Дубравы Ливанской”.

По преданию от р. Ошайи, в храме были посажены Соломоном деревья, сделанные из чистого золота, подобие деревьев, приносящих нежнейшие плоды. Золотые деревья своевременно давали плоды, которые при дуновении ветра спадали, — как сказано: “шумели подобно лесу Ливанскому”. Плоды эти поступали на иждивение духовенства. Когда же в храм Господень вторглись иноплеменные, деревья те лишены были чудесной производительности своей — “поблек цвет на Ливане”. Но возвратится это в грядущем:

“Возликует степь безводная;
Расцветет, как лилия, пустыня,
И Ливана слава дастся ей”.

(Наум, XXXV)

За все время, пока строился храм, никто из участвовавших в работе не умер и не болел, и не поломано было ни одного заступа, ни одного топора и никакого другого орудия

(Иома, 21; Песик. (Р.)).

ИЗ ЦАРЕЙ В НИШЕ

Соломон удержал при себе Асмодея до окончания всех работ по постройке Храма.

Однажды, когда они оставались одни, спросил Соломон Асмодея:

— Скажи, чем *вы* сильнее нас, людей?

На это Асмодей ответил:

— Освободи меня от цепей да передай мне перстень свой, и тогда я сумею показать тебе, чем мы сильнее людей.

Снял с него Соломон цепи и дал ему свой пер-

стеню. Наступил Асмодей на Соломона и поглотил его. Уперся потом одним крылом в землю, другим в небо и, извергнув Соломона, размахнулся и закинул его за четыреста парса. Вспоминая об этой минуте, Соломон сказал в “Екклезиасте”:

— Что пользы человеку при всех трудах его под солнцем? И это было моею долею от всех трудов моих! Ничего, кроме посоха, не осталось у меня. “Я царем был над Израилем”, а ныне — я царь только над посохом моим...

Пошел Соломон у чужих порогов подаяния просить.

— Я, — говорил он, — Проповедник, был царем над Израилем в Иерусалиме.

— Царь Соломон, — отвечали ему, — восседает на троне своем в Иерусалиме, а ты юродствуешь.

И били его тростинами, а поесть давали миску крупника.

И Соломон говорил:

— Вот доля моя от всех трудов моих!

Когда Соломон предстал перед Синедрионом, мудрые старцы говорили в недоумении:

— Обыкновенным юродивым однопредметное помешательство несвойственно. Что же представляет из себя этот человек?

Опросили Бенаю:

— Призывал ли тебя царь?

— Нет, — ответил Беная.

Посылали к женам Соломоновым:

— Что с царем? Приходил он к вам?

— Как же, приходил, — получился ответ.

Вторично послали туда же:

— Осмотрите-ка ноги у него.

— Он все время обуви не снимал, — ответили жены Соломоновы.

Тут все и обнаружилось...

Приняли тогда Соломона и возвратили ему перстеню и цепь с начертанием Шем-Гамфораша. Асмодей, видя это, улетучился.

(Гит., 68; Танх. Гак.)

ДЕВЯТОЕ АБА

Предание гласит:

Разрушение храма произошло в девятый день месяца Аб, на исходе субботнего дня и “субботного года”. В тот день храмовую службу отправляли Иоаривиды; левиты стояли на эстраде своей и пели славословия. “Он воздаст им, — пели они, — за их беззаконие, за их злодейство. Он истребит их”. И не успели они допеть до конца — “истребит их Господь, Бог наш”, как ворвались в храм язычники и схватили их.

Седьмого Аба ворвались язычники в храм Господень, пировали там и святотатствовали в продолжение трех дней и в вечер девятого подожгли храм. Пожар продолжался весь день десятого Аба. О том и гласят слова пророка:

“Горе нам! День догорает, Тени ложатся вечерние” и пр.

(Там же).

НА РАЗВАЛИНАХ ИЕРУСАЛИМА

И находился город в осаде — и голод усилился в городе”.

Собирались на базарах дочери сионские, встречались и спрашивали одна другую:

— Зачем ты сюда пришла? Ведь ты прежде никогда на базар не ходила?

— Скрывать ли мне от тебя? Ужасны муки голода; дольше терпеть я уже не в силах.

Поддерживая одна другую, ходили они, искали по всему городу и не находили ничего, чем голод утолить. Обессиленные, охватывали руками колонны и умирали тут и там, на всех углах улиц. Оставленные дома грудные дети их ползком пробирались к ним, отыскивали каждое мать свою и, припадая к груди, брали сосцы их в рот, сосали, но молоко не шло больше из оставшей груди — и исходили голодом дети и падали мертвыми на грудь матерей своих.

И было тогда слово Господне Иеремии:

“Встань, иди в Анафофу и откупи поле от дяди твоего, Анамеила”.

И когда вышел Иеремия из Иерусалима, сошел с неба ангел, толкнул стопой стены иерусалимские, и стены растрескались. И воззвал ангел и сказал:

— Пусть придут враги, пусть войдут в дом, в котором нет более хозяина, пусть ограбят, пусть разрушат его. И пусть войдут в виноградник, страж которого оставил его и ушел, и пусть вырубят лозы его, дабы не стали враги эти похваляться, говоря: “Мы завоевали место это!” Город завоеванный завоевали вы, народ убитый убивали, дом сожженный сжигали вы.

Пришли враги; на Храмовой Горе поставили они идольский амвон свой.

И было это как раз на том месте, где восседал царь Соломон, держа совет со старейшинами, как лучше святой храм украсить. Теперь на месте том сидели враги и совет держали о том, как удачнее храм этот сжечь.

Пока шло совещание, подняли они глаза и увидели: сошли четыре ангела с факелами в руках и подожгли Святилище со всех четырех сторон.

Увидя храм объатым пламенем, взошел первосвященник на кровлю его, а вслед за ним — группа за группой взошли юнейшие из коганидов с ключами от храмовых дверей в руках; и воззвали они к Господу и сказали:

— Владыка мира! Недостойные быть сокровищехранителями, заслужившими Твоего доверия, — возвращаем мы Тебе ключи от Дома Твоего!

И с этими словами бросили ключи к небесам. Показалось подобие кисти руки и приняло ключи.

Когда первосвященник направился к выходу, он был схвачен воинами Навузарадана и заколот возле жертвенника, на том месте, где им совершалось обыкновенно жертвоприношение тамид. При виде этого дочь его кинулась бежать, вопия: “Горе мне, отец мой, радость очей моих!” Схватили и ее и закололи, — и кровь ее смешалась с кровью отца.

Видя храм в пламени, собрали когены и левиты арфы и трубы, бросились с ними в огонь и сгорели.

Бросились в огонь и девушки, которые в то время ткали завесу для ковчега.

Видя неминуемую гибель свою, кинулся Седекия к подземному ходу, который шел от дома царского до степей Иерихонских. Направил Господь оленя по линии подземного хода; погнались за ним вавилоняне и настигли его у выхода из подземелья в тот момент, когда выходили оттуда Седекия с сыновьями, и вавилоняне тут же схватили их.

Отправил Навузарадан Седекию и сыновей его к Навуходоносору, предлагая царю поставить Седекии такой вопрос:

— Ради чего изменил ты мне? И по какому закону судить тебя? По уставам твоего Бога — ты подлежишь казни за то, что нарушил клятву, данную тобою именем Его. По закону государственному — ты должен быть казнен потому, что всякий, кто нарушит присягу свою царю, подлежит смерти.

— Прошу тебя, — сказал Седекия Навуходоносору, — убей меня первым, дабы не видеть мне крови детей моих.

— Нас убей, государь, сначала, — взмолились к Навуходоносору сыновья Седекии, — не дай нам видеть пролитую кровь отца нашего!

Навуходоносор же сделал так: зарезал перед Седекией сыновей его, у Седекии выколол глаза и бросил их в печь, а его самого отвел в Вавилон.

И вопил Седекия, говоря:

— Придите, люди, взгляните. Пророчествовал Иеремия обо мне: “Будешь ты отведен в Вавилон и в Вавилоне ты умрешь, но не увидят Вавилона глаза твои”. Не желал я слушать слов его. И вот — в Вавилоне я, но не видят его глаза мои.

Приближаясь, на обратном пути из Анафофы, к Иерусалиму, увидел Иеремия — дым клубится, восходя от того места, где храм находится. И подумал он: “Не раскаялся ли народ, возобновив жертвоприношения Господу? Ведь это — дым от воскурений вижу я”.

Ворота оказались запертыми.

Взошел Иеремия на городские стены и увидел он: вместо храма груды камней.

И возопил горестно Иеремия, и воскликнул он:
“Ты влек меня, Господь, — Я шел, Тобой влекомый”¹⁾.

Пошел Иеремия дорогой своей. Идет и вопит:

— Где путь, которым пошли грешные? Где дорога, которую бредут погибающие? Пойду, погибну вместе с ними.

Идет он и видит — весь путь кровью залит и земля по обеим сторонам его кровью забрызгана. Пригнулся он лицом к земле — следы малюток, следы грудных детей на этом пути оттиснулись; и склонялся пророк к земле и припадал устами к следам этим. Следя по ним, дошел он до того места, где находились малютки эти вместе с другими изгнанниками, и обнимал и лобызал их.

Вот увидел пророк: толпа юношей заключена под ярмо железное — и согнул он и свою голову под ярмо это. Толпа старцев брела, закованная в цепи. Приник к ним пророк головой своей. И от них удалили его. Увидел это Навузарадан и повелел отвести его в сторону. Стоя в отдалении от них, плакал пророк и плакали все, взирая на него.

— Братья мои! Племя родное! — говорил пророк. — Все это приключилось вам за то, что не послушались вы предсказаний моих.

Когда достигли берега Евфрата, Навузарадан сказал Иеремии:

— Если желаешь, иди со мною в Вавилон.

Подумал об этом Иеремия и рассудил так: “Если я пойду в Вавилон, не останется никого, чтобы слово утешения сказать тем, кто в Иерусалиме остался”.

Отошел от изгнанников Иеремия. А те, видя это, подняли громкий плач и завопили горестно:

— О, Иеремия! О, отец наш! Вот, и ты нас покидаешь.

Отвечал Иеремия:

— Небо и землю в свидетели беру: если бы вы хотя

¹⁾ Когда Иеремии было слово Господне откупить поле в Анафофе, в уделе Вениамином, пророк, влекомый туда волей Божией, подумал: “Отменил Господь кару Свою; враги не разрушат храма, и не будет изгнан народ из земли своей”.

единый раз заплакали, пока вы в Сионе находились, вы не были бы изгнаны оттуда.

— “Горе, горе тебе, благодатнейшая из стран!” — восклицал он, идя в обратный путь свой. А по дорогам, тут и там валялись отрубленные пальцы рук и ног; и подбирал он их, прижимал к груди, целовал долго и нежно, в складки одежд своих заботливо заворачивал и прятал их, и говорил, рыдая:

— Дети, дети мои! Не предупреждал ли я вас, не говорил ли: “Воздайте славу Господу, Богу Вашему, пока Он еще не навел темноты, пока не спотыкаются ноги ваши на горах мрака”?

Про это и гласят слова пророка:

“О горах подниму Плач и рыдание, О степных шалашах Песнь плачевную”, — о красивых и славных горах наших, о шатрах Иаковлевых, превратившихся в обитель песни плачевной!..

И так повествовал Иеремия:

— Когда я всходил к Иерусалиму, поднял я глаза и увидел: женщина сидит на вершине горы, в одежды черные облачена, и волосы ее по плечам в беспорядке раскинуты. И вопиет, и вопрошает она: “О, может ли быть утешение для меня?”

И я иду, вопия и вопрошая: “О, может ли быть утешение для меня?”

Подошел я и заговорил с нею, и спросил я:

— Если ты человек, то отвечай мне, а если ты дух — исчезни!

Отвечала она:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та, у которой было семь сыновей; в далекие края отец их ушел; стала я плакать в тоске по нем, а в это время пришли и сказали мне: обрушился дом и всех семерых детей убило. И вот, не знаю я, кого мне теперь оплакивать, по ком в трауре волосы мои распускать.

— Женщина! — сказал я ей. — Не лучше же ты матери твоей, обители Сионской, — она же пастбищем стала для зверей полевых!

Отвечала она и сказала:

— Это — я, мать твою, дочь Сионская, семерых родившая! И сказал я:

— Кара твоя каре Иова подобна: у Иова отняты были сыновья и дочери его, — и ты сыновей и дочерей своих лишилась. Отняты были у него серебро и золото его, — и у тебя отняты сокровища твои; на навозе валяться брошен был Иов, — и ты мусором и брением стала. И так же, как утешил Господь Иова, обратится к тебе Господь и утешит тебя.

(*Песик. (Р.), 26; Таан., 29; Эха Р.*)

“Об этом плачу я” (Плач Иеремии).

Рав Иегуда пояснял:

— Плачу о том, что отошел Дух Святой и отошел разум. Ибо не изумительно ли, что в то время, когда иноплеменники подошли, чтобы выколоть у него глаза, у Седекии не хватило разума удариться головой об стену и умереть?

(*Эха Р., I*).

СИМЕОН ПРАВЕДНЫЙ

Пришли самаритяне к Александру Македонскому с просьбою разрешить им разрушить храм Иерусалимский. Александр разрешил. Дали знать об этом Симеону Праведному. Облачившись в первосвященнические одежды, пошел Симеон, в сопровождении почетнейших израильтян, к Александру. Всю ночь шли они, освещая путь свой факелами. При свете утренней зари заметил их Александр и спросил самаритян:

— Кто эти люди?

— Это и есть, — ответили те, — изменники-израильтяне.

Встреча израильтян с Александром произошла в час восхода, у Антипароса. Едва взглянув на Симеона, царь сошел с колесницы и поклонился ему. Видя это, приближенные Александра воскликнули:

— Тебе ли, великому царю, кланяться иудею этому?!

— Лицо этого человека, — отвечал царь, — живое подобие лика ангела победы, в битвах предшествующего мне.

И, обратившись к израильтянам, Александр спросил:

— По какой надобности пришли вы ко мне?

— Мы пришли к тебе, Государь, из опасения, чтобы язычники не уговорили тебя разрушить ту Обитель, в которой мы возносим молитвы о благополучии твоём и царства твоего.

— Кто же язычники эти? — спросил Александр.

— Самаритяне эти, которые стоят перед тобою.

— Они в вашей власти, — сказал Александр.

В тот же день израильтянами разрушен был самаритянский храм на горе Геризим

(*Иома, 69*).

Случай, рассказанный Симеоном Праведным:

— Единственный раз в жизни я отведал мяса от жертвы осквернившегося назорей¹⁾. Однажды пришел ко мне назорей, житель южной страны. Человек этот был чрезвычайно красив, строен и имел пышные, волнистые волосы.

— Сын мой! — сказал я. — Чего ради ты решил остричь прекрасные волосы свои?

В ответ он рассказал следующее:

(См. Числа, VI).

— Я состоял пастухом при стаде отца моего. Однажды, подойдя к источнику, я увидел в воде отражение свое, и начал искунитель обольщать меня. “Проклятый! — воскликнул я. — Ты обольстить хочешь плоть мою, которая и не подвластна тебе, и в прах и тление обратиться должна? Клянусь, не бывать этому: остригусь ради Господа моего!”

— Услышав слова эти, — продолжал Симеон Праведный, — я облобызал голову его и сказал: “Сын мой, дай Бог, чтобы много было подобных тебе назореев в народе нашем!”

(*Нед., 40*)

¹⁾ Назорей (назир) — давший обет воздержания на определенный срок или на всю жизнь. Осквернивший, т.е. нарушивший обещание свое назорей приносил установленную жертву.

Во время кончины своей Симеон Праведный предсказал сам. “Я умру, — сказал он однажды своим близким, — в этом же году”. На вопрос — как он узнал об этом, ответил:

— Ежегодно в Йом-Кипур некий старец в белых одеждах сопровождает меня при входе моем в Святилище и при выходе оттуда. На этот же раз мне явился старец, одетый в черное, вошел вместе со мною в Святилище, но оттуда не выходил.

Сейчас после праздников Симеон заболел и через семь дней умер.

(Мен., 109)

ИСКОРКИ НАРОДНОГО ОСТРОУМИЯ

Один иерусалимлянин отправился по делам в провинцию и в одном городе заболел. Чувствуя приближение смерти, он призвал хозяина дома и, вручив бывшие при нем деньги, сказал: когда явится мой сын из Иерусалима и совершит три остроумные вещи, отдай ему эти деньги.

Вскоре иерусалимлянин умер. Жители же того города сговорились между собой¹⁾ не указывать приезжему местожительства кого-либо из граждан.

Наследник, узнав о смерти отца и догадываясь, у кого оставлено наследство, отправился в тот город. У городских ворот ему попался дровосек с вязанкой дров.

— Продаешь дрова? — спросил он.

— Продаю, — ответил тот.

— Получи следующее и отнеси дрова к такому-то. И он назвал хозяина, в доме которого умер его отец.

Дровосек направился с дровами к названному домохозяину. Он идет, а наследник — за ним. Придя на место, дровосек постучал в ворота и стал звать хозяина:

— Послушай, такой-то, выходи принимать дрова.

— Но разве я заказывал тебе дрова принести?

¹⁾ По-видимому, по наущению наследохранителя, задумавшего присвоить себе доверенные ему деньги.

— Правда, ты не заказывал, но заказал вот этот человек, который пришел следом за мною.

Пришлось хозяину волей-неволей открыть двери и принять гостя с подобающими приветствиями.

— Кто ты? — спросил хозяин.

— Я сын того человека, который скончался у тебя в доме.

Пригласил его хозяин к обеду. За столом, кроме хозяина и жены его, сидели двое сыновей и две дочери их. Кушанья подано было пять порций.

— Прошу тебя, — обратился хозяин к гостю, — подели кушанье между всеми нами.

Гость поделил кушанье так: одну порцию подал хозяину и хозяйке, одну — обоим сыновьям, одну — обеим дочерям, а остальные две оставил себе.

На ужин подали фаршированную курицу. Снова хозяин предложил гостю распределить кушанье. Разрезал гость курицу и раздал так: голову хозяину, печенку, сердце и пупок хозяйке, каждому из сыновей по бедрышку с ножкой, каждой дочери по крылышку, а все остальное взял себе.

— Послушай, — сказал хозяин, — это у вас, в Иерусалиме, принято так делить кушанье?

— А разве я поделил неправильно? На первый раз подано было пять порций; я положил тебе и жене одну порцию, получилась — тройня, двум сыновьям вашим одну порцию, получилась тройня, две дочери и одна порция — тройня, остался я с двумя порциями, что также составляет тройню, — не правда ли, ничуть не больше, чем у вас. На второй раз подали курицу. Хозяину, главе дома, я дал головку; жене, родительнице детей твоих, — внутренние органы; сыновьям, опоре дома, — бедрышки с ножками; дочерям, которым предстоит улететь от тебя к будущим мужьям, — крылышки, а себе взял корпус, похожий на кораблик: я на корабле прибыл сюда и на корабле уеду отсюда. А теперь отдай, любезный друг, деньги, оставленные у тебя моим отцом.

Некий афинянин, находясь в Иерусалиме, дал ребенку несколько мелких монет и сказал:

— Иди, купи и принеси мне такого кушанья, чтобы я поел, насытился и, что останется, мог взять в дорогу.

Ребенок пошел и принес ему соли.

— Вот, — сказал он, — то, что ты велел купить: клянусь, ты и поешь, и насытишься, и чтобы в дорожку взять останется.

Афинянин зашел в школу и, не застав там учителя, стал задавать ученикам разные вопросы.

— Послушай, — предложили дети, — условимся так: у того, кто не сумеет ответить на заданный вопрос, вопрошающий имеет право забрать все находящиеся при нем вещи.

Афинянин согласился. Тогда дети предложили такой вопрос:

— Скажи, что это значит: девять уходят, восемь приходят, двое наливают, один пьет, двадцать четыре прислуживают.

Афинянин разгадать не мог и, отдав все бывшие при нем вещи, отправился с жалобой к учителю тех детей, раби Иоханану.

— А какой вопрос они задали тебе? — осведомился р. Иоханан.

Афинянин сказал.

— Сын мой, — объяснил р. Иоханан, — девять уходят, это девять месяцев беременности; восемь приходят, это восемь дней от рождения до обрезания; двое наливают — материнские сосцы; один пьет — младенец; двадцать четыре прислуживают — число месяцев для кормления грудью.

Афинянин возвратился в школу с этой разгадкой и получил обратно свои вещи. Дети, догадавшись, у кого он узнал разгадку, сказали словами поговорки.

“Кабы ты не нашей телицей пахал, ты бы загадки нашей не разгадал”.

— Зашей, — сказал афинянин портному-иудею, подавая расколотую ступку.

— Скрути нитку, — ответил портной, высыпая перед ним горсть песка.

Раби Иегошуа, приближаясь к одному городу, увидел молоденькую девушку, черпающую воду из ручья.

— Дай мне напиться, — попросил он.

— Пей и ты, и осел твой, — ответила девушка.

Напившись, раби Иегошуа сказал:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревекке.

— Да, — ответила девушка с лукавой улыбкой, — я-то поступила с тобою подобно Ревекке, да ты-то вот не поступил со мною подобно Елеазару...¹⁾

(Еха-Р.).

МУДРОСТЬ И КРАСОТА

О, прекрасная Мудрость в некрасивом сосуде! — воскликнула дочь кесаря при виде р. Иошуи, не отличавшегося красотой лица.

— Дочь моя, — сказал ей р. Иошуа, — в каких сосудах у твоего отца, у кесаря, хранится вино?

— В глиняных.

— Как, вино кесаря — и в таких же глиняных кувшинах, как и у всех простых людей?

— А в чем же следовало бы нам держать наше вино?

— Вам, столь знаменитым и славным, приличествует держать ваше вино в серебряных и золотых вазах.

Вино было перелито в серебряные и золотые вазы — и скисло.

Спрашивает кесарь:

— Кто посоветовал тебе сделать это?

— Р. Иошуа бен Ханания, — отвечает царевна.

Призывает кесарь р. Иошую:

— Как мог ты посоветовать это моей дочери?

Рассказал р. Иошуа, по какому поводу он так поступил:

— Мой совет был только ответом на ее вопрос.

— Встречаются, однако, мудрецы и с красивой наружностью?

— Некрасивые — они были бы еще более мудрыми.

(Таан., 7).

¹⁾ См. Бытие, XXIV, 22.

ЛЕВ И ЖУРАВЛЬ

Во времена р. Иошуи бен Ханании императором Адрианом разрешено было евреям вновь построить храм в Иерусалиме. Двое граждан, Папус и Лулианус, открыли по всему пути от Аку до Антиохии кассы для снабжения всех возвращающихся в Иерусалим евреев деньгами и всем необходимым.

Когда об этом узнали хутеи¹⁾, они оклеветали евреев перед Адрианом, донося о будто бы готовящемся против него восстании.

— Как же быть? — задумался Адриан. — Ведь решение уже вступило в силу.

— Прикажи им, — посоветовали хутеи, — возобновить храм не на прежнем месте, или же вели изменить его размеры, увеличив или уменьшив их хотя бы на пять локтей против прежнего. Тогда они от постройки храма сами откажутся.

Между тем весь народ собрался в долине Бет-Римон, и известие о новом указе Адриана вызвало общий плач и отчаяние. Тут и там начали раздаваться голоса против подчинения указу. Необходимо было немедленно успокоить народ. Кому же поручить это? Выбор пал на р. Иошуу бен Хананию, как на самого популярного из ученых.

Встает р. Иошуа и, обращаясь к народу, говорит:

— Однажды лев, пожирая свою добычу, подавился костью.

И начал лев звать на помощь:

“Кто вытащит у меня кость из горла, того я вознагражу по-царски!”

Прилетел журавль, засунул свой длинный клюв в глотку льву и, вытащив кость, стал требовать награды.

“Уходи поскорее, — ответил лев, — достаточно для тебя награды, что ты можешь похвалиться, говоря: “Я был в пасти у льва — и ушел, как видите, цел и невредим!”

— Так и мы, братья: будем довольны тем, что, подпав под власть Рима, мы хотя бы жизнь свою сохранили до сих пор.

(*Береш.-Р.*, 64).

¹⁾ Самаритяне, непримиримые враги евреев.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Двое управляют: Господь Бог — Вселенной, а водовоз Герш-Бер — своей клячей.

Кто живет в стеклянном доме, тот не должен бросать камни.

Зачем тебе шпоры, если нет коня?

Книги ценят не по обложке.

С этим человеком хорошо кушать цимус, только не с одной тарелки.

Хорошего человека и корчма не испортит, а плохого — и синагога не исправит.

Умом поймашь даже льва, а силой и муху не поймашь.

Из трех пальцев больше одной фиги не получится.

Когда курица начинает кукарекать, ее режут.

Здоровье ищи на дне кастрюли.

Где секрет, там воровство.

Живут как голуби, а дерутся как собаки.

Еще не взобрался на коня, а уже кричит: “Но!”

Если шофер верит в бессмертие, то пассажир в опасности. Один отец прокормит десять детей, а десять детей отца не прокормят.

Если женишься на слепой, поводырем станет жена.

Говорит одно, думает другое, а делает третье.

Даже из самой сладкой любви компот не сварить.

Не хочу твоего меда и не хочу твоего жала.

Когда горит у соседа, то и ты в опасности.

Немой рассказывал, что глухой слышал, как хромой бежал к бездетной на крестины ее сына.

К селедке не нужно соли.

Он высматривает как дом без крыши и как церковь без колокольни.

Не все, что блестит — золото, например — лысина.

Когда дети малые, родители передают их хохмы, а когда родители становятся старыми, то дети рассказывают про их глупости.

Когда мать — корова, отец — бугай, то дочь у них теленок.

Какова музыка, такова и свадьба.

Один жалуется, что нет аппетита к еде, другой жалуется, что аппетит есть, а еды нет.

Пословицы хороши, когда они к месту.

Когда Бог раздавал людям ум, тебя дома не было.

Петух поет с закрытыми глазами, чтобы видно было, что он не пользуется шпаргалкой.

Если ты жене доверил секрет, то проси Бога, чтобы она онемела.

Молодое дерево гнется, а старое ломается.

Отмыть можно тело, а не душу.

Как может теленок спокойно кушать, когда волк рядом?

Дом без хозяйки, как воз без колес.

Людям давать советы легко, тяжелее себе дать совет.

Хочешь избавиться от друга, одолжи ему денег.

Последнюю рубаху в залог дать, лишь бы стать богатым.

Когда несчастливец пускается в пляс, у музыкантов струны лопаются.

Чем больший бедняк, тем больший гуляка, чем больший богач, тем больший собака.

Богач своего Бога в кармане носит, а бедняк — в душе.

От счастья к несчастью шаг, а от несчастья к счастью — верста.

Хорошее помнится долго, а плохое — еще дольше.

Богач не глотает золота, а бедняк не питается камнями.

Когда бедняк дает милостыню, у него трясутся руки.

Дом горит, а часы идут.

Радуется, что мать его родила, а не чужая женщина.

Лучше дыра в кармане, чем в сердце.

Невеста имеет один недостаток — она слишком красивая.

Лучше некрасивая жена для себя, чем красивая для других.

Бойся козла спереди, коня — сзади, а дурака — со всех сторон.

Если нет трех пальцев, то фигу не сделаешь.

Если бы ей дали все, что она желает, то на земном шаре другому ничего уже не осталось бы.

Не лезь слишком высоко, чтобы слишком низко не падать.

Туда, где тебя уважают, ходи реже, а туда, где тебя не любят, вовсе не ходи.

Гостям радуются в день их приезда и в день их отъезда.

Бугая и коня в одну упряжку не ставят.

Шинкарь любит пьяницу, но свою дочь он за него не выдаст.

Коль ты уж собака, то не будь и свиньей.

Когда дьяволу дают один волос, он хочет всю бороду.

Когда собака схватит у пекаря баранок, то собака останется собакой, а пекарь — пекарем.

Если бы его слово было мостом, то я боялся бы перейти его.

Злой язык хуже плохой руки.

Когда бываешь среди людей, то узнаешь, что у тебя дома творится.

Если еврей свистнет, а начальник скривится, то это плохой признак.

Почему Мошиэх-избавитель никак не появится к нам? Потому что слепой сапожник шьет ему ботинки.

Коты любят рыбу, но не любят ноги мочить.

Его руки поставили его на ноги.

Зачем мне серебряный кубок, коль он наполнен слезами?

Если он будет так себя вести, то к Богу придет босый.

Червяк лежит в хрене и думает, что ничего на свете нет слаще:

Жену и лошадь не одалживают.

Проклятие не телеграмма, которая обязательно прибывает к адресату.

Не суди по количеству тарелок, а по тому, что в тарелках есть.

Если у тебя нет скота, то зачем тебе пастух?

Займеть врага легко, а друга — не так просто.

Когда женщина зажигает сорок свечей к ее пятидесятилетию, то это не признак ее забывчивости.

Осел побывал в Иерусалиме десять раз и остался ослом.

Та же Ента, только в другом наряде.

Если тебе скажут, что корова летела через крышу и снесла яйцо, то ты поднимешь полы и побежишь схватить это яйцо.

У него тяжелый взгляд: когда он смотрит на кур, тодохнут гуси.

Голова без ума — это словно лампа без огня.

Умному и слово поможет, а дураку и кнут не помогает.

Открой шире дверь — несчастье идет.

Бедность свистит со всех щелей.

Рассеяны и расселены один в Лисе, второй — в Стрисе.

Коль пришел к воронам, то каркай.

Дам лихорадку (трасцу) в маленьком горшочке.

Лучше немножко из хорошего, чем много из плохого.

Лучше иметь две коровы, чем одну козу.

Каждое утро приносит свои заботы.

Часы, которые стоят, лучше чем часы, которые плохо идут.

В радостях год как день, в страданиях день как год.

Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра.

Еврейское “зараз” — это как белорусское “пача-кай”.

Это будет тогда, когда на небе будет ярмарка, когда гвозди зацветут и когда у меня вырастут волосы на ладони.

Пьяница в молодости превращается в бедняка в старости.

Кто до двадцати лет ребенок, тот останется дураком в старости.

Лучше старое вино, чем старческие силы.

Нет такого транспорта, которым можно догнать молодые годы.

Ей двадцать пять лет, не считая праздничные и выходные дни.

Хорошо в старости, коль не опозорил свою молодость.

“Лучше придти позже, чем совсем не придти”, — сказал еврей, который опоздал на поезд.

Там, где нужна соль, не годится сахар, а там, где нужен сахар, соль не годится.

Человек не рождается с попрошайничкой торбой на плечах.

Когда Илья-Пророк извозчик, то езда проходит с блеском и треском.

Где собаки лают, там и люди проживают.

Какая разница от кого ты получил пощечину: от дурака или от умного, ведь болит-то одинаково.

Девушки — это скоропортящийся товар, надо быстрее выдавать их замуж.

Еврейское богатство приходит ветром и уходит дымом.

Еврейское счастье — не завидное: когда у него

выскочит чир на лбу, то нет печеной луковицы, чтобы приложить, а когда есть луковица, то нет чира.

Когда еврей сломает ногу, он благодарит Бога, что вторую ногу не сломал.

Если смотришь свысока, то попрдерживай шапку.

Вор вору не доверяет.

Если бы все люди тянули в одну сторону, то мир бы перевернулся.

Что мне от того, что у него хорошая голова, если ноги не носят.

Порой от желания делать умно получается наоборот.

Осла узнают по длинным ушам, а глупого человека — по его длинному языку.

Если нужен огонь, то его и в пепле ищут.

Когда человек здоров, у него тысяча забот, а когда он заболит — у него одна забота.

Плохо, когда кузнец днями ходит в белой одежде, а мельник — в черной.

Если имеешь, то держи, если знаешь, то молчи, если можешь, то делай.

Когда двое спят на одной подушке, то третий не должен вмешиваться.

Лучше сухой хлеб в мире, чем копченые куры в ссоре.

Лучше петух в руках, чем орел в небе.

Дом должен иметь хозяйку, а сарай — хозяина.

Там, где много хозяек, дом не подметен.

Самый дальний путь — это путь к своему карману.

Если бы жертвования не стоили денег, то на свете было бы гораздо больше праведников.

Когда едят чужой хлеб, то дерет в горле.

Слепая курица тоже иногда находит зернышко.

Счастье без ума — это как дырявый мешок.

Бог — отец, а счастье — это отчим.

Что быстро получают, то быстро и уходит.

Извозчик вернулся домой только с кнутом.
За несчастьем не надо посланцев посылать,
Когда несчастливец смотрит в реку, то рыбы
дохнут.

Несчастье прежде всего навещает бедняков.

Через лежащее дерево прыгают все козы.

Падать гораздо легче, чем вставать.

Нужда заставляет человека быть добрее, а счастье портит его.

Деньги — это мусор, но мусор — это никак не деньги.

Рыбу ловят удочкой, а людей — рублем.

Если на душе пятна, то лучше всего они снимаются деньгами.

Чем больше богатеешь, тем больше скрягой становишься.

Льстят не богачу, а его деньгам.

Где мед, там и мухи.

Лишь бы был конь, а кнут всегда найдется.

Скряга хлебает суп вилкой и еще стряхивает.

Не надо выливать грязную воду, пока чистая не подплыла.

У него в кармане деньги не успевают нагреться.

Тихая вода берега разносит.

Злость делает умного глупым.

Когда бьют по холодному камню, выскакивает горячая искра.

Кот, который мяукает, не может мышей ловить.

Смех слышен дальше, чем плач.

Плачут в одиночку, а смеются все вместе.

Когда слишком веселятся в молодости, то плачут в старости.

Дерево тоже сердце имеет.

Лучше дырявый карман, чем больное сердце.

Один горюет, что жемчуг редко нанизан, а другой

горюет, что крупа редкая в супе.

Слезы, которые вызывает натертый хрен, до сердца не доходят.

Хорошее слово мало стоит, но много помогает.

Еврей, не умеющий стать сапожником, мечтает стать профессором.

Не задавай Богу вопросов о Боге.

Когда мучник дерется с трубочистом, мучник становится черным от сажи, а трубочист смотрится чище.

Седина — признак старости, а не мудрости.

Борода не делает козла раввином.

Все о чем-то горюют: один о том, что у него мало бриллиантов, другой о том, что в супе — мало бобов.

Если бедняк ест цыпленка, одно из двух — либо болен он сам, либо болен цыпленок.

Глаз верит себе, а ухо — другим.

Тот, кто ничего не имеет, всегда готов делиться с другими.

Если у вас нет даже простыни, значит, вы даже экономите на стирке.

Жизнь — это сон, но при этом лучше не просыпаться.

У любви возможно, и не хватает глаз, но у зависти их слишком много.

Длинное, как еврейское изгнание.

Половина правды — ложь.

Спи скорей — подушка нужна.

Если бы люди догадывались, что о них думают другие, они перебили бы друг друга.

Лучше беседовать с женщиной и думать о Боге, чем наоборот.

Только шлимазл верит в мазл.

Если жизнь не меняется к лучшему, подожди — она изменится к худшему.

Нет справедливости Божьей: богачу Он дает пищу, а бедняку — аппетит.

Предаваясь пороку, хоть насладитесь им.

Одна ложь — одна ложь, две лжи — две лжи, три лжи — политика.

Лучше говорить хорошее о себе, нежели плохое — о других.

Если сказать нечего, ничего не говори.

Многие жалуется на свою внешность, и никто — на мозги.

Чрезмерная скромность — начало гордыни.

Плачь перед Богом, смейся перед людьми.

Лучше страдать от несправедливости, чем вершить ее.

Убив отца с матерью, не просят суд о снисхождении как к сироте.

От счастья до несчастья — шаг, от несчастья до счастья — вечность.

Не желай себе конца тревог, ибо с тревогами заканчивается и жизнь.

Если бы Бог жил на земле, люди выбили бы ему все окна.

Бог любит бедных, но помогает богатым.

Женщины лгут даже когда молчат.

Евреи не держат женских монастырей.

МУДРЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ

Когда мысль не впечатляет, спешно приводят тысячи доводов.

Талмуд

Главная причина антисемитизма заключается в существовании евреев.

Хаим Вейцман

Евреев ненавидят за их достоинства, а не за пороки.

Теодор Герцль

Люди, которые вместе смеялись и плакали, уже не чужие друг другу.

Макс Нордау

Если добро у тебя под рукой — ты владелец ему; если же далеко — ты раб ему.

Бей Сира

Чтобы спасти народ, нужно жертвовать вождями.

Израэль Зангвиль

Кто сеет ветер, тот пожнет бурю.

Библия

Мудрец говорит о том, что видел, глупец — что слышал.

Хасдай

Если ты научился у кого-нибудь даже только одной букве, — оказывай ему почтение.

“Изречение отцов”

Все народы можно разделить на две категории: тех, кто изгонял евреев, и тех, кто не впускал их к себе.

Хаим Вейцман

Если бы богачи могли нанимать нищих умирать за них, — нищие бы хорошо зарабатывали.

Шолом-Алейхем

Народ, который научился жить без страны, — невозможно завоевать.

Израэль Зангвиль

Сплетня убивает троих: того, кто говорит, того, кто слушает, и того, о ком говорят.

Меир Шалев

Обаяние первой любви обусловлено незнанием того, что она может когда-то кончиться.

Бенджамин Дизраэли

Из двух пререкающихся прав тот, кто умолкает первым.

Талмуд

Мудрец знает — что говорит, глупец говорит — что знает.

Лазеров

Ничто в себе так не уверено, как невежество.

Льюисон

Нет собаки мудрей битой.

Шолом-Алейхем

Евреи добиваются превосходства только потому, что им отказано в равенстве.

Макс Нордау

Тот, кто постоянно размышляет о смерти, — наполовину мертв.

Генрих Гейне

Существуют три вида цинизма: ложь, отъявленная ложь и статистика.

Бенджамин Дизраэли

Евреи несли Библию сквозь века как портативную родину.

Генрих Гейне

Библия — это наш патент на величие.

Маймонид (Рамбам)

Покорная жена повелевает мужем.

Бенджамин Дизраэли

У евреев для этого акта — очень глубокомысленное и ядовитое выражение; они не говорят: жить друг с другом; они не говорят: слиться, соединиться. Они говорят: мужчина познал женщину.

Лион Фейхтвангер

Основная причина мирского зла заключается в том, что Бог создал недостаточно денег.

Генрих Гейне

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение в сказочный мир	3
Сказки	7
Как Моше-рабейну стал заикой	8
Пути Господа праведны	9
Разговор с фараоном	12
Почему Моше бросил скрижали	14
Тора предназначена для людей	15
Два свидетеля	16
Волшебный шамир	18
Терпение — золото	23
Недостающая приправа	26
Подарок с неба	29
Царь Давид и лягушки	32
Загадки царицы Савской	35
Оса и паук	40
Царь Соломон и царица Савская	42
Вдова и ветер	48
Ни одна птица не чирикнула	54
Почему был разрушен храм... ..	57
Как пастух стал ученым	60
Два брата	65
Виноградник Навота Изреэльского	67
Кто сумел победить раби Йошуа бен-Ханаана	69
Кувшин с медом	74
Нахум-все к лучшему	78
Все к лучшему!	82
Принцесса и раби Йегошуа	83
Баал-Шем-Тов родился	84
Пан-колдун	90

Навес над могилой Бешта	93
Межбужский пурим	94
Сказка о том, как еврей послал Богу письмо на небо, и как тот ему помог	95
Злой волшебник Валкилак	98
Лошадь, которая привезла клад	102
Сила скорбящего сердца	107
Суббота, которая задержалась в пути	108
Бесценный товар	111
Мальчик и свеча	113
Йосеф по прозвищу Субботолюб	118
Как злой царь добрым стал	120
Хелемские мудрецы и луна	121
Маленькие камешки и большие камни	125
Полная картина	127
Он все видит	128
Азбука	129
Кузнечные мехи	130
Как раби Лев из Праги сделал Голема	131
Раввин и мыловар	146
Охотник и птичка	146
Стекло и зеркало	149
Три великих человека	150
Никудышный разбойник	151
Потерянная жемчужина	153
Дырочка в заборе	154
Зарытый клад	156
Драгоценные камни	157
Богач и его сын	158
Отражение	160
Чванливый земледелец	161
Каково быть бедным	163
По-дружески	164
Награда	165
Точный расчет	167
Сколько причитается каждому?	168
Как бог овечку защитил	169

Во славу Бога	171
Чти отца своего	171
Неблагодарный сын	173
Плоды веры	175
Мудрая царица	176
Соломоново решение	178
Маленький судья	179
Колокол правосудия	181
Удивительная история о двух братьях, которых унесло на корабле в Ледовитое море, и об их чудесном спасении	183
Два брата, богатый и бедный	191
«Вы таких благ не заслуживаете»	197
Деревянная невеста	199
Лиса и виноград	203
Собака среди волков	204
Кто более достоин выполнить эту честь	205
Самый ценный товар	206
В Минске и Пинске — все одинаково	207
Язык птиц	209
Всё, что имею, — под ногами... ..	211
Алапостак и старуха	212
Плешивый	213
Неудачник	215
Эзумкаш	218
«Рукав, угощайся!»	222
Рога	223
Судьба	224
Сановар и Роза	228
Сказания	235
Самуил	236
Саул	236
Давид-пастух	238
Гусли Давида	239
Соломон и мудрость египетская	239
Храм и дом Соломонов	240
Из царей в нищие	241

Девятое Аба	243
На развалинах Иерусалима	243
Симеон Праведный	248
Искорки народного остроумия	250
Мудрость и красота	253
Лев и журавль	254
Пословицы и поговорки	255
Мудрые изречения	264

Литературно-художественное издание
МУДРЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Составители: *ИОФФЕ Эммануил Григорьевич,*
РЕЛЕС Григорий Львович

Заведующий редакцией *Э. И. Липницкий*
Редакторы *С. С. Головач, В. Г. Ференц*
Художник *Ю. В. Вольнец*
Художественный редактор *А. Н. Хилькевич*
Технический редактор *А. Н. Хейфец*
Корректор *Ю. А. Павлюкевич*
Компьютерная верстка *Г. Л. Гутырчика*

Сдано в набор 22.03.99. Подписано к печати 22.06.99.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Таймс.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 15,12.
Уч.-изд. л. 12,71. Тираж 5 000 экз. Заказ №83.

Государственное предприятие «Издательство «Ураджай»»
Государственного комитета Республики Беларусь по печати.
Лицензия ЛВ № 8 от 02.12.97 220048, Минск, пр. Машерова, 11

Отпечатано в типографии ООО «Инпредо». Лицензия ЛП № 179 от 15.01.1998.
220089, Минск, ул. Семашко, 15.

ISBN 985-04-0424-8

9 789850 404244 >